

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 34, 2024

Владикавказ 2024

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
И. Т. Марзоев

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, Ф. О. Абаева

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Кануков З.Т.

Образ коня в алано-осетинской и персидской мифологии 5

Иванов Г.Д.

К вопросу о применении кабардинским временным судом
уголовных наказаний в отношении подвластных по прошениям
их владельцев во второй четверти XIX века 15

Туаллагова А.А., Туаллагов А.А.

К проблеме истории религиозной архитектуры Владикавказа..... 26

Баззаев Н.А.

Советская аграрная политика и коллективизация в Абхазии
в 1920–1930-ые гг. 40

Айляров М.А.

«Явиться всем как один к избирательным урнам...»:
периодика Северо-Осетинской АССР и мобилизация масс
в условиях первых послевоенных выборов 52

Секинаев С.А.

На фронте и в тылу: изучение участия жителей Северной Осетии
в Великой Отечественной войне через призму исторических источников 65

Бабаев Т.З.

Образовательный процесс среди рабочих в Северо-Осетинской АССР
в V и VI пятилетках 75

II. ЭТНОЛОГИЯ

Туаллагова А.А., Туаллагов А.А.

Осетинский Ныхас 83

Мециев С.Т.

Обычай умыкания девиц в осетинском традиционном обществе
как отклонение от норм обычного права 96

III. ФИЛОЛОГИЯ

Ирезиев С.-Х.С.-Э.

Определение спряжений глаголов в чеченском языке: проблемы, подходы и дискуссии107

Майрамукаева З.И.

Знаковые функции домашней утвари осетин.....119

IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

Хапсаева Д.В.

Нематериальное культурное наследие в системе ценностей молодежи СКФО132

Тускаева С.С.

Политическая элита Северной Осетии 20-30 гг. XX в.141

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ.....151

I. ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

З. Т. Кануков,
мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОБРАЗ КОНЯ В АЛАНО-ОСЕТИНСКОЙ И ПЕРСИДСКОЙ МИФОЛОГИИ

Статья посвящена изучению образа коня в его разных вариациях (в том числе крылатый конь или гиппокамп) в религиозно-мифологических представлениях алан (и их современных преемников – осетин) и персов доисламского периода. Рассмотрены примеры аланского и персидского искусства, содержащие изображения коня и встречающиеся на оружии, керамике, сасанидских геммах, предметах конского убора и т.д. Данные изображения представляют немалый интерес в контексте исследования.

Ключевые слова: крылатый конь, гиппокамп, сасанидское искусство, зооним, религиозно-мифологические воззрения.

The article is devoted to the study of the figure of a horse in its various variations (including the winged horse or hippocampus) in the religious and mythological beliefs of the Alans (and their modern successors, the Ossetians) and the Persians of the pre-Islamic period. In addition, examples of Alanian and Persian art containing figures of a horse, found on weapons, ceramics, Sassanid gems, horse harness items, etc. are considered. These images are of considerable interest in the context of this study.

Keywords: winged horse, hippocampus, Sassanid art, religious and mythological views.

Конь издревле играл важную роль в культуре индоевропейских народов. Его одомашнивание приходится на период бронзового века, после чего он постепенно начал приобретать статус культо-

вого животного, все сильнее проникая в религиозно-мифологическую систему. Немало научных работ было посвящено изучению роли коня в культовых практиках и ритуалах народов индоевропейской языковой семьи, к числу которых относятся аланы (и их языковые и культурные преемники – осетины) и персы. Представления, связанные с местом коня в религиозно-мифологических практиках, нашли свое отражение и в искусстве данных народов. Оружие, украшения, предметы конского убранства, керамика и многое другое нередко содержат изображения коней, отсылающих нас к мифологическим сюжетам культур вышеупомянутых народов.

Говоря об образе коня в традиционной культуре осетин, нельзя не упомянуть об *Уастырдж* – покровителе воинов, мужчин и путников. *Уастырдж* занимает важное место в религиозно-мифологических представлениях осетинского народа, по степени почитания следующим вслед за Богом (*Стыр Хуыцау*). Женщины называют его *Лæгты дзуар*, так как его имя находится для них под запретом. Как правило, он представляется в виде всадника на трехногом коне, способном передвигаться по небесному своду.

Изучению образа трехногого коня *Уастырдж*, называемого *æртыкъахыг*, было уделено немало внимания А. В. Дарчиевым. Были установлены параллели с ведийскими божествами, такими, как Вишну, который также иногда престаёт перед нами в образе трехногого коня. Трехноготь коня *Уастырдж* объясняется особенностями древних мифологических представлений, связанных с тремя стадиями движения солнца по небосводу: восход, зенит и закат. Существует и мотив трех шагов Вишну, что нашло свое отражение в ведийской мифологии. Концепция трех шагов существует и в зороастрийской идеологии, где третий шаг является заключительным при попадании в райскую обитель (солнечную сферу). В северогерманской мифологической системе восьминогий конь Одина доставляет души павших воинов-храбрецов в загробное царство. Собственно, и сам *Уастырдж* в

той или иной степени имеет связь с загробным миром. Помимо этого, исследователи нередко отождествляют его с богом войны аланского периода, которому последние совершали поклонения в образе меча [1, 387-391].

Интересны упоминания о коне *Уастырджи* в Нартовском эпосе осетин, где он, согласно сюжету, обладает удивительными способностями перевоплощения. Для полета по небу у него вырастают крылья, а для того, чтобы плавать в воде – рыбий хвост. Подобный мотив встречается в археологии. В качестве примера можно привести фибулу крылатого коня, найденную Е. Г. Пчелиной в с. Сохта (Южная Осетия). Вместо задней части туловища, у него был рыбий хвост. Данная фибула, предположительно, была изготовлена в I в. н. э. По словам Е. Г. Пчелиной, фибула в виде крылатого коня с рыбьим хвостом отражая древнее мировоззрение осетин, где мир представлялся в виде трех уровней: небо, земля и море. Конь *Уастырджи* так же был связан с тремя упомянутыми сферами. Похожая находка коня с рыбьим хвостом была обнаружена Е.Г. Пчелиной и в святилище Реком, находящимся в Цейском ущелье Северной Осетии. Ее производство датируют периодом раннего Средневековья [2, 251-253].

В 2016 г. на выставке «Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара» была представлена аланская сабля, найденная на Северном Кавказе и датируемая второй половиной XI – первой половиной XII вв. (Рис. 1). Несмотря на достаточно плохую сохранность клинка, уцелела часть обкладки рукояти и ножны, выполненные из позолоченной пластины. На обкладке рукояти имеется изображение двух коней, обращенных друг к другу и упирающихся мордами в древо жизни, изображенное между ними. Задняя часть туловища изображена в своеобразном стиле, а именно в виде трехчастной полупальметты с дополнительным завитком (рыбий хвост, на наш взгляд – примечание автора). Грива выполнена в виде завитков. Кони имеют рога, изображенные также в виде трехчастной полупальметты с завитком на конце. Аналогичное изображение присутствует и на ножнах [3, 304-305].

Рис. 1. Аланская сабля с изображением коней на позолоченной пластине

Как уже было подмечено, *Уастырджи* в той или иной степени связан с аланским богом войны, которому те поклонялись в античные времена и, вероятно, в Средневековье [4, 94]. В качестве образа при поклонении использовался меч, вонзенный в землю. У алан бог войны заодно считался и богом загробного мира, куда отправлялись души воинов, погибших в бою [5, 111]. Возможно, с этим и связан тот факт, что и сам *Уастырджи* имеет связь с загробным миром. В Нартовском эпосе *Уастырджи* возвращает к жизни Дзерассу, хотя во всех остальных отрывках такой способностью владеет лишь *Барастыр*. При этом именно кони из табуна *Уастырджи* помогают павшим воинам добраться до иного мира [1, 389].

Одним из центральных персонажей в иранской мифологии был бог войны *Бахрам* (перс. مارهب), также известный как *Веретрагна Победоносный*. Его имя сопоставляется с эпитетом *Индры* – самому часто упоминаемому богу индийской мифологии. Образ *Бахрама* зародился, по-видимому, еще во времена древнеиранской общности. Иранский бог войны выступает в качестве одного из ближайших сподвижников *Митры* [6, 122]. *Веретрагна* упоминается в священном писании зороастрийской религии – *Авесте*. Он предстает перед пророком Зороастром в различных зооморфных образах: верблюдом, быком, конем, вепрем и т.д. Имя *Веретрагны* буквально переводится как «Побивающий защиту» [7, 118-123].

Исследователи отмечают связь *Веретрагны* с *Вайю-Вата* – божеством индоиранской мифологии, властвовавшим между небом и землей. В Авесте и Ведах этот персонаж известен под одним и тем же именем, но в процессе эволюции иранской религиозной системы состоялось разделение *Вайю-Вата* на двух отдельных персонажей. Одним из них и был *Веретрагна*. В Авесте одним из воплощений данного божества является ветер. Собственно, и само имя *Бахрам* – производное от *Веретрагна* (*Varthragna*). Он соотносится с *Vrtrahan* ведической традиции, что расшифровывается как «драконоборец», что также является титулом бога Индры. *Бахраму* молятся, чтобы он оказал поддержку и даровал победу воином на поле брани. Иранский бог войны занял свое место и в средневековом искусстве данного народа. Археологами были обнаружены различные зооморфные образы, в которые *Бахрам* способен был воплощаться согласно авестийской традиции. Одним из них является крылатый конь. Так, в Тель Дароз (Ирак) археологами была обнаружена гипсовая табличка с изображением бога *Бахрама* в образе крылатого коня (Рис. 2).

Рис. 2. Изображение бога Бахрама на гипсовом слепке в Тель Дароз (Ирак)

Еще одна подобная находка была сделана в Джахангире, что находится в провинции Илам Исламской Республики Иран (Рис. 3) [8, 130-145].

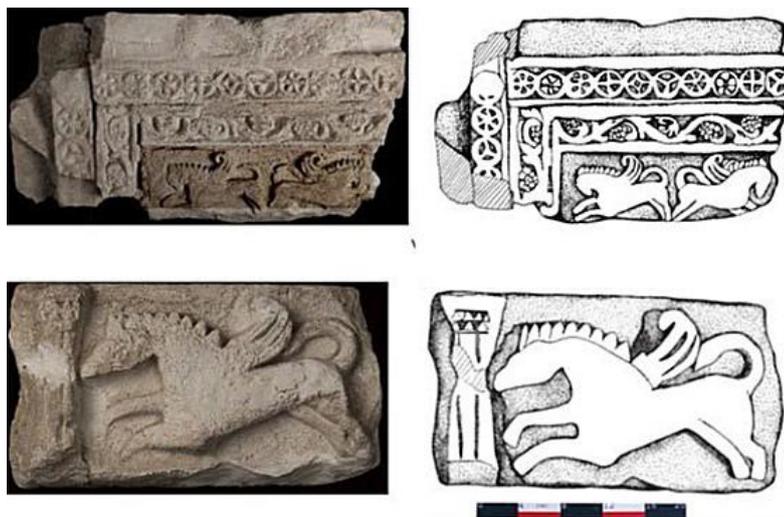

Рис. 3. Изображение бога Бахрама на гипсовой плите в Джахангир (Иран)

Отметим, что упомянутое выше иранское божество *Вайю* (*Vayu*), существовавшее, по-видимому, еще во времена индоевропейской общности, имеет свою параллель и в мифологической системе осетин. Согласно исследованиям В. И. Абаева, оно соответствует осет. *wæjug* (великан). Тем не менее, в тексте посвящения коня усопшему (*Бæхфæлдисын*) *wæjug* указывается как «привратник загробного мира». Это и не удивительно: *Вайю*, чья сущность претерпела немало эволюционных изменений в процессе истории, играл роль и бога смерти. Свою аналогию *Вайю* имел и у скифов, выступая под именем *Vayuka-sura*. Родственным персонажем выступает и укр. *Вій* из одноименного произведения Н.В. Гоголя [4, 91].

Иранский бог войны *Бахрам*, по мнению некоторых исследователей, аналогично *Уастырдж* покровительствовал путникам. К такому выводу пришли некоторые исследователи, интерпретируя статую Геракла (эллинизированный образ *Бахрама*), находящуюся в Бехистуне на северо-западе Ирана, где Геракл (*Бахрам*) изображен лежащим с чашей в руках и дубиной у ног. Отметим, что *Бахрам* имеет отношение и к загробному миру: согласно

представлениям зороастрийцев, он сопровождал души умерших в течение первых трех дней после смерти [9].

Еще одним примером изображения коней в иранском искусстве является рельеф в Накш-е Рустам, где показана сцена коронации иранского шахин-шаха Арташира I верховным божеством зороастрийской религии *Ахура Маздой* (Рис. 4). И Арташир, и *Ахура Мазда* изображены восседающими на конях с идентичным убранством. Считается, что временем создания рельефа является период правления самого Арташира I, а именно первая половина III в. н.э. [10, 47]. Изображения коней (иногда крылатых) фиксируются и на сасанидских геммах [11, 119-120].

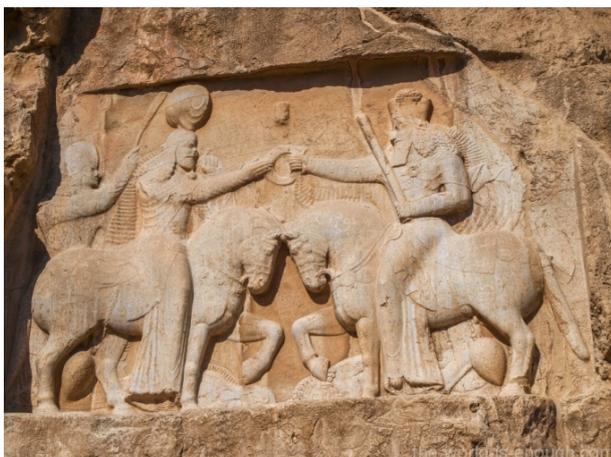

Рис. 4. Коронация Арташира I Ахура Маздой (Накш-е Рустам, Иран)

В образе крылатого коня, помимо *Бахрама*, представляется *Тиштрия* – персонаж иранской мифологии, ответственный за дожди и все остальные воды на земле. *Тиштрии* посвящен один из яштов Авесты, где она в облике белого златоухого коня, после долгой борьбы, при поддержке *Ахура Мазды*, одерживает верх над дэвом засухи *Апаоша*. После победы пастбища и поля орошаются дождевой водой, что знаменует коней засухи. Четвертый месяц иранского календаря носит имя *Тиштрии (tir)*. С ней, как правило, отождествляется Сириус [7, 58-74, 187].

Одними из видных исследователей символики коня в иранской мифологии и искусстве являются К. Фехрипуш и Ф. Шарифян. Иранскими учеными был проанализирован образ крылатого коня в мифологии различных народов Евразии, среди которых персы, индийцы, греки и т.д. Заключено, что из Ирана образ крылатого коня проник во многие соседние культуры, в том числе ассирийскую. Изначально крылатый конь выступал в качестве перевозчика душ умерших в загробный мир. С течением времени его образ стал обрастать другими различными функциями. Такие персонажи иранской мифологии, как *Митра*, *Веретрагна*, *Тиштрия*, *Сраоша*, в той или иной степени связаны с образом коня. Крылатый конь отождествлялся не только с солнцем, но и с загробным миром, являясь, в том числе символом смерти. Конь белой масти (в противовес коню черной масти) являлся символом светлого начала, чистоты и совершенства. К числу самых древних археологических находок с изображением крылатого коня относят иранский сосуд X–IX вв. н.э., обнаруженный в Кашане. В провинции Лурестан археологами была обнаружена бронзовая уздечка VIII–VII вв. до н.э., с фигуркой крылатого коня (Рис. 5).

Рис. 5. Часть бронзовой уздечки, выполненная в виде крылатого коня (Лурестан, Иран)

Гемма из музея Боали (Хамадан), относящаяся к сасанидскому периоду и принадлежащая, судя по надписи, представителю жреческого сословия, также содержит изображения крылатого коня. Причем над головой коня изображены полумесяц и звезда, что наводит исследователей на мысль о связи образа с *Тиштрией* и созвездием Малый конь [12].

Образ коня занял прочное место в мифологических системах алан-осетин и персов. Пройдя долгий путь трансформации, с течением времени конь (в том числе крылатый) приобретал разнообразные функции и выступал в качестве зооморфного образа различных божеств [13, 62, 67]. Данные мифологические представления нашли свое отражение также и в искусстве. Многие артефакты, относящиеся к аланской и иранской археологии, содержат изображения коней. В их числе геммы, статуэтки, керамика, оружие и т.д.

1. Дарчиев А.В. К вопросу о значении трехногого коня в религиозно-мифологических представлениях осетин // Научный диалог. 2020. № 8. С. 383-397.

2. Пчелина Е.Г. *Ossetica*. Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа / под ред. докт. ист. наук В.А. Кузнецова. Владикавказ: Золотое сечение, 2013. 327 с.

3. Торгоев А.И. *Сабля // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара*. Каталог выставки / под ред. Е.П. Чебучева. М.: Издательский дом Марджани, 2016. 559 с.

4. Абаев В.И. Избранные труды: в 4-х томах. Т. 1. Религия, фольклор, литература / под ред. докт. ист. наук З.В. Кануковой. Владикавказ: Ир, 2020. 543 с.

5. Bachrach B. S. *A History of the Alans in the West. From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1973. 161 p.

6. Мифологический словарь / под ред. Е.М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.

7. Стеблин-Каминский И.М. *Авеста: Избранные гимны*. М.: Дружба народов; КРАМДС – Ахмед Ясови, 1992. 207 с.

8. Chehri, M.A. Representations of the god Bahram on the stuccoes of the Sassanid period \ Iranian Archaeological Research (Archaeology Letter). 1400 – in Persian. Vol. 12(35). Pp. 158-127.

9. Encyclopædia Iranica: [сайт]. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/bahram-1#pt2>

10. Луконин В.Г. Культура Сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969. 244 с.

11. Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1963. 220 с.

12. Fekripour, K., Sharifian, F. Symbolism of the Winged Horse in Ancient Iran (Case Study of a Seal from the Bu-Ali Sina Museum in Hamedan) // Research Journal of Ancient Culture and Languages, in Press; 1446 – in Persian.

13. Бесолова Е.Б., Годрати А. Об этнокультурной специфике зоонима «верблюды» в осетинском и персидском языках // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 47(86). С. 59-75.

Г. Д. Иванов,
аспирант КБНЦ РАН
(г. Нальчик)

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ КАБАРДИНСКИМ ВРЕМЕННЫМ
СУДОМ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ
ПОДВЛАСТНЫХ ПО ПРОШЕНИЯМ ИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ
ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

Целью исследования является представление общей характеристики и особенностей исполнения уголовных наказаний по российскому праву, иницируемых кабардинскими владельцами в отношении подвластных с помощью региональных судебных и административных органов Российской империи во второй четверти XIX в. Задачи исследования: 1) дать общую характеристику применения российских уголовных наказаний по отношению к зависимым сословиям на региональном уровне в сравнении с положениями российского законодательства; 2) проанализировать особенности исполнения выделенных наказаний в отношении подвластных по прошениям их владельцев в регионе. В рамках судебно-административных преобразований кабардинские владельцы с помощью региональных органов могли применять к подвластным российские уголовные наказания, но их применение было ограничено. Российские формы исполнительного производства в регионе, в том числе и пенитенциарная система, только начали формироваться на региональном уровне. Гауптвахта была основным наказанием для подвластных, для их отправки в арестантские роты или в рекруты; владельцы обращались к властям в крайнем случае. Начальник центра Кавказской линии мог отправлять холопов в ближайшие арестантские роты. Отправка же в роты или в рекруты в российские губернии сопровождалась процедурой с участием большего числа субъектов судебно-административной системы. В региональной судебной практике применение данных наказаний трактовалось как мера, обеспечивающая действие кабардинских обычаев, что можно расценивать в качестве проявления политики империи как по приспособлению адатов к российскому праву, так и по вытеснению традиционных наказаний для зависимых сословий кабардинского общества.

Ключевые слова: кабардинские владельцы, зависимые сословия, гауптвахта, арестантская рота, пенитенциарная система, центр Кавказской линии, Центральный Кавказ.

The purpose of the study is to present the general characteristics and features of the execution of criminal penalties under Russian law initiated by Kabardian owners against subjects with the help of regional judicial and administrative bodies of the Russian Empire in the second quarter of the XIX century. Research objectives: 1) to give a general description of the application of Russian criminal penalties in relation to dependent estates at the regional level in comparison with the provisions of Russian legislation; 2) to analyze the specifics of the execution of the allocated punishments against subordinates at the request of their owners in the region. As part of the judicial and administrative reforms, Kabardian owners, with the help of regional authorities, could apply Russian criminal penalties to their subjects, but their application was limited. Russian forms of enforcement proceedings in the region, including the penitentiary system, have just begun to take shape at the regional level. The guardhouse was the main punishment for subordinates, for their transfer to prison companies or recruits, the owners turned to the authorities as a last resort. The head of the Center of the Caucasian Line could send slaves to the nearest prison companies. Sending to companies or recruits to Russian provinces was accompanied by a procedure involving a larger number of subjects of the judicial and administrative system. In regional judicial practice, the application of these punishments was interpreted as a measure ensuring the effect of Kabardian customs, which can be regarded as a manifestation of the empire's policy both to adapt the adats to Russian law and to displace traditional punishments for the dependent estates of Kabardian society.

Keywords: Kabardian owners, dependent estates, guardhouse, convict company, penitentiary system, center of the Caucasian line, Central Caucasus

Окончательная ликвидация независимости Кабарды в 1822 г. послужила началом интеграции региона в правовое пространство Российской империи, а учреждение в том же году Кабардинского временного суда (далее – КВС) как судебного учреждения нового типа стало основным этапом в этом процессе. В данный период началась трансформация традиционных общественных

институтов. Одним из проявлений данного процесса стала модернизация системы наказаний, применение которых кабардинские владельцы могли инициировать в отношении своих подвластных. Это выражалось в прибавлении к традиционным наказаниям возможности применения через российский региональный аппарат управления наказаний по российскому праву к своим подвластным. Исследование данного процесса позволит раскрыть степень применения российских уголовных наказаний по отношению к зависимым сословиям кабардинского общества.

Данный процесс не становился объектом специального исследования, а лишь частично затрагивался в научных работах А. Х. Абазова и В. М. Букаловой [1; 2]. Исследование проводилось с опорой на материалы, извлеченные из архивных сборников Е. О. Крикуновой и Б. А. Гарданова [3; 4] и фонда Управления Центрального Государственного архива Архивной службы КБР (далее – УЦГА АС КБР).

Ко второй четверти XIX в. произошло ограничение власти кабардинских владельцев, в том числе в части наказания своих подвластных. Необходимо было обращаться к начальнику Центра Кавказской линии (далее – начальник центра) и в КВС, которые с помощью имеющихся в их распоряжении средств применяли к зависимым сословиям меры уголовного характера. Система наказаний по отношению к зависимым сословиям в данный период условно разделялась на два типа.

К первому типу относились традиционные наказания, инициируемые владельцами: перевод в низшую сословную категорию и продажа в рабство. Впоследствии КВС стал применять их в своей практике. Например, в журнальном постановлении КВС от 16 декабря 1847 г. приводится справка, где уздень К-жев жалуется на неповиновение и распутную жизнь его холопки Ассиат. Здесь же дается журнальное постановление от 18 марта 1844 г., где определено объявить ей, что в случае неисpravления ее поведения, она лишится холопских прав и будет обращена в унаут [4, 231-232]. В.М. Букаловой выделяет также случай, когда по требованию начальника Центра холопам должны были объявить, что в случае

неповиновения владельцу, их лишат холопских прав и взыщут с них кормовые деньги за время, которое они провели под арестом [2, 24].

Ко второму типу относились российские уголовные наказания. Мы дадим общую характеристику применения этого типа наказаний на региональном уровне в сравнении с положениями российского законодательства. Это необходимо для понимания особенностей и степени реализации российских законов на региональном уровне.

Согласно положениям Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1842 г., помещик имел право наказывать своих подвластных в домашних условиях, но без увечий и опасности для жизни [5, 396]. Если обобщить положения Устава, то крепостные по просьбе помещика за побеги, неповиновение, распутное поведение и иные проступки подвергались следующим наказаниям: 1) содержанию в смиренных или рабочих домах; 2) содержанию в арестантских ротах гражданского ведомства на определенный помещиком срок [5, 249-250]; 3) отдаче в рекруты [5, 250]; 4) передаче Губернскому правлению и, в случае неспособности к военной службе, переселению в Сибирь [5, 241].

Перед тем, как перейти к уголовным наказаниям зависимых сословий на территории Кабарды, нужно обозначить сословные особенности кабардинского общества. Помимо кабардинских князей и узденей, владельцами могли быть и старшины [6], и вольные кабардинцы [7]. Согласно В.Х. Кажарову, в начале XIX в. крестьяне, освободившись от крепостничества, сами приобретали крепостных, что сохраняло традиционные отношения, вплоть до их ликвидации в результате реформ 60-х гг. XIX в. [8, 527-528]. Вольноотпущенники, так же как и упоминаемые в материалах КВС холопы, оставались зависимым сословием и эксплуатировались бывшими владельцами путем внеэкономического принуждения [4, 374-375].

Согласно «Наставлению Временному Суду, учреждаемому в Кабарде для разбора дел между Кабардинцами, впредь до издания особенных правил» (далее – Наставление 1822 г.), дополняющему

прокламацию главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом генерала от инфантерии А.П. Ермолова от 29 августа 1822 г., в случае обычных проступков подвластных против своих владельцев их подвергали штрафу и легкому наказанию, при этом не полагается взыскание свыше меры преступления. [9, 471-472]. В иных случаях владельцы могли наказывать своих подвластных посредством обращений к начальнику Центра и в КВС.

Данные архивных материалов, связанных с деятельностью КВС, позволяют выделить основные наказания, применяемые к зависимым сословиям по обращениям кабардинских владельцев: 1) заключение на гауптвахте [4, 317-318]; 2) заключение в арестантские роты [10]; 3) отдача на военную службу [11]. Кабардинские владельцы, как и русские помещики, наказывали подвластных за неповиновение, побеги, дурное поведение и т.д.

Как на российском, так и на региональном уровне на гауптвахтах и в арестантских ротах – телесные наказания. В регионе они были закреплены еще в Народном условии, сделанном после отмены в Кабарде заразы июля 10-го, 1807 года, и применялись за маловажные проступки, а в практике КВС применялась в основном в качестве дополнительной меры наказания. Несмотря на это, В.К. Гарданов полагает, что введение данного наказания в Наставление 1822 г. было чуждо кабардинскому обычному праву и в практике суда не получило распространения [1, 222].

Сравнение российского законодательства и региональных правовых документов позволяет зафиксировать попытки адаптации сословной структуры кабардинского общества к российскому правовому полю. Кабардинские владельцы получили те же возможности для наказания подвластных, что и у русских помещиков. Но на региональном уровне российские власти были ограничены в части применения данных наказаний. Для понимания причин нужно перейти к анализу особенностей исполнения выделенных уголовных наказаний в регионе, с упором на положения российского законодательства.

Гауптвахты были учреждены в начале XVIII в. и являлись специальными зданиями для содержания арестованных военных. Со-

гласно примечаниям к ст. 2 Свода учреждений и уставов содержащихся под стражей и о ссыльных 1842., гауптвахты находились в военном ведомстве, где в определенных случаях могли содержаться лица гражданского ведомства, в том числе и в случае недостатка гражданских помещений [12, 309]. Полагаем, что на региональном уровне реализовывался этот случай.

На территории Кабарды гауптвахты появились в 20-е гг. XIX в. [1, 221]. В отличие от российских гауптвахт, в Кабарде в данных учреждениях содержался социально разнообразный контингент заключенных, нежеле военные, в том числе кабардинские феодалы, вольные кабардинцы, холопы и др. Причиной такого состава арестантов являлась, на наш взгляд, являлась неразвитость пенитенциарной системы в регионе. Данная мера наказаний по отношению к холопам использовалась и после упразднения КВС [3, 68].

Гауптвахта была основным местом заключения, куда холопы попадали по прошениям их владельцев за различные проступки. Для зависимых сословий данное учреждение могло быть как следственным изолятором, так и предварительным местом заключения перед отправкой холопа в арестантские роты или на военную службу [4, 139-140]. Содержание в данном учреждении применялось в качестве обеспечительной меры для исполнения приговора. Примером здесь может послужить предписание начальника Центра КВС Голицына от 15 декабря 1842 г. Здесь начальник Центра предписывает в соответствии кабардинским обрядом избрать с согласия узденя К-шева трех узденей и продать холопа К-кова с семейством, или выпустить на свободу, с взысканием в пользу К-шева за каждого холопа по 15 туманов. До исполнения этого приговора К-ков с сыном должен содержаться в Нальчике на гауптвахте [4, 39-41]. Выделение в данном документе кабардинских обрядов позволяет утверждать, что заключение на гауптвахту в данном случае, можно трактовать как меру, обеспечивающую действие кабардинских обычаев. На наш взгляд, это является проявлением политики российских властей, с одной стороны, по приспособлению адатов к российскому праву и применимо ко всем российским наказаниям, применяемым к подвластным с подачи

их владельцев. С другой стороны, данная политика направлена на постепенное вытеснение традиционных форм наказаний.

Как мы уже отметили, заключение на гауптвахте могло использоваться в качестве предварительной меры перед отправкой в арестантские роты или в рекруты. Арестантские роты в России получили свое развитие в 20-х годах XIX в., хотя наказание военных и осужденных в виде привлечения к тяжелым работам уже было в XVIII в. В XIX в. создаются и развиваются сами подразделения и их правовые основы [13, 47]. К 1842 г. в Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и ссыльных входил Устав об арестантских ротах.

В рамках данного устава арестантские роты делились на роты гражданского ведомства, входящие в ведомство местных гражданских начальств, и военного (инженерного) ведомства, входящие в комендантское ведомство [12, 411]. Люди дурного поведения, отдаваемые по приговорам обществ или по воле помещиков были основной категорией, которую зачисляли в данное учреждение. Туда попадали арестанты, к которым применялись телесные наказания и не годные к военной службе [12, 412]. Арестанты выполняли общественные и фортификационные работы в условиях военной дисциплины. В рамках устава предполагаются ситуации, когда арестанты вместо рот гражданского ведомства попадали в инженерные и наоборот. В определенной связке с арестантскими ротами находилась такая форма наказания, как отдача в солдаты (рекруты) [14, 20].

В рамках свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений издания 1857 г. выделяются положения по Кавказскому наместнику. До окончательного устройства судебной и полицейской части в Ставропольской губернии и Закавказском крае наместник мог удалять порочных туземных жителей во внутренние губернии. Если к преступнику были применимы телесные наказания, его отдавали в арестантскую роту гражданского или инженерного ведомства [15, 347-348]. Согласно отсылке к положениям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1857 г., предусматривалось, что там, где еще не учреждены гражданские

арестантские роты, осужденные помещались или в ближайшую гражданскую роту, или в отряды срочных арестантов инженерного ведомства [16, 26-27].

Арестантские роты на Центральном Кавказе стали появляться в 40-х годах XIX в. Российское законодательство 1842 г. выделяет гражданскую арестантскую роту в Ставрополе [12, 415], а архивные документы КВС позволяют выделить роту военного ведомства в Пятигорске [4, 133]. Кабардинские владельцы обращались к российским властям для отправки своих холопов в арестантские роты или в рекруты в случае многочисленных побегов, рецидивных проступков, если их поведение не поддавалось исправлению. Например, согласно объяснению урусбиевского старшины У-ева в КВС от 3 июня 1842 г., в ответ на объявленное судом предписание об отдаче ему по поруки холопа Ч-ва с гауптвахты, старшина в виду неоднократных побегов холопа просит у суда ходатайства об отдаче Ч-ва на в российскую военную службу [17].

Согласно рапорту прапорщика Магомета Абукова начальнику Центра Голицыну от 22 марта 1845 г., по просьбе узденя Абукова начальник Центра отправил его холопа Бекира Шанукова в Пятигорск в арестантскую роту для исправления поведения [4, 133]. Данный документ позволяет утверждать, что начальник Центра мог иметь полномочия по определению холопов по просьбе кабардинских феодалов в ближайшие арестантские роты, например, в Пятигорск.

В отличие от отправления в ближайшие арестантские роты, отправление кабардинских холопов в дальние российские роты или в солдаты сопровождалась целой процедурой. Владелец мог просить об употреблении сначала одного наказания, а потом другого, как это было в рапорте Магомета Абукова начальнику Центра Голицыну от 23 августа 1845 г. Абуков просит отправить его холопа в российскую арестантскую роту на два года, и, если он там не исправится, отдать его на российскую военную службу [4, 140].

Согласно архивным данным, в этой процедуре присутствовали четыре субъекта с различной долей участия: владелец, КВС, начальник Центра, командующий войсками на Кавказской ли-

нии и Черномории (далее – командующий войсками). Возможно, различная доля участия связана с недостатком документов в делах. Мы попробуем обобщить и выделить основные этапы, но подчеркиваем, что данный процесс требует дальнейшего исследования. Сначала владделец обращался в суд и просил ходатайства у начальства для отправки холопа на службу [17] или в арестантские роты. На содержание холопа по отдаче в рекруты владделец давал 2 руб. 10 коп. [18] и брал у суда свидетельство о принадлежности ему холопа [19]. Далее от КВС начальнику Центра поступал рапорт, где просилось распоряжение об отдаче холопа в рекруты или в арестантские роты [20]. Начальник Центра рапортовал командующему войсками, прося его распоряжения об отсылке холопа [4, 141]. В адрес начальника Центра поступало предписание от командующего войсками или рапорт от правителя канцелярии по управлению мирными горцами Штаба войск Кавказской линии и Черномории, с подтверждением возможности отправки холопа [21]. Начальник Центра вместе с подтверждающим документом и своей подписью обращался к владельцу, чтобы он подтвердил свое решение [10], которое владделец также подтверждал подписью [18]. После этого холопа под караулом отправляли в Ставрополь, где решалось его дальнейшее расположение в рамках пребывания в арестантской роте или будущей военной службы в российских губерниях.

Правовые положения по данным наказаниям позволяют констатировать, что применение данных наказаний к зависимым сословиям осложнялось интеграцией региона в Российскую империю в судебно-административном плане, что выражалось в неразвитости пенитенциарной системы.

Таким образом, в Кабарде во второй четверти XIX в. в рамках российских судебно-административных преобразований, кабардинские владельцы могли с помощью региональных органов власти применять к зависимым сословиям российские уголовные наказания. Но в части их применения в данный период судебно-административная система имела ограничения, связанные с интеграцией Кавказского региона в Российскую империю.

Российские формы исполнительного производства в регионе, в том числе и пенитенциарная система, находились на начальном этапе формирования. Гауптвахта была основным наказанием для зависимых сословий. В крайнем случае владельцы обращались к властям для отправки подвластных в арестантские роты или в рекруты. Начальник Центра мог отправлять холопов в ближайшие арестантские роты, но отправка в роты или в рекруты в российские губернии сопровождалась процедурой, с участием как владельца и начальника Центра, так и с участием КВС и командующего войсками. В судебной практике применение данных наказаний трактовалось как мера, обеспечивающая действие кабардинских адатов, что можно интерпретировать как проявление политики империи по: 1) приспособлению адатов к российскому праву; 2) вытеснению традиционных наказаний, применяемых к зависимым сословиям в Кабарде.

1. Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – нач. XX в.: Дисс. ... док. ист. наук. Нальчик, 2017.

2. Букалова В.М. Кабардинский временный суд (1822–1858) // Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. Ед. Хр. 57.

3. Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959.

4. Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX в.) / Сост. Б.А. Гарданов. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956.

5. Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. 1842. Т. XIV.

6. УЦГА АС КБР Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т. 3 Л.94.

7. УЦГА АС КБР Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т. 3 Л.190, Л.190 об.190, Л.191.

8. Кажаров В. Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. к. и. н. А. Х. Абазов. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014.

9. Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. VI. Часть II. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1875.

10. УЦГА АС КБР Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т. 3 Л.75.
11. УЦГА АС КБР Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т.1 Л.40, Л.40 об.40, Л.41.
12. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных // Свод законов Российской империи. 1842. Т. XIV.
13. Курабцева А. П. Создание арестантских рот военного и военно-морского ведомства в российской империи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 4.
14. Свод законов уголовных // Свод законов Российской империи. 1842. Т. XV.
15. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. 1857. Т. XIV.
16. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. 1857. Т. XV.
17. УЦГА АС КБР Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т. 3 Л.96, Л.96 об.96.
18. УЦГА АС КБР Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т. 3 Л.76, Л.76 об.76.
19. УЦГА АС КБР Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т. 3 Л.95.
20. УЦГА АС КБР Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т. 3 Л.97, Л.97 об.97.
21. УЦГА АС КБР Ф.И-23 Оп.1 Ед.хр. 2 т. 3 Л.74, Л.74 об.74.

А. А. Туаллагов,
дин, внс СОИГСИ им. В. И. Абаева

А. А. Туаллагова,
студентка Владикавказского филиала
Финансового университета при Правительстве РФ
(г. Владикавказ)

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ АРХИТЕКТУРЫ ВЛАДИКАВКАЗА

Целью исследования является анализ проблемы архитектурного и художественного авторства строительства Суннитской мечети во Владикавказе. В его задачи входит верификация предложенных к настоящему времени гипотез. Научная актуальность проблемы определяется неослабевающим к ней интересом, стимулируемым со стороны государства развитием туристического кластера в Республике Северная Осетия-Алания. Научная новизна заключается в предметном анализе гипотез на основе привлечения всех выявленных на современном этапе материалов, включающих архивные источники, в том числе, ранее не вводившиеся в научный оборот. В исследовании использовались методы текстуального и хронологического изучения источников, индуктивного и логического анализа на основе принципа историзма и системности изложения. В ходе исследования установлено, что ни одна из современных гипотез не дает надежных оснований для установления авторства архитектурного проекта Суннитской мечети. Вместе с тем выявляются новые участники строительного процесса данного культового объекта. Устанавливается действительный источник информации о художественном оформлении мечети. В статье также привлекается внимание к отдельным дополнительным проблемным вопросам по истории строительства мечети.

Ключевые слова: Суннитская мечеть, Владикавказ, архитектурный проект, художественная роспись, история строительства.

The purpose of the study is to analyze the problem of architectural and artistic authorship of the construction of the Sunni Mosque in Vladikavkaz. Its tasks include verification of the hypotheses proposed to date. The scientific relevance of the problem is determined by the relentless interest in it, stimulated by the development of a tourism cluster in the Republic of North Ossetia-Alania in the part of the state. The scientific

novelty consists in a substantive analysis of hypotheses based on the involvement of all materials identified at the present stage, including archival sources, including those that were not previously introduced into scientific circulation. The study used methods of textual and chronological study of sources, inductive and logical analysis based on the principle of historicism and systematic presentation. The study established that none of the modern hypotheses provides reliable grounds for establishing the authorship of the architectural design of the Sunni Mosque. At the same time, new participants in the construction process of this cult object are being identified. A valid source of information about the decoration of the mosque is established. The article also draws attention to some additional problematic issues in the history of the construction of the mosque.

Keywords: *Sunni Mosque, Vladikavkaz, architectural project, art painting, building history.*

Вопрос, связанный с историей возведения исламской религиозной архитектуры во Владикавказе, остается во многом не исследованным. Например, одни авторы указывают, что первая суннитская мечеть во Владикавказе была построена татарами в конце XIX в. на мусульманском (воинском) кладбище в районе пехотного училища на Молоканской слободке. Впоследствии она была ими разобрана [1, 189]. Надо полагать, что такое заключение следует из указаний других исследователей, что построенная татарами на Молоканской слободке мечеть впоследствии была разобрана [2, 143], а также наблюдений, что к 1863–1864 гг., когда татары из числа военнослужащих и кадий Осетинского округа обратились к властям с просьбой о строительстве мечети, «... небольшая мечеть была возведена на мусульманском (воинском) кладбище (в районе пехотного училища)» [3, 191]. С другой стороны, следует указать на сообщение в газете «Терские Ведомости» от 12 июня 1894 г., что на берегу Терека в третьей части города, на площади, отведенной под понедельничный базар, начато строительство мечети для казанских татар Владикавказа за счет собранных их общиной средств [4, 2].

Но самой известной до сегодняшнего дня исламской религиозной постройкой во Владикавказе является Суннитская мечеть. Однако и история строительства данной мечети, как и ее архи-

тектурный облик, до сих пор не находят своего исчерпывающего анализа и объяснения. Отмечалось, что в своем заключении от 30 октября 1929 г. художник-график А.-Г. З. Хохов сравнивал мечеть с каирским образцом («в мавританском стиле») [5, 13]. В 1957 г. востоковед-филолог А. Агнаев в небольшой газетной статье выступил с заявлением, что мечеть является уменьшенной копией Каирской суннитской мечети. Автор копии неизвестен. Копии этой же мечети XII в., якобы, представлены также в Ленинграде и Казани. Кроме того, утверждалось, что строительный материал, краски, мозаичные материалы также полностью соответствуют каирскому образцу [6, 3]. Современные исследователи указывают, что автор считал мечеть во Владикавказе уменьшенной копией каирской мечети Аль-Азхар [7, 4; 8, 199; 5, 13; 9, 28–29, 37].

Однако заявление А. Агнаева уже вскоре было отвергнуто специалистами. В письме от 10 февраля 1964 г. на имя Л. Х. Левитан (Цомаева), приложившей многое личных усилий в деле восстановления истории создания Суннитской мечети, от научного сотрудника Казанского института языка, литературы и истории АН СССР Ф. Х. Валеева указывалось, что архитектура и декоративное убранство владикавказской мечети носят подражательный характер египетской архитектуры X–XIII вв., в частности, мечети Аль-Азхар (970–972 гг.) и других египетских сооружений того времени [10, 28–28об; 11, 4]. В публикациях ошибочно был назван «О. Х. Валиев» [11, 4; 8, 203].

Что касается мечети в Ленинграде, то в другом письме на имя того же адресата от Ученого секретаря Отдела Советского Востока Государственного Эрмитажа К. А. Ракитиной указывалось, что мечети во Владикавказе и Ленинграде разные. Ленинградская мечеть была построена в 1912 г. архитектором С. С. Кричинским из серого камня с отделкой из расписных изразцов, в которых преобладал голубой тон. В проекте здания повторены формы мавзолея Тимура, построенного в Самарканде в начале XV в. [10, 32; 11, 4].

Еще в одном письме на имя Л. Х. Левитан от 20 января 1965 г. старшая научная сотрудница Музея истории Азербайджана

Н. А. Таирзаде указывала: «Здание Вашего Музея действительно задумано в арабском стиле. Оно сооружено из белого известняка, привезенного на место строительства из окрестностей Баку, и облицовано кирпичом» [10, 29; 11, 4].

В 1967 г. на имя адреса пришло письмо от самого доктора искусствоведения, сотрудника Института архитектуры и искусства Министерства культуры Азербайджанской ССР Абдул Вагаба Салам-заде. В письме также утверждалось: «В отношении архитектуры здания мечети архитектор использовал некоторые элементы и детали каирского зодчества, но с архитектурной композицией и стилевой характеристикой Аль-Азхара не имеющего ничего общего» [10, 35]. Утверждение о происхождении использовавшегося для строительства белого известняка из окрестностей Баку до сих пор осталось без подтверждения.

По мнению современных архитекторов, прообразом мечети, ее фрагментов могли служить каирские мечети Каир-Бея постройки 1485 г. и Хаир-Бека 1503 г. Аналогов мечети в России нет. При строительстве использовался кирпич, а отдельные участки выложены из естественного тесаного камня. Цоколь построен из плотного естественного камня, а кровля купола и минаретов – из листовой меди [12, 34; 13, 66-67]. В работе Л. Х. Левитан, основывающейся на данных реставраторов, указывается, что техника росписей Суннитской мечети Владикавказа комбинированная – письмо по сырой штукатурке красками, разведенными на известковом молоке, и сграффито – нанесение тонированных слоев штукатурки с последующей глубокой выборкой рисунка [10, 11].

Обычно исследователи приводят мнение руководителя реставрации мечети в 1966–1969 гг., производившейся бригадой художников-реставраторов Ленинградских художественно-реставрационных мастерских, реставратора I класса А. Н. Ступина, что мечеть оригинальна и не похожа ни на одну другую в мире. Дополнительно можно отметить, исходя из данных документации по реставрации Суннитской мечети, что в штукатурке здания использовался серый измельченный песок из Терека, а также газовая сажа, что ослабило слой. В 1906–1908 гг. луковицы ми-

наретов были покрыты пищевым железом, придавшим им блеск серебра [14, 5]. Полы в мечети были выложены шестигранной и квадратной метлахской плиткой [15, 3, 4].

На роль автора проекта мечети и руководителя строительства выдвигались различные лица. По «татарской» версии, проект мечети, якобы, привез из Стамбула Владикавказский приходский мулла С. Рахимкулов. Он получил его от муфтия мечети Айя София в Стамбуле М. Б. Якубова, чей брат С. Б. Якубов был в числе представителей татар в оргкомитете строительства во Владикавказе. В других версиях назывались И. Б. Базоркин. И. И. Богданов, И. Г. Плошко.

Ни одна из версий не предъявляет документального подтверждения самого проекта строительства и хода его реализации. Поэтому и его изначальное авторство остается документально не подтвержденным. Но проект существовал, как минимум, к апрелю 1900 г., что следует из прошения магометан-суннитов г. Владикавказ в Областное правление Терской области от 4 мая 1900 г. о строительстве в городе мечети, на отведенном для этого месте. С ним и был представлен проект мечети, который просили утвердить [16, 1], что вскоре и произошло. Учитывая выявленную непосредственную связь самого процесса реализации идеи строительства мечети с татарской общиной Владикавказа, следует с большим основанием полагать, что проект действительно был получен через ее представителей, что само по себе уже исключает из числа претендентов остальные представленные лица.

Предпринятый анализ версии об авторе проекта и о сопровождавшем строительство инженером в лице И. Б. Базоркина позволил надежно ее опровергнуть [17]. Некоторые авторы особое внимание обратили на письмо за № 4157 от 11 августа 1900 г. Владикавказской духовной консистории в Терское областное правление. В нем сообщалось, что для строительства мечети магометанами-кумыками и казанскими татарами препятствий не имеется [16, 8–8об.]. Внизу документа представлена приписка: «Подлинный утвержденный проект получил для передачи 31 августа 1900 г. / Инж. ИвБогданов» [16, 8]. Поэтому, как полага-

ют, именно И. И. Богданов мог осуществлять инженерное сопровождение строительства [9, 17, 33, сн. 29].

Однако следует заметить, что, согласно указанной выше надписи, которую почему-то определяют как резолюцию Владикавказской духовной консистории [5, 12; 9, 17], инженер И. И. Богданов получил оригинал плана мечети 31 августа 1900 г. для его передачи. Надпись принадлежит самому И. И. Богданову, что, например, подтверждается его «Пояснительной запиской» к проекту мечети-школы казанских татар, составленной в марте 1916 г. Она составлена тем же почерком и с той же подписью – «Инженер ИвБогданов» [18, 5–5 об.].

Запись от 31 августа 1902 г. указывает на обычную бюрократическую передачу одобренного плана в Строительное Отделение Терского областного правления для его фиксации в деле. Заметим, что на использованном бланке Владикавказской Духовной Консистории тем же почерком и чернилами, которыми исполнена надпись, перед всем текстом написано «протокол № 96», указывающая на вторичное использование бланка представителем иной инстанции. Судя по делу о школе-мечети 1916 г., дальнейшая практика заключалась в передаче Строительным отделением копии с утвержденного плана заявителем через Владикавказского полицмейстера [18, 13–13 об.]. Кроме того, строительство Суннитской мечети начнется спустя почти два года – 14 мая 1902 г., что препятствует установлению какой-либо прямой связи с записью И. И. Богданова 31 августа 1900 г.

Наконец, самая популярная гипотеза называет автором проекта мечети и руководителем строительства российского архитектора польского происхождения Иосифа Гаспаровича (Юзеф Касперович) Плошко, который, например, построил в Баку знаменитый дом М. М. Мухтарова и, в целом, тесно сотрудничал с бакинским нефтепромышленником. Данная версия была в утвердительной форме высказана в одном из упоминавшихся выше писем.

Конкретно, в письме Н. А. Таирзаде указывалось: «С помощью архитекторов из Института архитектуры и искусства АН, в

частности доктора наук А. Саламзаде, установлено, что здание Вашего Музея сооружено русским архитектором польского происхождения Иосифом Гаспаровичем Плошко...» [10, 29]. В письме самого доктора искусствоведения А. Саламзаде сообщалось, что в архивах Азербайджана нет сведений о строительстве мечети во Владикавказе, и вряд ли следует ожидать их появления, «... ибо проект Мухтаровской мечети утверждался во Владикавказе местными властями» [10, 35].

Впервые публично об авторстве И. Г. Плошко было заявлено, надо полагать, в совместной статье Л. Х. Левитан и Г. И. Кусова. В ней утверждалось, что в Баку есть два здания, очень похожие на Суннитскую мечеть, что сопровождалось вопросом о возможности принадлежности проекта одному и тому же архитектору. Далее приводились утверждения из письма «А. Таирзаде», что архитектором является И. Г. Плошко [11, 4]. Фактически данная краткая публикация краеведческого характера стала основой для общего убеждения, что И. Г. Плошко, действительно, является автором проекта Суннитской мечети.

Но никаких документальных свидетельств о причастности И. Г. Плошко к строительству мечети как не было, так и нет. Следует полагать, что его кандидатура на роль автора проекта, осуществлявшего и само строительство, появилась только за счет сведений о тесном сотрудничестве с меценатом строительства мечети М. М. Мухтаровым (иногда в публикациях ошибочно ссылаются на решение Российской АН). Но интересно, что в одной из машинописных рукописей, хранящихся в архиве Национального музея РСО-Алания, видимо, являющейся проектом к телепередаче или документальному фильму, указано, что работники музея «почти установили», «по некоторым фактам», авторство проекта мечети И. Г. Плошко [11, 40]. Слово «почти» добавлено от руки. Формулировки достаточно показательные.

Как мы знаем, проект Суннитской мечети был представлен и утвержден в 1900 г., а строительство началось в 1902 г. Проект представлялся через общину мусульман-суннитов Владикавказа, а не через М. М. Мухтарова. Такой хронологический разрыв

трудно не объяснить в случае его авторства в лице И. Г. Плошко, что могло обеспечиваться только привлечением данного гражданского инженера со стороны М. М. Мухтаровым, способным сразу начать строительство. Но начало строительства, как сегодня выясняется, было определено заключением 20 апреля 1900 г. договора (условия) на него, заверенным строительной комиссией в лице представителей казанских татар г. Владикавказ, между оплачивавшим строительство М. М. Мухтаровым и подрядчиками на все каменные работы Г. П. Якуниным и Ермаковым по утвержденному проекту [10, 9]. Следует полагать, что сами подрядчики, о которых ранее никогда не упоминалось в публикациях, и должны были осуществлять инженерное сопровождение строительства.

Вызывает сомнение и то, что к 1900 г. И. Г. Плошко обладал необходимой компетенцией и опытом для создания архитектурного плана мечети. В целом, как представляется, следует воздержаться от категоричного признания И. Г. Плошко автором проекта, появившегося задолго до привлечения к строительству М. М. Мухтарова. Сведения же о договоре с подрядчиками отрицают и его причастность к строительству.

Интересно, что некоторые современные исследователи, также приписывающие авторство проекта Суннитской мечети И. Г. Плошко, одновременно указывают, что переехавший в Баку в 1897 г. архитектор работал участковым архитектором и не имел еще опыта строительства монументальных зданий. Последнее наблюдение касается вопроса о строительстве в Баку костела Св. Девы Марии, проект которого был представлен 28 сентября 1904 г. Отмечается, что общепринятое сегодня приписывание его авторства И. Г. Плошко основано на мнении такого авторитета в области истории архитектуры городов Азербайджана, как Ш. С. Фатуллаев-Фигаров. Однако предпринятые разыскания неожиданно устанавливают действительным автором проекта другого польского инженера – Ю.(И.) П. Дзеконского [19]. Заметим, что именно тем же азербайджанским специалистом утверждалось и авторство проекта И. Г. Плошко Суннитской мечети во Владикавказе, якобы, за счет его ознакомления с архитектурой исла-

ма через памятники Баку [20]. По некоторым данным, И. Г. Плошко в 1899–1900 гг. строит в Баку двухэтажное жилое здание и здание пожарной команды, что явно далеко от исламской архитектуры.

«Мухтаровская версия» строительства Суннитской мечети за счет меценатства бакинского нефтепромышленника М. М. Мухтарова из факта его сватовства, а затем женитьбы на осетинке Л. Х. Тугановой. Ее отец, Х.А. Туганов (17 ноября 1838–1917 гг.), происходил из дворянского сословия баделят осетин-дигорцев. Всю свою жизнь он посвятил военной службе, находясь вдали от Осетии. Примерно, десять последних лет службы он провел в г. Кирсанов Тамбовской губернии. 4 декабря 1900 г. Х. А. Туганов был уволен от службы с производением в генерал-майоры [21, 201]. Приведенные краткие биографические данные не позволяют полагать знакомства М. М. Муртазова и семьи Х. А. Туганова на период представления архитектурного проекта Суннитской мечети властям, состоявшемся 4 мая 1900 г. [16, 1], что дополнительно, как представляется, препятствует признанию гражданского архитектора И. Г. Плошко его автором.

Таким образом, как мы видим, азербайджанские специалисты не внесли ясность в вопрос об авторстве проекта Суннитской мечети. Вопреки другому утверждению, ни в каком из писем они не сообщали и о художнике Ф. Я. Долежале, производившем роспись мечети [8, 206]. Установление данных конкретных лиц происходило непосредственно во Владикавказе. В ходе упоминавшейся реставрации в одном из резонаторов под куполом мечети были открыты собственные надписи мастеров. Согласно им, росписи, в целом, выполнялись И. А. Соколинским и Г. Ганом в 1906–1907 гг., Пановым, Ф. С. Снурниковым и Н. Бучишем в 1908 г. [10, 12]. Кроме того, надписи указывают, что строительный этап в возведении Суннитской мечети, начавшийся в 1902 г., завершился к 1906 г., что позволило перейти от него к художественной росписи.

Подписи дали основание прояснить и другие вопросы. В процессе прояснения было установлено, что И. А. Соколинский был жителем Владикавказа. В. Ф. Чивичалова, дочь Ф. С. Снурникова, подтвердила, что ее отец участвовал в росписи мечети, а позднее

расписывал кинотеатр «Гигант», получивший затем название «Родина». Но его росписи в кинотеатре не сохранились [11, 4; 8, 207; 22, 5–6].

Л. Х. Левитан отмечала, что, по свидетельству З. Ш. Шаулова, строительство мечети было завершено к 1906 г. Стены были покрашены и подготовлены к росписи. По тому же свидетельству З. Ш. Шаулова, он жил тогда в г. Грозный и был приглашен к работе Ф. Я. Долежалем, с которым занимался росписью три года. В. Г. Луневым и З. Ш. Шауловым были изготовлены и витражи мечети. Позднее, в 1909–1910 гг., оба мастера участвовали в росписи дома Оганова [10, 12]. В одной из рукописей из архива Национального музея РСО-Алания утверждается, без указания на источник информации, что Ф. Я. Долежаль производил росписи вместе со своим сыном, а также руководил группой других художников [22, 6].

Таким образом, именно личное свидетельство З. Ш. Шаулова, как следует из рукописи Л. Х. Левитан, о его приглашении к работе Ф. Я. Долежалем, послужило основанием для утверждения, что главным подрядчиком по росписи был художник Франц Янович (Федор Иванович) Долежаль – чех по национальности [10, 9–10; 8, 203–204]. Кроме того, известные теперь данные позволяют отвергнуть заявление «татарской версии» [23, 162], что муфтий мечети аль-София в Стамбуле М. Б. Якубов, якобы, предоставивший казанским татарам Владикавказа архитектурный проект Суннитской мечети, еще и прислал для ее строительства австрийца-архитектора и араба-орнаменталиста.

Но вопросы по процессу строительства Суннитской мечети еще остаются. Например, в письме на имя Л. Х. Левитан от А. Т. Туганова (1885–1970 гг.), современника тех событий и близкого родственника Л. Х. Тугановой, указывалось, что М. М. Мухтаров, будучи зятем осетин, выполнял все их просьбы, с чем и связано его финансирование строительства мечети. Но автор письма не знал, кто является автором проекта, а на стройке лично видел только азербайджанских рабочих [10, 31]. Такое отсутствие данных об авторе проекта мечети косвенно также свидетельствует

против кандидатуры И. Г. Плошко. Данные договора (условия) от 20 апреля 1900 г. с подрядчиками строительства Г. П. Якуниным и Ермаковым противоречат вовлеченности в строительство азербайджанских или только азербайджанских рабочих. Г. П. Якунин был жителем Владикавказа.

Возможно, следует привести опубликованные в наше время данные по политическим репрессиям 1930-х гг.: «ЯКУНИН Глеб Петрович, 1870 года рождения, уроженец сел. Чернышовка Калужской губ., русский, каменщик крахмального з-да г. Орджоникидзе. 10.04.1933 г. ОГПУ арестован. 22.08.1933 г. Постановлением ОГПУ дело прекращено по состоянию здоровья» [24, 597]. Почти нет сомнений в том, что каменщик Г. П. Якунин, 1933 г., является тем же Г. П. Якуниным, который подрядился на выполнение всех каменных работ по строительству Суннитской мечети в 1902 г.

Однако указание на азербайджанских рабочих может относиться к их привлечению на последующем, после первоначального, этапе строительства. Заметим, что строительные работы относились не только к зданию мечети. Например, «Терские Ведомости» в 1907 г. сообщали, что Владикавказская городская дума ставила вопрос о выяснении возможного вреда городу от каменной стены, поставленной у мечети для укрепления берега Терека [25, 2]. Вероятно, имелась в виду стена в пойме Терека для предохранения берегового склона во время сезонного паводка. В любом случае, запрос выглядит как выяснение отношения к строительному элементу, возведенному вне первоначального архитектурного плана мечети. Такое положение могло бы косвенно гипотетически предположить подключение к строительству других групп рабочих, а также других архитекторов. Но в последнем случае ожидалось бы внесение официальных изменений в первоначальный проект мечети, например, со стороны И. Г. Плошко, что не имеет своего подтверждения. В том же году М. М. Мухтаров предлагал провести работы на участке, прилегающем к возведенной стене [26, 2; 27, 3], но никаких сведений о проекте и авторе таких работ до нас также не дошло.

Возможно, следует отметить и такую частность, как многочисленные нанесения в мечети изображений шестиконечной звезды, что вызвало некоторые невнятные рефлексии [28, 175–180]. В отчетах реставраторов она справедливо обозначена как «печать Аллаха» [14, 22]. Речь идет о «звезде Давида» в иудейской и христианской традициях. В исламской традиции она как справедливо было отмечено, называется «печатью Сулеймана» [9, 8, сн. 10].

Кольцо с изумрудом и начертанным на нем именем Аллаха изначально принадлежало пророку Адаму, жившему в раю. Затем ангел Джабраил вручил его Сулейману (Соломон в иудейской и христианской традициях). Звезда на перстне – это символ тайного имени Аллаха, знание которого даруется только избранным. Молитва будет принята, если обратиться с ним к Аллаху. Поскольку Сулейман был правителем, то его печать являлась также символом власти и силы. «Печать Сулеймана» была особенно популярна у мусульман ханафитского мазхаба, к которым принадлежали казанские татары Владикавказа и их приходский мулла. Ее изображение, кстати, отмечается и среди украшений окон построенного И. Г. Плошко в 1911–1912 гг. в Баку дома М. М. Мухтарова. Считалось, что шайтаны не могут зайти в здание, в котором имеется такой знак; это и объясняет, почему он неоднократно встречается на религиозных и иных зданиях еще средневекового периода.

1. Керцева Г. Миграционные процессы в истории формирования национально-конфессиональной структуры и городского пространства г. Владикавказ в 1861–1917 гг. // *Armenia, Caucaso e Asia Centrale. Ricerche 2017. Eurasiatica. 7. Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale. Venezia: Edizioni Ca' Foscari – Digital Publishing, 2018. С. 163-208.*

2. Бирагова Ф.Р., Канукова З.В. Владикавказ на рубеже XIX–XX веков: исторический опыт межконфессионального общения // *Ритмы истории: Сборник научных трудов. Владикавказ, 2003. Вып. 1. С. 141-150.*

3. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ: Иристон, 2002. 316 с.
4. Терские Ведомости. Владикавказ, Воскресенье, 12 Июня 1894 г. № 68. 6 с.
5. Зассеева Л. Суннитская мечеть Владикавказа // IR. Владикавказ, март 1993 г. № 3 (39). С. 12-13.
6. Агнаев А. Редкий памятник культуры // Социалистическая Осетия. Орджоникидзе, 21 августа 1957 г. № 165 (6641). С. 3.
7. Кусов Г. Тайна Суннитской мечети // Социалистическая Осетия. 30 декабря 1990 г. № 299 (20794). С. 4-5.
8. Кусов Г. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ: Алания, 1998. 328 с.
9. Габоева Л.Р. Суннитская мечеть Владикавказа. К 110-летию со дня открытия. Владикавказ: Респект, 2018. 43 с.
10. Документы и материалы о суннитской мечети в г. Владикавказе. Переписка Левитан-Цомаевой Л.Х. по поводу истории мечети. Фотографии семьи Х. Цомаева и Тугановых. Дар Левитан Бэллы Михайловны (внучки Цомаева Харл.) март 1994 года // Научный архив СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. Д. 644. Инв. № 1.951. 44 с.
11. Левитан Л., Кусов Г. Тайны не существует // Социалистическая Осетия. Орджоникидзе, 19 ноября 1968 г. № 270 (14091). С. 4.
12. Цаллагов С.Ф. Книга-фотоальбом. Владикавказ – летопись в камне. Владикавказ: дизайн-студия «Веста», 2008. 136 с.
13. Цаллагов С.Ф. Избранные научные труды: сборник статей. Владикавказ: Северо-Осетинская организация Союза архитекторов России, 2014. 162 с.
14. Отчет и протоколы о реставрации художественного декора в интерьере и экстерьере Суннитской мечети в г. Орджоникидзе // Архив Национального музея РСО-Алания. Ф. 4. Оп. 4. Д. 365. 47 с.
15. Документы о реставрации памятника архитектуры – Суннитской мечети в г. Орджоникидзе (сметы, акты, заключение и др.) // Архив Национального музея РСО-Алания. Ф. 4. Оп. 4. Д. 362. 254 с.
16. Прошение уполномоченных от общества Магометан и переписка о постройке мечети в г. Владикавказе магометанам из казанских татар // Центральный государственный архив РСО-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1060. 10 л.

17. Туаллагов А.А., Туаллагова А.А. О «новой версии» строительства Суннитской мечети Владикавказа // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Владикавказ, 2023. Вып. 32. С. 50-62.
18. Проект мечети-школы общества Казанских татар-мусульман. Прощение уполномоченных Общества Казанских татар-мусульман об отводе земельного участка для постройки мечет // Центральный государственный архив РСО-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 1162. 15 с.
19. Гумбатова Т. Католики в Азербайджане. 2018 [сайт] URL: <https://proza.ru/2018/04/14/1130>.
20. Фатуллаев-Фигаров Ш. Юзеф Плошко [сайт] URL: <http://www.polonia-baku.org/ru/ploszko.phtml>.
21. Киреев Ф. С. Осетинский офицерский корпус: опыт мартиролога. Владикавказ: Ир, 2019. 255 с.
22. Тетцоева Л. Лекция-путеводитель по суннитской мечети. 1974 год // Архив Национального музея РСО-Алания. Ф. 1. Оп. 2. Д. 557. 18 л.
23. Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 236 с.
24. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Составитель А. Б. Зураев. Владикавказ: Проект-Пресс, 2006. Т. 2 678 с.
25. Терские Ведомости. Владикавказ, Пятница, 5 Октября 1907 г. № 214. 4 с.
26. Терские Ведомости. Владикавказ, Воскресенье, 25 Ноября 1907 г. № 253. 4 с.
27. Терские Ведомости. Владикавказ, Четверг, 13 Декабря 1907 г. № 267. 6 с.
28. Кусов Г. Владикавказ известный и незнакомый: краеведческий бестселлер. Владикавказ: Перо и Кисть, Харизма, 2009. 289 с.

Н. А. Баззаев,
снс, ЮОГУ им. А.А. Тибилова
(РЮО, Цхинвал)

СОВЕТСКАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В АБХАЗИИ В 1920–1930-Е ГГ.

В статье рассматриваются проблемы и дальнейшие перспективы проведения кооперации и коллективизации в Абхазской Советской Республике в 1920-1930-е годы, также вопросы аграрной политики государства по отношению к данному региону. На основе анализа доступных приведенных источников анализируется внедрение методов введения кооперативного хозяйства Советской властью, постепенного отхода от капиталистического способа производства, создания сильной индустриальной экономики, а также последствий коллективизации и массовых репрессий, ставших социальным экспериментом Абхазии в 1920-1930-е годы.

Ключевые слова: Абхазия, кооперация, НЭП, коллективизация, крестьянство, репрессии, сельское хозяйство.

The article deals with the problems and further prospects of co-operation and collectivisation in the Abkhazian Soviet Republic in the 1920s-1930s, as well as the issues of the State's Agrarian Policy towards this region. Based on the analysis of the available sources, the article analyses the implementation of methods of introducing cooperative economy by the Soviet authorities, the gradual shift away from the capitalist mode of production, the creation of a strong industrial economy, as well as the consequences of collectivisation and mass repressions, which became a social experiment in Abkhazia in the 1920s-1930s.

Keywords: Abkhazia, cooperation, N.E.P (New Economic Policy), collectivisation, peasantry, repressions, agriculture.

История Абхазии 1920 – 1930-х годов имеет неоднозначную оценку у советских и современных российских исследователей, рассматривающих данный период весьма субъективно, еще не до конца осмыслив факты происходящих событий тех лет. В советской историографии данные аспекты изучались через призму марксизма-ленинизма как идеологической основы исторической науки, предлагающей классовую борьбу и установление комму-

низма, что непосредственно относилось к Абхазии как важному региону для установления Советской власти.

Интерес к истории коллективизации и проблемам политико-государственного статуса республики в Абхазии начался в 1950-годах, когда в 1956 году Хрущев выступил на XX съезде КПСС с разоблачением культа личности Иосифа Сталина и его политики репрессий. Сепаратистская идеология, которая существовала еще в 1920-1930-е годы, возобновилась в годы «оттепели» с 1957 года, снова начались конфликты абхазов и грузин между собой; и они продолжились раз в десять лет – до 1992–1993 годов и до утверждения Абхазии как независимого государства.

Современные исследователи ставят иные вопросы о существовании процесса НЭПа в СССР, а также то, как массовая сталинская коллективизация повлияла в дальнейшем на сельскохозяйственную деятельность страны, являлась ли только положительным событием, каким она предстает в трудах советских историков. Когда исследователи начинают изучать последствия НЭПа и коллективизации в СССР, то совершенно забывают о влиянии данных социально-экономических событий на сельское хозяйство Абхазии, практически обходя стороной историю этого региона, либо же пытаются представить ее с точки зрения грузинской историографии. Новые преобразования плавно соприкасались с традициями ведения сельского хозяйства в жизни абхазцев, делая рассматриваемый исторический этап актуальным в плане изучения экономических и общественных процессов в современной России.

Абхазия на сегодняшний момент является богатым сельскохозяйственным регионом, имея все подходящие условия для выращивания множества сельхозкультур благодаря своему расположению на побережье Черного моря. Еще задолго до большевиков в Абхазии в большом количестве выращивался табак, развивалось собственное производство, она являла главным поставщиком данной культуры по всему миру. Но, имея такие природные ресурсы и благоприятное климатическое расположение, Абхазия оставалась по своей сути отсталым сельскохозяйствен-

ным регионом. Население Абхазии накануне коллективизации представляло собой многонациональный конгломерат, где большую часть региона составляли абхазы и грузины, а русские, армяне и турки были меньшинством.

После Октябрьской революции 1917 года и установления Советской власти, встал вопрос о национализации и создании народного хозяйства страны как стратегического фактора. Октябрьская революция в России полностью меняет подход к крестьянскому вопросу. Гражданская война 1917–1922 годов, разрушение прежнего уклада, нищета населения, последствия революционных потрясений становятся причиной массового голода в 1920 годы и геноцида. Советская аграрная политика рассматривала крестьянство как отсталое, а мелкие независимые хозяйства противоречили принципам социализма. Сталин, в отличие от Ленина, считал, что колхоз поможет стране поднять сельское хозяйство на нужный уровень, отбив у крестьян занятие частной собственностью в виде личных земельных участков.

Главной отличительной особенностью региона было то, что Абхазия долгое время находилась под властью Грузии, проводящей насильственные действия по отношению к этому народу, захватив город Сухум и установив правительство меньшевиков в 1918 году. Грузия устанавливала свои законы, где впоследствии происходили погромы, грабежи и разорение отдельных крестьянских хозяйств. Грузинский язык стал определяющим в делопроизводстве Абхазии. После крушения власти меньшевиков остро решался вопрос земельной реформы из-за убытков, причиненных грузинскими войсками и правительством народу Абхазии. В резолюции съезда земств и городов Абхазии 21 августа 1920 года сообщалось о проведении хлебной компании и заготовке хлебных продуктов, так как регион испытывал продовольственный кризис.

Согласно ленинскому Декрету о земле 1918 года, осуществлялось объединение мелких и средних крестьянских хозяйств, вследствие чего реализовались предпосылки по проведению в ближайшие годы коллективизации. Аграрная политика совет-

ской власти предусматривала национализацию, обработку, посев большей части земель и разделение их между крестьянами. Быстрыми темпами развивалась торговля как важнейшая отрасль, связывающая город с деревней. Для новообразованного советского государства важной задачей стало развитие производственных мощностей предприятий. В это время стали работать консервный, колбасный и кирпичный заводы, благодаря которым быстрыми темпами возрос оборот продукции. После установления Советской власти 4 марта 1921 года и входа в состав Грузинской ССР, Абхазия проводила мероприятия по искоренению введения сельского хозяйства примитивным способом в деревнях. При этом Абхазия была автономной республикой, имевшая собственные выборы, государственную символику и независимую от Грузии и России политику, благодаря которой удавалось развивать сельское хозяйство. Глава Абхазии Нестор Лакоба выступал с инициативой к партии сделать республику в составе РСФСР, однако его предложение было отклонено Сталиным. В 1925 году принимается Конституция Абхазии, где прописан пункт об автономности республики, действовавшей до самого распада СССР и грузино-абхазского конфликта 1992–1993 годов [1]. Однако историк Зураб Папаскири отмечает в своей работе, что республика Абхазия, согласно договору 1921 года и принятой Конституции 1925 года, по сути, не являлась самостоятельным государством, оставаясь в рамках законов, принимаемых Советской властью. Все это усиливало сепаратистские настроения среди абхазского населения, считавшего грузин оккупантами на их землях с подачи Сталина. Объявление независимости Абхазии *«было лишь формальным актом, и что Абхазию, даже до ее вхождения в состав Грузинской ССР в качестве «договорной» республики, никто не воспринимал как независимую в государственном отношении»* [2, 192].

С началом советизации Абхазии появились возможности для активных крестьян, готовых вести агитационную работу среди населения. В партию вступали люди, не знающие нюансов работы с населением, недисциплинированные, дискредитирующие

власть и подстрекающие крестьян к беспорядкам. Советская партийная агитация в деревнях в основном велась слабо и малоэффективно, так как в большинстве случаев население было практически безграмотным и отсталым в культурном плане.

Начиная с 1922 года, в Абхазии развивалось кооперативное хозяйство. Кооперация сельского хозяйства способствовала высокому экономическому и промышленному росту в регионе, проводившего политику по сохранению культуры и традиций абхазского народа. Появились кооперативные товарищества табаководов *Абтабсоюз*, *Союз сельскохозяйственной кредитной кооперации Абсельсоюз* и *Абхазский союз потребительских кооперативов Абсоюз*, занимавшихся делами введения сельского хозяйства в деревнях Абхазии. Тем не менее, исследователем А. Куправа отмечается недостаточное наличие архивных документов и научных работ по кооперации Абхазии, скудность материалов о поселковых товариществах, что мешает дать полную оценку событиям в период НЭПа и проведения коллективизации.

Небольшие крестьянские хозяйства получали помощь в виде дополнительных площадей и доступных кредитов. При этом земельные участки разделялись на те, что использовались для личного пользования и специального сельхозназначения. Однако увеличение площадей и интенсивное земледелие привело к быстрому обеднению почв и кризису в сельском хозяйстве абхазского региона в конце 1920-х годов. Появлялась сельхозтехника на полях, где впервые применялись химикаты и удобрения. Все это улучшало показатели по увеличению количества сельхозкультур, таких как табак, различных сортов винограда, кукурузы и многих других. Потребность в модернизации сельского хозяйства потребовала обучения будущих специалистов. Открывались курсы и факультеты в Сухуми и Тбилиси, готовящие будущих аграриев среди абхазцев. Появилась и местная абхазская интеллигенция, состоящая из учителей, писателей, инженеров и учёных-агрономов.

Из докладной записки, датированной маем 1921 года: сообщалось, что *«работа волостного Ревкома тормозится благодаря*

недостатку служащих, так как в волости нет людей достаточно грамотных» [3, 14]. При этом в документе говорилось о плохих материальных условиях, в которые были поставлены работники и служащие канцелярии. Ставился также вопрос об излишках кукурузы у частных лиц, которые требовалось изъять и передать голодающим неимущим семьям в Эшерской волости.

Многие уезды, пострадавшие от грузинского владычества меньшевиков, Первой мировой войны, разрухи хозяйственной жизни, испытывали множество проблем. Возвращение к рыночным механизмам было единственной необходимостью для страны рабочих и крестьян, так как «военный коммунизм» не оправдал ожиданий советского правительства, и лишь в качестве орудия новой эксплуатации деревни насильственными методами путем террора еще худшего, чем в царское время. Однако НЭП ненадолго, но восстановила хозяйственную деятельность местного крестьянства. Советская власть вела усиленную работу по превращению Абхазии в регион-курорт, который стал привлекать отдыхающих со всей страны, в том числе советское руководство. В это же время открылся Всесоюзный научно-исследовательский институт растениеводства под руководством Николая Вавилова. Проведение предвоенных пятилеток поспособствовало развитию многоотраслевого хозяйства и созданию колхозов и совхозов. Увеличились чайные плантации в 1926 году с 3,1 га по 26,2 га в 1927 году, приведя к массовому потреблению чая и его распространению в другие советские республики. Поголовье крупного рогатого скота в 1923 году составляло 118,0 тыс. голов, а в 1927 уже 140 тыс., что говорило о растущей потребности в мясе и молоке не только в деревнях, но и в городе [4, 38]. Возобновились посевы таких культур, как хлопок, табак, а также подсобное хозяйство и животноводство, что значительно снизило цены на продукцию. Так, например, табачная фабрика в Сухуми выпускала в 1925 году 56520 тысяч кг папирос и 19,1 тысяч кг табака, пользовавшихся спросом не только у всего населения, но и самого Сталина под марками «Апсны», «Цветок Абхазии», «Сухум» и имевших доступ в другие советские республики [5, 35].

Но, несмотря на объемы выращенного, способы ведения сельского хозяйства оставались довольно примитивными. Подъем сельского хозяйства происходил крайне медленно из-за бедности и сословности, по мнению советских властей, намеревавшихся изжить прежние дореволюционные порядки в деревне. Представители партийных органов называли князей и зажиточных крестьян кулаками наряду с русскими помещиками. Зажиточные крестьяне и князья объявлялись антисоветскими элементами, среди которых были середняки, питавшие к советской власти недовольство ее порядками и явную ненависть. Средняки являлись активным слоем населения в отличие от бедноты, принимающей законы и порядки представителей советской власти с осторожностью, но в массе своей относящейся к ней положительно. Средняки продолжали отстаивать право на возвращение отобранных у них земельных наделов, поделенных между бедняками. Повсеместная купля-продажа земли вызывала беспокойство среди середняцких масс в виде уничтожения скота и разорения хозяйств местным населением, при попытке отстоять не только землю, но и инвентарь.

В Абхазии действовали всего пять совхозов и один колхоз «Красный труженик», где выращивался виноград, показавший положительные результаты по привитию лоз. Земельные участки, принадлежащие ранее середнякам и князьям, находились в запущенном состоянии [6, 86].

С течением времени, в 1920-е годы число крестьянских хозяйств постоянно росло. Очень стремительно увеличивалось население городов, но при этом Абхазия оставалась преимущественно той республикой, где большая часть людей проживало в деревнях и селах. Жители сел накануне массовой коллективизации трудились в основном в сельском хозяйстве. Высокая отдаленность крестьянских хозяйств и сельсоветов друг от друга затрудняла политическую и просветительскую работу с населением. Такое расположение земельных участков обусловлено было географическим положением абхазского региона, что затрудняло объединение в колхозы мелких собственников, а малая пло-

щадь территории для выращивания сельхозкультур также создавала новые проблемы. Организация партийной работы сельхозхозячеек происходила чисто формально, сводясь в основном к бюрократизму и отчетности. Среди женского населения работа практически не велась, так как в деревне до сих пор существовали традиционные представления о роли женщин в обществе. В Гальском уезде кооперация, согласно источнику, была слабо развита, несмотря на наличие частной и государственной торговли. Проблему осложняли спекулянты и посредники, повышавшие цены на необходимые продукты, из-за чего крестьянам приходилось закупаться товарами в соседних кооперативах.

Достижения новой экономической политики привели к концу 1920-х годов к кризису советской экономики, к ее неэффективности, к росту налогов и высоким ценам на продукцию производства. Советский рубль обесценивался, что привело к дефициту хлеба и голоду. Государство лишалось поступлений из бюджета, из-за чего промышленность практически не развивалась. Опыт НЭПа в СССР оказался невозможным в последующие годы, так как это затормозило экономику. Часть же современных историков сомневается в данном факте, полагая, что НЭПа как явления в советской экономике не существовало. Сталинское руководство посчитало нужным подчинить сельское хозяйство и торговлю государству, а частные артели ликвидировать как элементы частной собственности. Начиная с 1928–1929 годов, Сталин требовал обязательного насаждения колхозов в каждой деревне по всей стране, что, в итоге, привело к сворачиванию новой экономической политики как временного социального явления.

Сталин поначалу покровительствовал превращению Абхазии в курортный и промышленно-развитый регион. Абхазия на фоне остального Советского Союза долгое время избегала последствий «Великого перелома» в виде голода и разрухи благодаря стараниям Нестора Лакобы, проводившего политику смягчения мероприятий массовой коллективизации, что не устраивало Сталина и его окружение. Нестор Лакоба считал, что в абхазских деревнях нет полноценного эксплуатирующего класса кулаков, так

как обычный князь практически ничем не отличался от бедняка. Период правления Лакобы с 1921 по 1936 годы благоприятно сказался на формировании экономического роста Абхазии. Нестор Лакоба не преследовал и не проводил репрессий против кулачества, помогая дворянам и князьям материально и встречаясь с местными крестьянами лично. Политика Лакобы основывалась на хороших отношениях и приближении к Сталину, помогла сдерживать репрессивные методы, которые уже происходили в Советском Союзе. Мероприятия, проводимые, в Абхазии, не могли не затронуть советскую власть в лице Берия, обвинившего председателя ЦИК Абхазии в политической слабости, в том, что он сдерживал необходимые мероприятия по коллективизации и не подчинялся решениям партии [7].

Абхазы всегда считали себя отдельным самостоятельным народом, не зависящим от мнения Грузии, со своей культурой, языком и историей. Конфронтация абхазов с грузинами приводила к частым конфликтам, так как жители Абхазии никогда не желали быть ассимилированными в составе Грузии. Вследствие чего, 19 февраля 1931 года, жители республики устроили сход в селе Дурипш, выступая против навязанного Советским Союзом пониженного статуса Абхазии, что совпало с началом проведения коллективизации по всей стране и «великим переломом» 1929 года. Все это в дальнейшем сказывалось на ее проведении, так как партийные работники накладывали одни и те же методы на совершенно другие климатические условия и уклад жизни.

После смерти Нестора Лакоба в декабре 1936 года Сталин начал проводить репрессии и политику «Большого террора», направленных на уничтожение местной хозяйственной элиты и независимость Абхазии, в частности. Сталинская аграрная политика предусматривала присвоение земли, что сделало крестьян еще более зависимыми, что могло в любой момент вылиться в новую революцию. Крестьяне и рабочие были крайне недовольны политикой Сталина. Крестьянство насильно загонялось в колхозы, ссылались в Сибирь и страдало от голода, что и привело к жестоким репрессиям в 1937–1938 годы. Нельзя также забывать о предпо-

лагаемой подготовке Советского государства на случай военных действий с западными странами. Советская власть стремилась искоренить неповиновение и бунты крестьян-бедняков, опасаясь революционных действий, а также политической оппозиции среди ближайшего партийного высшего руководства. Обвинения в троцкизме проводились в большом количестве в попытке очернить деятельность того или иного партийного работника.

Абхазия являлась прямым участником массовых репрессий, история которой оказалась весьма трагичной. Происходила принудительная грузинизация абхазского народа, преследования сторонников и родственников Нестора Лакобы, замена абхазских топонимов на грузинские названия, а также переселение мегрелов на земли, принадлежавших некогда бывшим князьям и дворянам.

При проведении переселенческой политики в 1939 году составлялся план по переселению грузинских крестьян в малоземельные районы, где им предоставляли льготы и помощь в сдаче скота и имущества в Наркомзаг и Наркомпищепром. Переселенцы имели при себе переселенческие билеты, отправляясь целыми семьями и эшелонами вместе с имеющимся имуществом и скотом. Переселенцы обеспечивались культурно-массовыми и медико-санитарными мероприятиями во время отправки в колхозы [8].

Репрессии сопровождалась высылкой тех, кто выступал против переселенческой политики, вынесением смертных приговоров, арестами, пытками сотрудниками НКВД и незаконными обвинениями. Советская власть расправлялась с руководителями сельсоветов и колхозов (З. Тарба, Меджитом Ардзинба и Махмедом Ардзинба), а их места занимали грузины. Грузинам выделяли отобранные земельные участки, объявив абхазцев пришлым народом на собственной земле. Нестор Лакоба посмертно был назван советской властью «врагом народа», что сильно сказалось на его родных и близких, пострадавших в годы большого террора». Советские средства массовой информации публиковали в 1937 году обвинения М. Делба, обращенные к покойному

Нестору Лакобе, называя его бандитом и двурушником, который вместе со своим окружением, якобы, подорвал колхозное строительство, извратил марксистко-ленинские принципы построения социализма [9, 14].

Договор 1921 года, предусматривающий отношения и права Абхазии и Грузии между собой, оказался недействительным и уже не влиял на процессы массовой коллективизации и репрессий, происходивших в республике на тот момент. Переселенческая политика в Абхазии продолжалась до распада Советского государства, изменив численность абхазского народа, которая на всем протяжении существования СССР уменьшалась путем насильственной ассимиляции; она влияла и на отношения с грузинами, остававшимися напряженными в 1992–1993 годы во время войны и пересмотра союзного договора 1921 года об автономности Абхазии.

Таким образом, проведение коллективизации и развитие промышленности в Абхазии в первые годы проходили со своими особенностями, где Советский Союз предоставил право на автономию, но с оговорками, что республика будет в составе Грузии. Процессы, связанные с коллективизацией и индустриализацией, полностью изменили жизнь и традиционный уклад в деревнях, отрицательно повлияли на население Абхазии. Однако коллективизация и аграрная политика Советского Союза помогла развитию сельскому хозяйству республики, где выращивались цитрусовые, такие как апельсины и лимоны, некоторые сорта чая и табак. Быстрыми темпами росла также животноводческая отрасль, дававшая высокие показатели по молоку и мясу, что значительно поспособствовало поднятию экономики в республике. Появлялись рабочие места, улучшались условия медицинского обслуживания и жилья.

Переселенческая политика и репрессии сильно поменяли национальный состав Абхазии, сделав грузинский народ преобладающим в республике, из-за чего отношения с каждым годом между народами ухудшались, приведя к конфликтам на нацио-

нальной почве. Проблемы политико-государственного статуса Абхазии даже в наши дни остаются нерешенными до сих пор, вызывая споры и сложности в определении независимости республики у политологов и историков, так как отношения с Грузией остаются непростыми. Исторический факт проведения коллективизации и аграрной политики советского государства отражаются на политическом развитии Абхазии, ведут также к конфликтам с Россией и Грузией.

1. Лакоба С. Абхазия, ее лидеры и некоторые особенности социального эксперимента // Режим доступа: <https://csi.apsny.land/images/pdf/SLakoba.pdf>.

2. Папаскири З. Статус Абхазии в 1921–1931 годах. Кавказ и глобализация. // Журнал социально-политических и экономических наук. Институт стратегических исследований Кавказа (Баку, Азербайджан). Press, Швеция, 2012, Т.6. Вып.2, с.191-204.

3. Материалы по истории Абхазии советского периода. Абхазия в первом десятилетии (1921-1931 годы). Деревня. Сельское хозяйство. Сборник документальных материалов, Т.1. Сухум, 2012.

4. Народное хозяйство Абхазской АССР. Статистический сборник. Абгосиздат, 1957, С.116.

5. Куправа А. Э. Материалы по истории Абхазии советского периода. Абхазия в первом десятилетии (1921-1931 годы). Деревня. Сельское хозяйство. Т.1. Сухум, 2012.

6. Куправа А. Э. Труды. Абхазия в начале становления советского общества 1921-1925 годы. Т. 1, Сухум, 2013. С. 575.

7. Выступление на круглом столе «Абхазия: трудный путь возрождения (к 125-летию Нестора Лакоба и Е. Эшба), Сухум, 27 марта 2018 года. Режим доступа: <https://lakobamuseum.ru>.

8. Инджигия Д.Д. Репрессивные практики сталинского режима в Абхазии: этнические, идеологические и социокультурные факторы политического процесса. АГУ, АИГИ им. Гулиа, Сухум, Республика Абхазия. 2021, Vol.4 №2(12) Caucasian Science Bridge.

9. Ходжаа Р. Абхазский народный совет. Документы и материалы. Сухум, 2006. Режим доступа: <https://proza.ru>.

10. Абхазия: Документы свидетельствуют 1937-1953. Сухум: Изд-во «Алашара», 1992. Режим доступа: <https://hrono.info.ru>.

М. А. Айляров,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

**«ЯВИТЬСЯ ВСЕМ КАК ОДИН К ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ УРНАМ...»:
ПЕРИОДИКА СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР И МОБИЛИЗАЦИЯ
МАСС В УСЛОВИЯХ ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ВЫБОРОВ**

Одним из ключевых событий общественно-политической жизни первых послевоенных лет стали выборы в Верховный Совет СССР 1946 г. Значимость указанного события состоит не только и не столько в том, что со времени последних выборов в высший орган государственной власти прошло более 8 лет, сколько в формировании механизмов политической мобилизации общества. Встраивание избирательной системы в парадигму мобилизационной политической кампании предполагало активное участие в данном процессе «коллективного пропагандиста и агитатора» – газеты. В статье анализируется деятельность партийно-советской печати Северо-Осетинской АССР как инструмента политической кампании, ее влияние на формирование общественного сознания посредством распространения и трансляции идеологических посылов власти. В рамках работы рассмотрены выпуски 15 газет, в их числе 12 районных изданий, отложившиеся в отделе периодической печати Национальной научной библиотеки РСО-Алания за период с октября 1945 г. по февраль 1946 г. С целью определения степени вовлеченности республиканской периодики в кампанию, произведен подсчет публикаций, прямо или косвенно затрагивающих выборную тематику. Помимо информирования о ходе подготовки к выборам, включавшего как обобщение положительного опыта, так и выявление недостатков организационного характера, значительная часть статей отводилась освещению производственных успехов, приуроченных к выборам и именуемых «производственными подарками Матери-Родине». Согласно полученным результатам, в первые месяцы кампании наблюдается игнорирование темы выборов районными газетами. Кардинальное изменение публикационной активности происходит в конце декабря 1945 г. после административного нажима со стороны партийного руководства республики. Данное мероприятие сопровождалось критическими высказываниями публичного характера в адрес редакций районных газет и районных руководителей, не осознавших значения проводимой кампании.

Ключевые слова: Северо-Осетинская АССР, выборы, периодическая печать, политическая кампания, мобилизация масс, идеологический посыл, пропаганда.

One of the key events in the socio-political life of the first post-war years was the elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1946. The significance of this event lies not only and not so much in the fact that more than 8 years have passed since the last elections to the highest body of state power, but in the formation mechanisms of political mobilization of society. Integrating the electoral system into the paradigm of a mobilization political campaign presupposed the active participation in this process of a "collective propagandist and agitator" – newspaper. The article analyzes the activities of the party-Soviet press of the North Ossetian Autonomous Soviet Socialist Republic as an instrument of political campaign, its influence on the formation of public consciousness through the dissemination and transmission of ideological messages from the authorities. As part of the work, issues of 15 newspapers were examined, including 12 regional publications, deposited in the periodicals department of the National Scientific Library of North Ossetia-Alania for the period from October 1945 to February 1946. In order to determine the degree of involvement of republican periodicals in the campaign, a calculation was made publications directly or indirectly affecting election topics. In addition to informing about the progress of preparations for the elections, which included both a generalization of positive experience and identification of organizational shortcomings, a significant part of the articles was devoted to highlighting production successes dedicated to the elections and called "production gifts to the Mother-Motherland". According to the results obtained, in the first months of the campaign, the topic of elections was ignored by regional newspapers. A radical change in publication activity occurred at the end of December 1945 after administrative pressure from the party leadership of the republic. This event was accompanied by critical public statements addressed to the editors of regional newspapers and district leaders who did not realize the significance of the ongoing campaign.

Keywords: North Ossetian ASSR, elections, periodicals, political campaign, mass mobilization, ideological message, propaganda.

Впервые выборы позднесталинского периода как вид мобилизационной политической кампании рассматриваются в работах А. С. Кимерлинг [1; 2]. Исследуя механизм реализации кампа-

нии, автор выделяет ряд этапов, каждый из которых неразрывно связан с деятельностью периодических изданий. В свою очередь, особенности функционирования советской печати и в целом отечественных средств массовой информации нашли отражение в работе Р.П. Овсепяна [3]. В частности, анализируя Постановления ЦК ВКП(б) относительно периодики первых послевоенных лет, автор указывает на особое внимание партийного аппарата к таким вопросам, как: 1) повышение роли печати в политическом воспитании трудящихся; 2) укрепление партийного руководства печатью; 3) повышение интенсивности издательской деятельности [3, 115-117].

Вместе с тем проблематика послевоенных выборов, проходивших на территории Северо-Осетинской АССР, только становится предметом изучения профессиональных историков. Существенную роль в данном процессе играют документальные публикации, вводящие в научный оборот ранее засекреченные материалы. В этой связи стоит отметить новейший сборник документов, подготовленный североосетинскими исследователями [4]. В специальном разделе, посвященном избирательным кампаниям, содержится достаточно репрезентативная группа документов, обладающая высоким информационным потенциалом. Тем не менее, роль периодической печати в контексте избирательного процесса остается не исследованной.

Между тем партийно-советская периодика, особенно районные издания, содержит ценный фактический материал, позволяющий проследить ход кампании на низовом уровне, выявить характерные черты, приоритетные направления. Кроме того, посредством анализа региональной печати представляется возможным определить качество исполнения идеологических установок ЦК партии на местах. Данное обстоятельство играло немаловажную роль при оценке деятельности партийных руководителей.

Как известно, политические кампании являлись одним из способов управления страной и формирования «новой советской

идентичности» [2]. В политической системе поздней сталинской эпохи выборы представляли собой разновидность кампаний мобилизационного типа, вовлекавших в свою орбиту практически все население страны. В ходе их проведения отработывался механизм консолидации масс вокруг вождя и Коммунистической партии, что демонстрировало внутреннее единство советского общества на фоне надвигавшейся холодной войны с Западом. Нападение Германии на Советский Союз прервало электоральные циклы, запущенные в 1937 г., что помешало завершить процесс встраивания избирательной системы в парадигму мобилизационной политической кампании. Данный процесс был завершён в первые послевоенные годы, когда избирательные кампании шли одна за другой, приобретая все более ритуализированный характер. В этом плане выборы в Верховный Совет СССР 1946 г., ставшие первыми в послевоенной истории, заложили основные принципы организации избирательных кампаний на долгие годы вперёд.

Однако, какие бы цели не преследовала та или иная кампания, необходим инструмент, позволяющий связать широкие массы населения с идеологическими установками, вырабатываемыми в аппарате ЦК партии. В связи с чем существенная роль в политических кампаниях отводилась средствам массовой информации, в частности газетам. Приоритет в пользу печати объясняется статистикой и в целом литературоцентричностью советского общества. Так, в 1946 г. по всей стране выходило 7039 газет с разовым тиражом в 29,6 млн. экземпляров. Для сравнения, число радиоприемных устройств приблизилось к сопоставимому охвату лишь в 1955 г., составив 26 млн., тогда как разовый тираж газет к этому моменту возрос до 48,7 млн. экземпляров [3, 118-121]. Обладая безраздельным господством в информационном поле, партийно-советская печать являлась неотъемлемым элементом коммуникации между властью и обществом, транслируя идеологические ориентиры проводимой кампании.

Официально избирательная кампания стартовала после издания двух документов: Указа Президиума Верховного Совета СССР

«О проведении выборов в Верховный Совет СССР» от 5 октября 1945 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР об утверждении «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» от 11 октября 1945 г. Выборы были назначены на 10 февраля 1946 г., таким образом, на проведение кампании отводилось 5 месяцев. Республиканская газета «Социалистическая Осетия» (орган обкома ВКП(б) и Верховного Совета Северо-Осетинской АССР) перепечатала данные документы 6 и 14 октября, тем самым обозначив начало избирательной кампании в местной прессе [5; 6].

Идеологический посыл о целях и задачах, составляющий содержание первого этапа кампании, транслировался, прежде всего, через орган ЦК партии – газету «Правда». В связи с чем передовицы «Правды» являлись неотъемлемым элементом республиканских газет. Анализ данных передовиц позволяет выделить ряд ключевых идеологических установок, служивших руководством к действию для местной прессы. Во-первых, победа в Великой Отечественной войне провозглашалась победой советской социалистической демократии – «самой последовательной демократии мира» [7]. Во-вторых, разъяснение положения о выборах в Верховный Совет СССР, норм Конституции и в целом процедурных вопросов, связанных с выборами, объявлялось важнейшей задачей [6]. В-третьих, подчеркивалось особое значение «морально-политического единства советского общества» [8], базирующегося на блоке коммунистов и беспартийных [9]. В-четвертых, использовались прямые призывы к рядовым исполнителям кампании: от сотрудников госаппарата, названных «винтиками», требовалась такая же «безотказная работа», какую они продемонстрировали в годы войны [10], работники же «большевистской печати» должны были приложить еще больше усилий для «мобилизации политической активности трудящихся» [11].

И все же, ключевой целью кампании значилась 100% явка избирателей, и такая же 100% поддержка выдвинутых кандидатов. На протяжении 5 месяцев республиканские газеты различным образом воспроизводили данный посыл, изменяя форму, но не

суть публикаций. Призыв ЦК партии «явиться всем как один к избирательным урнам», напечатанный в первополосной шапке «Социалистической Осетии» в день выборов [12], стал концентрированным выражением данной цели.

Однако от региональной печати требовалась не простая сдача своих страниц под статьи центральных газет. Например, в одной из передовиц «Правды», посвященной задачам газет, говорилось, что «редакции газет в своей работе должны учитывать конкретную обстановку, особенности своих областей, краев и республик, помнить о том, что многие советские избиратели длительное время были оторваны от своей Родины и не получали информации о жизни Советского Союза во время Отечественной войны; помнить о том, что часть избирателей будет впервые принимать участие в выборах в Верховный Совет СССР. Газеты не могут не учитывать запросов этой части избирателей и должны систематически публиковать для них специальные беседы, консультации, ответы па вопросы» [11].

Следуя данным указаниям, районные газеты вели специальные рубрики. Так, в рубрике «Словарь агитатора» газеты «Раздзог» (орган Алагирского РК ВКП(б) и райсовета депутатов) давались определения понятиям: «законодательная инициатива», «Конституция», «парламент», «ценз» [13]. Что характерно, в приводимых определениях непременно содержалось сравнение с капиталистическими странами, предсказуемо, не в пользу последних. В отдельных публикациях печатались ответы на часто задаваемые вопросы. К примеру, газета «Стахановон» (орган Гизельдонского РК ВКП(б) и райсовета депутатов) в рубрике «Беседы с избирателями» разъясняла, какой документ понадобится избирателю при голосовании, сколько бюллетеней получит избиратель, как заполнять избирательные бюллетени [14].

Для более целостного представления хода избирательной кампании в республиканских газетах обратимся к данным, сведенным в таблице (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика публикаций в республиканских газетах
в период выборов в Верховный Совет СССР 1945–1946 гг.**

Газета	Число публикаций															После 10 февраля 1946 г.	Всего
	Октябрь 1945 г.			Ноябрь 1945 г.			Декабрь 1945 г.			Январь 1946 г.			Февраль 1946 г.				
	Декада			Декада			Декада			Декада			Декада				
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1				
«Социалистическая Осетия» (республиканская газета)	2	14	17	13	13	26	17	31	60	100	128	46	134	76	677		
«Рабочий Электрo-цинкa» (г. Дзауджикау)	–	–	–	–	–	8	–	–	10	11	6	6	9	6	≈ 56		
«На рельсы» (г. Дзауджикау)	0	0	–	0	1	2	5	9	10	X	6	14	5	7	≈ 59		
«Раздзог» (Алагирский район)	–	–	2	–	–	–	6	6	20	12	–	9	24	0	≈ 79		
«Красное Знамя» (Аланский район / ныне часть Малгобекского района Республики Ингушетия)	X	X	X	X	X	X	X	X	4	X	X	X	X	X	4		
«Ленинoн» (Ардонский район)	X	X	X	1	5	–	X	2	8	12	7	12	5	8	≈ 60		
«Стахановoн» (Гизельдонский)	–	–	1	–	–	0	0	5	3	–	6	4	4	1	≈ 24		
«Сурх Дигорæ» (Дигорский район)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7	7	9	2	1	≈ 26		

«Социалистон Дигора» (Ирафский район)	–	0	1	1	–	–	4	–	–	9	7	14	16	3	≈ 55
«Кировон» (Кировский район)	0	–	–	0	–	6	4	–	4	7	10	3	–	2	≈ 36
«Колхозная правда» (Коста-Хетагуров- ский район)	0	–	–	3	2	8	5	9	X	5	–	12	6	8	≈ 58
«Ленинский путь» (Курпский район)	–	–	–	–	–	3	3	3	6	7	6	9	3	6	≈ 46
«Колхозон» (Махчешский район)	–	0	–	–	1	5	–	–	10	4	–	–	7	5	≈ 32
«Размæ» (Орджоникидзев- ский район)	–	–	–	0	1	4	0	12	5	10	2	2	5	1	≈ 42
«Сталинон дзырд» (Садонский район)	–	–	–	–	–	1	X	8	3	4	–	10	0	3	≈ 29
Условные обозначения: ☒ – газета не выпускалась ☐ – выпуски не сохранились															

Очевидно, что флагманом среди республиканских газет являлась «Социалистическая Осетия». Она имела большой тираж и периодичность. Как правило, районные газеты выходили четыре раза в месяц. Тем не менее, данные таблицы (табл. 1) свидетельствуют о том, что практически все районные газеты включились в избирательную кампанию с опозданием. На протяжении первых двух месяцев в большинстве газет отсутствовали статьи о выборах. В этом плане показателен пример газеты «Колхозон» (орган Махчешского РК ВКП(б) и райсовета депутатов). В рубрике «Тематика», обращенной к руководителям парторганизаций и агитколлективов, публиковался перечень тем, подлежащих проработке среди населения в течение соответствующего месяца. Так, среди 17 тем, отведенных на октябрь, не было ни одной о выборах [15]. Из 16 тем в ноябре лишь две затрагивали вопросы избирательной кампании [16]. Подобное положение дел вызвало ответную реакцию со стороны партийного руководства республики.

Можно заметить, что с третьей декады декабря происходит резкое увеличение количества публикаций, посвященных выборам. Данное обстоятельство связано с итогами работы XXII (декабрьского) пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б) 1945 г.

11 декабря «Социалистическая Осетия» опубликовала обширную выдержку из доклада секретаря обкома партии по агитации и пропаганде С. Н. Битиева. В своем докладе С. Н. Битиев подверг критике ряд районных парторганизаций, не осознавших «громдного политического значения предстоящих выборов». Отмечалась слабая партийно-политическая работа в массах. Некоторые районные газеты обвинялись в допущении «грубых политических ошибок» [17]. Примечательно, что подобные заявления прозвучали спустя более двух месяцев после начала кампании.

Однако на этом полемика относительно неудовлетворительной работы районных газет не завершилась. 8 января в «Социалистической Осетии» была опубликована статья под названием «В стороне от главного». В данной статье, по всей видимости, показательно разгромной критике подверглись два районных издания. Причем, осуждались как редакции газет, так и руководители партийных организаций: «Итак, подводим итоги работы редакции газеты «Стахановон» по освещению хода подготовки к выборам в Верховный Совет СССР за два с половиной месяца: одна заметка в 30 строк! В этом же номере в отчете о районном партийном активе мы читаем: «Секретарь РК ВКП(б) т. Кесаев... указал, что многие партийные организации и руководители колхозов до сих пор еще недостаточно занимаются подготовкой к выборам». Очень жаль, что т. Кесаев не читал свою газету. Тогда бы он на собрании партийного актива указал бы редакции районной газеты на то, что зря прошли в редакции горячие предвыборные два с половиной месяца». Наряду с этим, «крупным недостатком» газеты «Кировон» (орган Кировского РК ВКП(б) и райисполкома) назывался «штамп»: «Все корреспонденции, посвященные задаче текущего момента, написаны на один лад: поверхностно, сухо, скучно и неинтересно... Работники районных газет должны полностью осознать задачу момента и основную деятельность газет посвятить делу избрания в Верховный Совет СССР лучших сынов Родины, преданных делу партии Ленина-Сталина –депутатов. И именно сейчас для этого необходимо использовать всю силу большевистского печатного слова» [18].

Наиболее плачевная ситуация сложилась в Аланском районе. За весь период избирательной кампании газета «Красное Знамя» (орган Аланского РК ВКП(б) и райсовета депутатов) вышла один раз, опубликовав четыре статьи о выборах [19]. Визуально и стилистически данный выпуск скорее отторгал нежели мобилизовывал избирателей. Кроме того, в докладной записке от 18 января 1946 г. на имя С. Н. Битиева секретарь Аланского райкома партии А. С. Конюшев, перечисляя недостатки в агитационно-пропагандистской работе в связи с выборами, заявил: «Ввиду отдаленности от республиканского центра периодическую литературу, газеты и журналы получаем на 6-8 сутки» [4, 16]. Таким образом, отсутствие районной газеты усугублялось невозможностью своевременной доставки республиканской периодики.

Тем не менее, административный нажим со стороны партийного руководства в отношении республиканских газет возымел свой эффект. В районных газетах последовала серия публикаций с признаниями имеющихся недостатков и обещаниями непременно исправить их. Типичной в этом отношении является статья газеты «Ленинский путь» (орган Курпского РК ВКП(б) и райсовета депутатов): «Газета «Ленинский путь» недостаточно уделяет внимания работе агитаторов и политпросветучреждений... Необходимо еще шире развернуть социалистическое соревнование в честь выборов в Верховный Совет СССР» [20].

В январе 1946 г. стартовал этап выдвижения кандидатов в депутаты. Страницы газет сообщали о собраниях коллективов предприятий и общественных организаций, единодушно поддерживающих выдвигаемые кандидатуры. 16 января «Социалистическая Осетия» опубликовала биографию кандидата в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР, первого секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП(б) К. Д. Кулова, тем самым положив начало публикациям биографий остальных кандидатов [21]. Некоторые из них невольно напоминали избирателям о политических процессах минувших лет. Например, в биографии наркома госбезопасности Северо-Осетинской АССР В. А. Какучая, опубликованной в газете «Сурх Дигорæ» (орган Дигорского РК

ВКП(б) и райсовета депутатов), отмечалось: «Верный сын народа, В.А. Какучая с 1930 г. ведет беспощадную борьбу с троцкистско-бухаринскими и всякими иными предателями и изменниками Родины» [22].

Кратное увеличение публикационной активности играло особую роль в день выборов. Репортажи с избирательных участков формировали необходимый информационный фон, демонстрирующий монолитное единство жителей республики в поддержке выдвинутых кандидатов. Так, в газете «Колхозная правда» (орган Коста-Хетагуровского РК ВКП(б) и райисполкома) сообщалось: «Из 848 избирателей нашего участка на выборы явилось 848 или 100 проц. В 12 часов ночи вскрывают урну и ровно через час поступает новое сообщение. Патриоты сел. Райдзаст единодушно голосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. За Родину, за партию Ленина-Сталина» [23].

Сами выборы проходили в праздничной обстановке, центральным местом праздника являлся избирательный участок. К примеру, для тружеников Дзауджикауского вагоноремонтного завода это был избирательный участок № 15, расположившийся в здании заводского клуба: «До 24-х часов оживление на нашем участке не умолкало. Рабочие, служащие завода приходили в клуб посмотреть кино, полюбоваться на убранство наших комнат, послушать симфонический оркестр – повеселиться вместе со всеми» [24].

Особое внимание уделялось первому проголосовавшему избирателю. Как правило, для публикаций подбирались авторитетные, заслуженные люди, открыто выражавшие поддержку власти. Например, на Хорджинском избирательном участке Коста-Хетагуровского района им стал ветеран Владимир Сурхаев: «Я сражался за Родину, я, не жалея своей крови, бился с врагом на смерть, чтобы цвела наша страна, чтобы счастливо жил наш народ. Прошу разрешить мне первому опустить бюллетень в урну за наших кандидатов, которые под руководством товарища Сталина будут осуществлять наш народный наказ» [23].

В итоге, цель кампании ожидаемо была достигнута. На следующий день после выборов «Социалистическая Осетия» опубликовала данные о 99,9% явке избирателей, сопроводив это следующим комментарием: «Нерушимый сталинский блок коммунистов и беспартийных одержал новую блестящую победу» [25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что партийно-советская периодика являлась важным элементом в механизме реализации политических кампаний. Однако на региональном уровне, прежде всего, районном, не всегда осознавалось то значение, которое придавалось прессе партийными руководителями высшего звена. В связи с чем возникали «сбои», выявленные в ходе данного исследования. Впрочем, партийный аппарат обладал достаточным инструментарием для их оперативного исправления.

1. Кимерлинг А.С. Выборы в Верховный Совет СССР 1946 года в Молотовской области как пример мобилизационной политической кампании // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 4(35). С. 104-114.

2. Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 211 с.

3. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февр. 1917-нач. 90-х гг.). Москва: Издательство МГУ, 1996. 208 с.

4. Общественно-политическая жизнь Северной Осетии (1945–1953 гг.): документы и материалы / под ред. А.Т. Царикаева, З.Е. Дзотцовой, Г.Б. Тускаевой. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2022. 277 с.

5. Социалистическая Осетия. 6 октября 1945. Вып. 197(3578).

6. Социалистическая Осетия. 14 октября 1945. Вып. 202(3583).

7. Социалистическая Осетия. 9 октября 1945. Вып. 199(3580).

8. Социалистическая Осетия. 19 октября 1945. Вып. 205(3586).

9. Социалистическая Осетия. 12 января 1946. Вып. 9(3645).

10. Социалистическая Осетия. 17 октября 1945. Вып. 204(3585).

11. Социалистическая Осетия. 20 января 1946. Вып. 15(3651).

12. Социалистическая Осетия. 10 февраля 1946. Вып. 31(3667).
13. Раздзог. 5 декабря 1945. Вып. 37(1526).
14. Стахановон. 7 февраля 1946. Вып. 6(421).
15. Колхозон. 13 октября 1945. Вып. 33(395).
16. Колхозон. 16 ноября 1945. Вып. 36(398).
17. Социалистическая Осетия. 11 декабря 1945. Вып. 241(3622).
18. Социалистическая Осетия. 8 января 1946. Вып. 6(3642).
19. Красное Знамя. 29 декабря 1945. Вып. 16.
20. Ленинский путь. 22 декабря 1945. Вып. 11.
21. Социалистическая Осетия. 16 января 1946. Вып. 12(3647).
22. Сурх Дигорæ. 31 января 1946. Вып. 5(1344).
23. Колхозная правда. 14 февраля 1946. Вып. 7(86).
24. На рельсы. 16 февраля 1946. Вып. 6-7(1540-41).
25. Социалистическая Осетия. 11 февраля 1946. Вып. 32(3668).

С. А. Секинаев,
канд. мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ: ИЗУЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В данной статье исследуется участие жителей Северной Осетии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. через анализ исторических источников. Рассматриваются как военное участие местного населения на фронте, так и их вклад в тылу, что позволяет глубже понять роль региона в общей победе над фашизмом. Исследование подчеркивает важность сохранения памяти о многообразных формах участия населения республики в войне.

Ключевые слова: материалы, источники, война, боевые действия, воспоминания, пионеры, сборники архивных документов.

This article examines the participation of the inhabitants of North Ossetia in the Great Patriotic War of 1941-1945 through the analysis of historical sources. Both the military participation of the local population at the front and their contribution to the rear are considered, which allows a deeper understanding of the role of the region in the overall victory over fascism. The study highlights the importance of preserving the memory of the diverse forms of participation of the population of the republic in the war.

Keywords: materials, sources, war, military operations, memories, pioneers, collections of archival documents.

Сбор и публикация источников и материалов по истории Великой Отечественной войны начались еще до того, как отгремели последние залпы на полях сражений.

В конце 1942 г. Г. Апресян составил и подготовил к печати сборник «Оборона города Орджоникидзе (Владикавказа)». В сборник вошли воззвания, листовки, а также статьи и очерки, опубликованные в периодической печати в ходе ожесточенных боев Красной Армии с немецко-фашистскими войсками на подступах к городу Орджоникидзе. Материалы сборника отражают патриотизм и мужество защитников города.

Под редакцией Г. Апресяна в начале 1943 г. были изданы материалы состоявшегося 1-го января 1943 г. на площади Свободы г. Орджоникидзе митинга, посвященного освобождению территории Северной Осетии от немецких оккупантов. В сборник включено обращение Северо-Осетинского обкома ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СОАССР ко всем трудящимся республики. В нем говорилось о зверствах фашистских захватчиков на территории республики: «Около двух месяцев хозяйничали гитлеровские людоеды в Алагирском, Кировском, Ирафском, Дигорском, Ардонском районах нашей республики. За это время они разорили наши цветущие колхозы и разграбили добро, нажитое честным колхозным трудом. Они вывезли скот, хлеб, пожрали птицу и продовольственные запасы в этих районах... Гитлеровцы подожгли и разрушили в Ардоне известное всему населению нашей республики здание бывшей семинарии, здание детской консультации. Убытки, причиненные одному только селению Гизель, составляют свыше 50 миллионов рублей. Еще большему грабежу и разорению подверглись Дзуарикау, Ардон, Алагир, Дигора, Эльхотово и другие селения» [1, 11-12].

«Кровавый и вероломный враг, – отмечалось в обращении, – рвался к столице республики – городу Орджоникидзе. Ожесточенные бои в первые дни ноября шли на подступах к городу.

В многодневных боях наша доблестная Красная Армия, руководимая великим полководцем Отечественной войны – товарищем Сталиным, любимая и поддерживаемая всем советским народом, нанесла крепкий удар немецко-фашистской группировке в районе города Владикавказ (Орджоникидзе), уничтожила свыше 5000 немецких солдат и офицеров, захватила большое количество трофеев и отбросила остатки разгромленных гитлеровских дивизий от города. В этих боях отличились и трудящиеся нашего города, всеми силами помогавшие бойцам и командирам Красной Армии. Наш славный город был, есть и будет советским».

Далее в обращении отмечалось: «Но война еще не окончена. Немецкие оккупанты полностью еще не разгромлены. Жесто-

кие, решающие бои еще впереди. Наступающий 1943 год должен стать годом победоносного наступления на врага, это значит, что все мы и впредь обязаны всемерно помогать фронту, помогать Красной Армии всеми силами и всеми доступными нам средствами»[1, 12]. Материалы, подготовленные к печати Г. Апресяном, широко использовались в агитационно-массовой работе среди воинов Красной Армии и трудящихся республики.

В 1968 г. Северо-Осетинское книжное издательство выпустило сборник документов и материалов «Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны». Составители сборника – Т.Н. Кибизов, В.И. Ларина, К.Т. Тедтоева и Х.Т. Чибиров – собрали и систематизировали большое количество документов и материалов из фондов Северо-Осетинского областного партийного архива, Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и архива Министерства обороны СССР. В сборник включены также материалы из центральных, местных и фронтовых газет; всего – 436 документов.

Материалы сборника ярко характеризуют руководящую роль партийных и советских органов по перестройке хозяйства Северной Осетии в условиях начавшейся войны, мобилизации всех сил трудящихся и материальных ресурсов республики на отпор врагу, а также массовый героизм советских людей. Документы и материалы в сборнике даются по разделам: начало войны и мобилизация сил республики на помощь фронту; партийная организация Северной Осетии в период битвы за Кавказ; борьба партийных организаций за восстановление народного хозяйства, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками. В отдельном разделе собраны материалы о героических подвигах уроженцев Северной Осетии на фронтах Великой Отечественной войны. Большой интерес представляют письма на фронт и с фронта. Обращает на себя внимание высокий уровень культуры археографической обработки документов и материалов. Сборник документов и материалов о деятельности Северо-Осетинской партийной организации в годы Великой Отечественной войны является ценным и

весьма полезным пособием для лиц, занимающихся исследованием проблем истории Великой Отечественной войны [2].

Немалый интерес представляют записки военных корреспондентов, непосредственно принимавших участие в боевых действиях. Об их неустанной работе рассказал писатель В.А. Закруткин: «Писать приходилось, где придется: в тени дерева на коротком привале, в землянке, в темном блиндаже, в кабине покинутого грузовика, в окопах, на лесной поляне – везде, где можно было держать на коленях полевую сумку. Не обращая внимания на гул снарядов и трескотню пулеметов, торопливо набрасывая строки оперативной информации, очерки о геройском подвиге стрелков-пехотинцев, об отважных разведчиках, об очередном рейде по тылам врага, о железной стойкости наших бойцов, о силе, храбрости и самоотверженности коммунистов-политработников – обо всем, что требовало неослабного внимания и срочного, немедленного опубликования в армейской и фронтовой печати, чтобы все полки, дивизии корпуса сразу, в ходе боев, узнавали имена смелых, твердых, бесстрашных и равнялись по ним, лучшим из лучших»[3].

В «Кавказских записках» В.А. Закруткина имеются весьма интересные сведения о значимости боевых действий в период наступления фашистских войск на г. Орджоникидзе (Владикавказ). Он писал: «19 ноября 1942 г. Советское Информационное бюро передало в особом разделе «В последний час» сообщение об исходе Гизельского сражения... Через три дня, 22 ноября, весь мир услышал сообщение о наступлении советских войск в районе Сталинграда. Это стало великим переломом в войне. Прошло немного времени, и грандиозные операции Советской Армии затмили своим блеском и масштабами гизельское сражение, развернувшееся у врат Владикавказа. События, которым дивился мир, заслонили то, что произошло вокруг осетинского селения Гизель.

Но тогда, в ноябре 1942 года, это был первый серьезный удар по немцам, предвещающий более блистательные и сильные удары. Тогда, под Гизелью, после горьких летних месяцев отступле-

ния, после многих слез и душевного смятения, после обидных упреков и молчаливой тоски тех, кого мы оставляли в покинутых нами селениях, – Гизельское сражение словно возродило нас и вселило в наши души надежду, глубокую веру в свои окрепшие силы и радость первой победы [3, 3-4].

Начавшееся 7 ноября, в знаменательный день 25-летия Октябрьской революции, Гизельское сражение стало символом нашей грядущей победы. Оно впервые принесло нам ни с чем несравнимое ощущение счастья солдата-спасителя, освобождающего своих угнетенных врагами сограждан. Оно окрылило и вдохновило на подвиги тысячи солдат и тысячи рабочих и колхозников в тылу. Оно заронило в сердца слишком уверенных в себе немецких солдат и офицеров мрачные сомнения. Оно принесло им после пятимесячного их наступления первый страх и первые тревоги.

Я никогда не забуду мгновения, когда вместе с солдатами гвардейского батальона я входил в повитое дымом только что освобожденное селение Гизель. Никакие слова не могут передать моего состояния: мне хотелось и смеяться, и плакать от радости, я готов был кричать, обнимать каждого своего товарища и каждого старика-осетина, бегущего мне навстречу, чтобы пожать руку; упрямая память воскресила в эти мгновения все: и горькие дороги летнего отступления, и полные страдания глаза провожающих нас женщин, и жестокое недовольство собой, и всё то, что теперь как будто уступало место чему-то новому, горячему, радостному...» [4, 226-227].

С первых дней начала Великой Отечественной войны комсомольские организации Северной Осетии активно включились в борьбу против фашистских захватчиков. Об этом свидетельствуют архивные материалы, включенные в сборник документов по истории Северо-Осетинской организации ВЛКСМ. Составители сборника провели значительную работу по выявлению и извлечению источников. В Красную Армию было призвано более 80 процентов комсомольской организации Северной Осетии. Двадцать воспитанников комсомола удостоены высокого звания

Героя Советского Союза. Документы сборника ярко показывают деятельность комсомольских организаций по формированию отрядов народного ополчения, военному обучению молодежи, сбору теплых вещей и денежных средств. Комсомольцы, находившиеся в тылу, выступали застрельщиками социалистического соревнования на производстве и в сельском хозяйстве. 13 марта 1945 г. в газете «Социалистическая Осетия» была опубликована телеграмма председателю Государственного комитета обороны И.В. Сталину: «Воодушевленные победоносным и стремительным продвижением славной, руководимой Вами, Красной Армии по немецкой земле и жизненным центрам разбойничьей Германии, комсомольцы и молодежь Северной Осетии в подарок Красной Армии ко дню ее славной 27-й годовщины собрали и внесли в Государственный банк 480 тыс. рублей. Просим Вас разрешить на эти средства построить звено самолетов-истребителей «Комсомолец Северной Осетии» и передать командиру авиачасти – нашему земляку, гвардии генерал-майору Дзусову. Секретарь Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ В. Пхалагов [5, 91-140].

В ответной телеграмме И. В. Сталин сообщал: «Прошу передать комсомольцам и молодежи Северной Осетии, собравшим 480 тыс. рублей на строительство звена самолетов-истребителей «Комсомолец Северной Осетии», мой горячий привет и благодарность Красной Армии. Желание комсомольцев и молодежи будет исполнено. И. В. Сталин» [5, 132].

З. С. Булацева и М. Д. Кургосова собрали материалы и опубликовали книгу «Сквозь годы мчась». В ней авторы приводят большое количество примеров из жизни пионерской организации Северной Осетии. «С первого же дня на защиту Родины вместе со всем народом поднялись и юные пионеры... Они помогали старшим. Пионеры следили за светомаскировкой, помогали колхозникам в прополке, охране урожая, уборке хлеба. ... Как только наступали летние каникулы, – пишут далее авторы, – все пионеры республики включились в сбор лекарственных трав. За период с 1941 по 1945 год они собрали, высушили и сдали в аптеки 45 тонн ценного лекарственного сырья, за что областная пионерская ор-

ганизация была награждена Почетной грамотой ЦК комсомола» [6, 79].

Пионеры Северной Осетии собирали металлолом черных и цветных металлов. В дни, когда враг приближался к границам Северной Осетии, пионеры повсеместно участвовали в подготовке к противовоздушной обороне, расчищали чердаки, устанавливали противопожарные средства, несли дежурство. В книге приводится множество примеров участия пионеров в боевых действиях, об их подвигах. Юные защитники Родины Хазби Черджиев из Кадгаронской школы, братья Ханафи и Омарби Гасановы из Чиколы, Марк Маряев, Петя и Вася Решетниковы из Моздока и др. были удостоены правительственных наград [6, 79-96].

В 2005 году в московском издательстве «Правда-Пресс» были изданы воспоминания председателя Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны Н. П. Мазина. Автор подробно рассказал о повседневной работе партийных и советских органов по укреплению оборонительных сооружений на линии фронта, об участии трудящихся республики в борьбе с немецкими оккупантами. В предисловии к своей работе Н. П. Мазин писал: «Будучи первым секретарем Северо-Осетинского обкома ВКП(б) и председателем Орджоникидзевского (Владикавказского) Комитета обороны, я встречался с крупными партийными, государственными и военными деятелями, бывал на Пленумах ЦК ВКП(б), сессиях Верховного Совета СССР, с руководителями братских республик Северного Кавказа и Закавказья, повседневно общался с республиканскими, районными работниками и трудящимися Северо-Осетинской АССР. Это давало мне возможность всегда быть в курсе всех дел республики» [7, 7].

С работой Н.П. Мазина в рукописи ознакомился бывший командующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев. Он отметил: «В воспоминаниях подробно освещены военные события на Северном Кавказе в 1942 и 1943 годах, убедительно показывается кропотливая подготовка к обороне города Орджоникидзе и разгром немецко-фашистских войск в районе Владикавказа (города Орджоникидзе). Ценность воспоминаний Мазина»

на Н.П. состоит также еще в том, что это, пожалуй, одно из первых воспоминаний секретаря обкома ВКП (б) и председателя местного Комитета обороны о работе в военные годы. Следует сказать, что в труде Н.П. Мазина в широком плане впервые в нашей военно-мемуарной литературе глубоко анализируются такие вопросы, как деятельность местного Комитета обороны, усиление связи партийных и советских органов с военными частями и соединениями и т.п.» [7, 8].

О героическом подвиге тружеников тыла и прифронтовых районов в годы войны ярко свидетельствуют документы и материалы, опубликованные в книге «Из истории завода «Электроцинк», изданной в 1980 г. С первого дня войны завод перешел на работу по особому мобилизационному плану. При всех сложностях в материально-техническом снабжении, обеспечении рабочей силой и отвлечении сотен рабочих на оборонительные работы, коллектив завода успешно справлялся с задачами военного времени. Коллектив завода впервые в стране освоил комплексную переработку цинковых концентратов, из которых, кроме цинка, стали извлекаться свинец, кадмий, кобальт, медь, серебро, золото [8, 114].

Коллектив завода обратился ко всем трудящимся Северной Осетии с призывом об укреплении тыла Красной Армии. В нем рабочие писали: «В фонд обороны мы будем вносить каждый месяц свой однодневный заработок до тех пор, пока не будет уничтожен до конца наш лютый враг – германский фашизм. ... На заводе проводятся субботники на погрузочно-разгрузочных работах; по инициативе комсомольской организации завода проведена работа по сбору лома цветных и черных металлов (собрано 52 тонны). Женщины-общественницы активно включились в работу по организации подарков бойцам и командирам нашей героической Красной Армии» [8, 19].

Рабочие обратились к правительству с просьбой «О прекращении тиражей по облигациям государственных займов и эти средства также обратить в фонд обороны». 17 июля 1942 года завод «Электроцинк» был удостоен переходящего Красного зна-

мени Государственного комитета обороны, первой премии и почетного звания «Лучший металлургический завод цветной металлургии СССР». Коллектив завода был награжден орденом Трудового Красного Знамени [8, 116].

В 1991 г. издан сборник документов и материалов по истории города Владикавказ. Составители и члены редколлегии выполнили большой объем работы по выявлению источников. Часть документов рассказывает о городе Владикавказ в суровый период Великой Отечественной войны. Более 40 тысяч владикавказцев сражались на фронтах войны. Партийные и советские органы города и республики развернули большую организаторскую работу. Владикавказский Комитет обороны мобилизовал все население республики, чтобы во взаимодействии с частями Красной Армии остановить вражеские войска, не дать им прорваться на Военно-Грузинскую дорогу, к нефтяным богатствам Грозного и Баку.

Архивные источники свидетельствуют о том, как население республики трудилось на сооружении оборонительных рубежей. Промышленные предприятия города производили снаряды, противотанковые ежи, бутылки с горючей смесью и др. За мужество и отвагу в боях с фашистскими захватчиками на владикавказском направлении более 70 воинов Красной Армии были удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе русские Александр Беркутов и Виктор Половинкин, грузин Николай Гогичайшвили, армянин Самсон Мкртумян, абхазец Айдемир Ачмизов, лезгин Валентин Эмиров, белорус Василий Князев, украинец Иван Пилипенко, кабардинец Кубати Карданов, осетин Александр Козаев и др. Геройское звание получили многие советские летчицы, защищавшие небо над Владикавказом. Среди них – Вера Велик, Евдокия Бершанская, Татьяна Макарова, Мария Чечнева и др.

В письме членов Орджоникидзевого (Владикавказского) Комитета обороны Мазина, Киселева, Текаева, Кулова и Кириллова командующему Северной группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенанту Масленникову было сказано: «Отмечая успешный разгром немецких войск в районе Владикавказа

(Орджоникидзе), Орджоникидзевский (Владикавказский) Комитет обороны от лица трудящихся города Орджоникидзе и всей Северной Осетии выносит Вам сердечную благодарность за руководство операциями, позволившими отстоять город Орджоникидзе и отбросить от столицы Северо-Осетинской АССР немецко-фашистские войска. ... Осетинский народ и в дальнейшем рука об руку с Красной Армией будет честно отстаивать свою свободу и независимость, будет помогать нашей доблестной Красной Армии всем необходимым для окончательного разгрома и уничтожения немецких оккупантов» [9, 693-694].

1. Говорит Северная Осетия. Орджоникидзе: Госиздат Сев.-Ос. АССР, 1943. – 64 с.

2. Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. – Орджоникидзе: Кн. изд-во Управления по печати, 1968. – 628 с.

3. Закрутки В.А. Дорогами большой войны. М.: «Издательство ДОСААФ СССР», 1974. – 304 с.

4. Закруткин В.А. Кавказские записки. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1975. – 304 с.

5. Сборник документов и материалов по истории Северо-Осетинской организации ВЛКСМ 1918 – 1978. Орджоникидзе: «Ир», 1978. – 328 с.

6. Булацева З., Кургосова М. Сквозь годы мчась. Орджоникидзе, 1972. – 272 с.

7. Мазин Н.П. У седых берегов Терека. М.: «Правда-Пресс», 2005. – 288 с.

8. Из истории завода «Электроцинк» 1898 – 1972 гг.// Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980. – 235 с.

9. История Владикавказа (1781 – 1990 гг.)// Сб. документов и материалов. Владикавказ: Сев.-Осет. ун-т, 1991. – 1014 с.

Т. З. Бабаев,
мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС СРЕДИ РАБОЧИХ В СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР В V И VI ПЯТИЛЕТКАХ

В статье рассматривается образовательный процесс в Северной Осетии в период технической модернизации производственных процессов. Влияние повышения квалификации рабочих на показатели предприятий республики.

Ключевые слова: Северная Осетия, образование, производство, рационализатор, рабочая молодежь.

The article examines the educational process in North Ossetia during the period of technical modernization of production processes. The impact of improving the skills of workers on the performance of enterprises in the republic.

Keywords: North Ossetia, education, production, innovator, working youth.

Достигнутые технические сдвиги и борьба за дальнейший технический прогресс требовали повышения квалификации работников, способных овладеть новой техникой на промышленном производстве.

Все нарастающий спрос на квалифицированные кадры предъявлялся, конечно, не только промышленностью, но и сельским хозяйством. Непрерывное расширение и развитие системы народного образования, рост числа и расширение работы культурных учреждений, развитие системы народного здравоохранения – все это требовало усиленной подготовки квалифицированных кадров.

Задаче правительства Северной Осетии, состояла в повышении уровня образования. Оснащенность предприятий новой техникой, а именно автоматической и полуавтоматической линий на различных производствах.

Северная Осетия в рассматриваемый период по обеспеченности кадрами занимает одно из первых мест среди других наци-

ональных республик. О размахе подготовки квалифицированных кадров можно судить по следующим данным: всего за пятую пятилетку повысило свою квалификацию 39 тыс. человек, занятых в народном хозяйстве, культуре и сфере управления. Из них 32 031 человек было подготовлено без отрыва от производства индивидуально-бригадным методом, а некоторая часть – путем курсового обучения в постоянно действующих школах.

Огромное значение для пополнения кадров рабочего класса и улучшения его качественного состава имели школы системы Государственных трудовых резервов и училища механизации сельского хозяйства, созданные в соответствии с решением сентябрьского Пленума ЦК КПСС в 1953 году [1]. В этих школах готовились кадры по специальностям, в которых народное хозяйство республики.

Существующие в республике школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и специальные ремесленные училища готовили кадры для предприятий цветной металлургии, крахмало-паточной и металлообрабатывающей промышленности; училища механизации сельского хозяйства готовили кадры для МТС и других механизированных работ в сельском хозяйстве.

В перечисленных школах за пятую пятилетку было подготовлено и направлено в промышленность, строительство и МТС 3200 человек квалифицированных рабочих: каменщиков, электро-сварщиков, токарей, котельщиков, столяров, электромонтеров, клепальщиков, кузнецов, плотников, штукатуров, проходчиков и крепильщиков, мотористов шахтных установок, механиков, комбайнеров и трактористов. На 1000 человек (из осетин), на эти профессии приходится от 151 до 200 человек [2, 32].

В техникумах и других специальных средних учебных заведениях, которых в 1957 году насчитывалось 12, шла подготовка специалистов средней квалификации для всех отраслей народного хозяйства. Почти каждая отрасль народного хозяйства имела свое среднее специальное учебное заведение, готовящее для нее кадры.

В программу учебного комбината рудоуправления, который

ежегодно стал подготавливать 400–500 квалифицированных шахтеров, входили вопросы не только профессионального, но и экономического характера. Оканчивающие курсы учебного комбината четко представляли, из чего складывается себестоимость, как добиться ее снижения. Эти знания трудящиеся применяли в своей повседневной работе. На рудниках и в цехах стали проводить ежемесячный анализ хозяйственной деятельности, обсуждать этот вопрос на заседаниях балансовой комиссии рудоуправления с участием представителей партбюро и рудного комитета. Был установлен строгий контроль за расходом материалов, использованием механизмов, затратами на управленческий аппарат [3, 255].

В период с 1950 по 1957 годы, из средних специальных учебных заведений Северной Осетии было выпущено 11 343 специалиста; в их числе были агрономы, горняки, финансовые и торговые работники, железнодорожники, учителя, технологи, медработники и другие специалисты.

Работники тех специальностей, которые не были представлены в ВУЗах и техникумах республики, направляли в Северную Осетию из числа окончивших ВУЗы и техникумы за пределами республики, главным образом из Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону и Тбилиси.

Большую роль в улучшении работы оказывало изучение и внедрение передового опыта и передовых методов труда. Работники предприятий местной промышленности систематически выезжали для обмена опытом на родственные предприятия. Например, группа рабочих кондитерско-хлебного комбината побывала на кондитерской фабрике в Нальчике, работники металлокомбината в Липецке, Ростове и Грозном, работники химкомбината в Ленинграде; 12 человек из числа руководящих работников предприятий республики окончили курсы повышения квалификации в Куйбышевском институте местной промышленности.

Повышение уровня образования и перенимание опыта на передовых предприятиях в различных сферах производства привели к предложениям о рационализации производств. Напри-

мер, на Садонском свинцово-цинковом комбинате за 10 месяцев 1958 года было подано 452 рационализаторских предложения. Условно годовая экономия от внедрения предложений составила 2 миллиона 816 тысяч рублей. Уровень механизации откатки руды и породы достиг 94,9%, уборки горной массы на проходческих работах – 78,9%, доставки руды до рудоспуска – 77,2%. Полностью было механизировано бурение шпуров на очистных и проходческих работах. Много было сделано для автоматизации станции подвесных канатных дорог, насосных и вентиляционных установок. Была создана специальная группа, занимавшаяся автоматизацией производственных процессов [3, 266].

Количество рабочих и служащих в промышленности по сравнению с 1945 годом увеличилось на 22 500 человек: в строительстве – на 6600 человек, в сельском хозяйстве – на 4800 человек, на транспорте – на 2700 человек и в просвещении, науке, культуре и здравоохранении – на 8400 человек. В других отраслях народного хозяйства количество рабочих и служащих осталось на прежнем уровне, либо увеличилось на незначительное количество.

Несмотря на положительные результаты в повышении уровня образования рабочих республики, необходимо указать и негативные факторы в образовательном процессе среди рабочих, в большей степени среди молодежи.

В городах и районах республики было 35 школ рабочей молодежи, где положение дел: посещаемость занятий, а отсюда успеваемость учащихся в большей мере зависят от того, как руководители и общественные организации предприятий интересуются обучением своих трудящихся, решая на обучении молодежи одну из важных задач воспитания и подготовки кадров.

Как правило, школы рабочей молодежи работают в трудных условиях. Из 35 школ только 3 вечерние школы города Орджоникидзе имеют свои здания, из которых 2 не отвечают требованиям школы. Школа рабочей молодежи №1 (220 учащихся), школа завода «Электроцинк» находилась на его территории, где была высокая загазованность воздуха сернистым газом. В дни занятий

учащиеся дышат отравленным воздухом в течение 12-ти часов. Здание школы барачного типа, низкое, сырое, зимой стены дают испарение, нет санузла, подсобного помещения. Вход в классы с трех сторон, что затрудняет дежурство учителей по школе. Негде разместить кабинеты, нет помещения для проведения общешкольных воспитательных мероприятий. Вместо типовых парт или столов стоят списанные горно-металлургическим техникумом парты, а скамьи к ним сделаны из жердей и напоминают садовые скамейки. На такой скамье посадка учащегося неудобна и неправильна. Бюро обкома КПСС при организации школы обязывало дирекцию завода передать школе половину здания заводской поликлиники, однако распоряжение не было выполнено.

Школа рабочей молодежи №6 арендовала половину деревянного барака. В классных комнатах помещается не более 9 парт, а количество учащихся, занимающихся вечером в каждом классе доходит до 35. Кабинеты физики и химии негде разместить, оборудование кабинетов находится в подсобном помещении и подвергается порче. Нет помещения для проведения общешкольных мероприятий [4, 4].

Не в лучших условиях работает Ардонская школа рабочей молодежи, находящаяся в райцентре. Располагается она в здании дневной сельской школы, где утром все классы заняты. Сменные классы размещаются в двух помещениях: учительской и физкультурном кабинете, комнатах, заставленных шкафами и оборудованием. В каждом из этих помещений занимается по 2 класса с двумя учителями. Не все учащиеся помещаются за столами, пишут на коленях сидя на ящиках с приборами. В связи с описанными условиями посещаемость занятий учащимися, работающими в вечернюю смену очень низка.

За редким исключением, помощь предприятий школе рабочей молодежи в лучшем случае ограничивается предоставлением сокращенного рабочего дня и отпуска на время сдачи экзаменов. Из всех предприятий республики только 4 (ОЗАТЭ, чулочная фабрика, завод точных камней и «Электроцинк») поддерживают постоянную тесную связь со школами. Комиссия содействия шко-

ле информирует на планерках о состоянии обучения и посещаемости занятий.

Дважды на каждом предприятии: чулочная фабрика и ОЗАТЭ проводились с участием педагогического коллектива школы рабочей молодежи №5 и актива предприятий производственно-педагогические совещания. На предприятиях есть доски показателей успеваемости учащихся и посещаемости занятий. По итогам первого полугодия учебного года учащуюся молодежь награждали почетными грамотами, премировали деньгами. Поощрение учащихся, успешно проучившихся год, намечается и на конец учебного года. В результате из отмеченных предприятий почти нет отсева учащихся [4, 5].

Большую помощь Моздокской школе рабочей молодежи оказывают партийная и комсомольская организации города. По их инициативе была создана городская комиссия содействия школе, которая приняла решение о путях выявления контингента учащихся и вовлечения его в школу. Льготы успешно обучающимся рабочим предприятия предоставляют, но на этом вся помощь исчерпывается.

Совершенно не занимаются вопросом повышения общеобразовательного уровня кадров все строительные организации республики. Они не исполняют постановление Совета Министров республики о предоставлении сокращенного дня для обучающейся молодежи. Учащимся не только не создаются условия для нормальных занятий, но стараются оторвать работающих от школы, видя в их учебе помехи в выполнении производственного плана. На бетонорастворном заводе 800 рабочих, их них в районе, прилегающем к школе рабочей молодежи №6, подлежало обучению 80 человек, училось 17, из которых 7 оставили школу.

С сентября 1962 г. приказом директора КПП «Севкавиндустри-строя» была назначена комиссия содействия школе. Но никакой работы эта комиссия не проводила. Совещание комиссии содействия было назначено на январь. К нему коллектив школы рабочей молодежи №6 подготовил проект решения совещания, в котором были определены задачи предприятия по повышению

образовательного уровня кадров. В полном составе коллектив учителей явился на совещание, но оно было перенесено на другой срок, ввиду неподготовленности этого вопроса на предприятии. До конца учебного года совещание так и не состоялось.

На 1963-64 учебный год списков молодежи, подлежащей, обучению КПП не представляет. Закрепленный за предприятием учитель школы рабочей молодежи №6, С. Н. Раздорский 4 раза приходил, чтобы помочь в выявлении учащихся, но этим вопросом там никто не занимается, а сама школа его решить не может [4, 6]. На сдачу экзаменов стройуправление №130 не представило дополнительного отпуска учащимся.

Начальник отдела кадров, он же секретарь партбюро управления механизации «Севкавиндустростроя» Дудиев отказался разговаривать с учительницей Щетининой В. Ю. по вопросу уточнения списка набора учащихся в школу рабочей молодежи №6, и когда та спросила его фамилию, он отказался назвать себя. Не стал Дудиев выяснять этого вопроса и с учителем С. Н. Раздорским он его не выслушал, прервал разговор и предпочел заняться другими делами.

Не заинтересованы в обучении молодежи на заводах №17, №92 и «Электроконтактор», учащимся не предоставляют сокращенного рабочего дня, не отрегулирована их сменная работа, имеет место посылка в длительные командировки.

На «Электроконтакторе» учится 26 человек, не вовлечены в школу 248. Учебе молодежи еще меньше внимания уделяют в районах. К примеру, в районном центре Ардон на предприятиях работает 700 человек, а учится в Ардонской школе рабочей молодежи 120 человек. Так на асфальтобетонном заводе из 15 учится один. Завод автозапчастей молодежное предприятие на нем работает 65 молодых специалистов, но учится только 15 человек. Такое же положение и на других предприятиях.

Таким образом, технический прогресс и развитие различных отраслей производства, требовали в свою очередь и повышение квалификации рабочих. Из вышеперечисленного видно, что в Северной Осетии тенденция на повышение квалификации и во-

обще получение образования имели существенный рост. Так же, видно, что посещаемость занятий, а отсюда качество знаний учащихся находились в прямой зависимости от заинтересованности предприятий в общеобразовательной подготовке своих кадров, насколько они предъявляют требования к учебе и создадут условия для нее.

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сборник документов за 50 лет. Т. 4. 1953-1961 гг. – М.: Политиздат, 1968. 784 с.

2. Черджиев Х.С. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе: Издательство «ИР», 1971. 168 с.

3. Садонский свинцово-цинковый комбинат: Очерки истории/ под ред. М. М. Блиева. Орджоникидзе: Издательство «ИР», 1979. 293 с., ил., 16 л.

4. ЦГА РСО-Алания. Ф. 129. Оп. 3. Д. 75.

II. ЭТНОЛОГИЯ

А. А. Туаллагов,

*дин, снс Центра скифо-аланских исследований
им. В. И. Абаева ВНЦ РАН
(г. Владикавказ)*

А. А. Туаллагова,

*студентка СОГУ им. К. Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)*

ОСЕТИНСКИЙ НЫХАС

Целью исследования является анализ проблемы образа общего дома нартов в осетинском эпосе. В его задачи входят определение основных характеристик объекта, его разновидностей и связей. Научная актуальность проблемы определяется отсутствием специализированных исследований по указанной проблеме при наличии частных наблюдений и замечаний специалистов в отношении указанного объекта и его аналогов в других эпических материалах. Научная новизна определяется привлечением данных из последнего академического издания осетинского эпоса. В исследовании использовались методы текстологического изучения источников в сочетании с методом сравнительно-исторического анализа. В ходе исследования устанавливается, что образ общего дома нартов имел различные воплощения, в которых сочетались функции святилища, собрания и суда. Такое положение сопоставимо с результатами прежних исследований о генезисе аланских (нартовских) ныхасов. Сохраняются и представления о связи объекта с образом женского божества.

Ключевые слова: *народное собрание, Нартовский эпос, образ богини.*

The purpose of the study is to analyze the problem of the image of the common house of the Narts in the Ossetian epic. Its tasks include determining the main characteristics of an object, its varieties and connections. The scientific relevance of the problem is determined by the

lack of specialized research on this problem in the presence of private observations and comments from specialists regarding this object and its analogues in other epic materials. Scientific novelty is determined using data from the latest academic edition of the Ossetian epic. The study used methods of textual study of sources in combination with the method of comparative historical analysis. The study establishes that the figure of the Narts' common house had various incarnations, which combined the functions of a sanctuary, an assembly and a court. This situation is comparable with the results of previous studies on the genesis of the Alan (Nart) Nykhases. Ideas about the connection of the object with the image of a female deity are also preserved.

Keywords: people's assembly, Nart epic, figure of female deity.

Исследователи обратили внимание на нартовское сказание «Ныхас», записанное в Адыгее, в котором матери собирались на своем ныхасе для решения дел нартов. Такой сюжет рассматривали как отголосок матриархата, а «Ныхас» этимологизировали как «Матерей Совет» [1, 123]. Позднее, насколько можно судить, данное сказание, определяемое как бжедугское, было опубликовано в двух томах семитомного издания адыгского эпоса [2, 327, № 419; 3, 364, № 615]. Причем, в одном случае оно носит название «Ны хас» [3, 106, № 615], а в другом – «Ныхас» [2, 149, № 419]. В текст второго сказания добавлена последняя строка, повествующая о том, что собирались в доме Аледжевых. У того же сказителя, но несколько ранее [2, 327, № 420], было записано и другое сказание, в котором инициатива такого собрания исходила от жены Аледжа [2, 149, № 420].

Видимо, отдельное написание «Ны хас» потребовалось для визуализации этимологии: ны – «мать», хасэ – «совет», полагаемой и другими авторами, но без указания на предшественников. Повторяется и возможность усматривать в совете матерей отголосок матриархальных мотивов [4, 129-130]. Собственно говоря, «Ныхас/Ны хас» нельзя прямо назвать сказанием. Это краткая «объяснительная записка» для самого названия.

Как бы то ни было, следует обратить внимание на тот факт, что Аледжевы являются прямой параллелью осетинскому эпическо-

му роду Алæгатæ. Данный род олицетворяет жреческие функции. В их большом доме хранится такой сакральный предмет, как чаша Уацамонгæ/Нартамонгæ/Ардамонгæ. В нем проводятся пиры нартов, являющиеся известной до сих пор формой моления. С другой стороны, представители данного рода выступают третейскими судьями [5, 170-176]. Таким образом, дом Алæгатæ является своеобразным святилищем, а сами они берут на себя и судебные функции. Точно так и Аледжевы содержат большой дом, где проходят пиры нартов. В нем хранится чудесная чаша. Здесь проводят *хасэ*, которое является одновременно и верховным собранием, и трибуналом для состарившихся нартов, осуществлявшим древний закон [5, 179-182]. Вспомним, что именно в доме Алæгатæ нарты пылись убить их состарившегося главу.

Было справедливо замечено, что название собрания явно ошибочно осмыслено исследователями или сказителем. Название является заимствованием из осетинского языка. Такое собрание женщин, носившее то же название, что и мужское, было отдельным от мужского [6, 72]. Но вскоре уточнялось, что у нартов отсутствовал какой-либо совет женщин, отличный от мужского *ныхаса* [6, 154, сн. 16]. Помня о некоторых странностях с публикацией бжедугских сказаний, все же не следует, как представляется, быть столь категоричным в восприятии их данных. Их привлечение в контексте известных наблюдений по осетинским *ныхасам* [7, 301] следует оценивать положительно.

Представляется, что необходимо обратить внимание и на некоторые другие наблюдения, уже давно предложенные исследователями. Так, кабардинское «*хасэ*» рассматривается как устаревшее, фольклорное слово, означавшее «совет», «совещание». Аналогичное значение имеет адыгское *хас*. Производным от него является старинное кабардинское название судилища и места суда – *хасане* (совр. *хасанлэ*) [6, 71]. С другой стороны, соответствием осетинскому «*ныхас*» предлагалось считать абхазское *аныха* – «святилище», «икона» [8, 222]. Данное наблюдение рассматривается как объективное развитие значения от «совета» к «святилищу», обусловленное громадной ролью *ныхаса* в нартов-

ском обществе и почтением к данному органу со стороны носителей эпоса [6, 155].

Выявляемая связь ныхаса с судом и святилищем весьма показательна в контексте приводимых наблюдений, когда связь с понятием «святилище» могла быть изначальной. Другие исследователи справедливо отмечали, что круглая площадь как место сбора, «народного собрания», связанное с произнесением слов, также связано с «храмом» и «судом». В прошлом их функции были слиты [9, 133-135, 177]. Заметим, что в осетинском эпосе отмечается именно рассаживание нартов на ныхасе по кругу (цæлхæмбурдæй) [10, 595; 2007. Ф. 236], также (цæлхæмбырдæй), как в варианте сказания о попытке умертвить Уырызмага фамилией Борæтæ на пиру в их доме, где хранится Ардамонгæ [11, 97, 98, 105, 106]. Фактически мы имеем одно и тоже круговое расположение на ныхасе и в святилище, хотя для последнего известно расположение нартов на пиру в три, четыре и семь рядов [5, 171, сн. 23].

По сведениям Г. Н. Потанина, одно из названий Плеяд у осетин было «Нарт-эмбыртæ» – «Собрание нартов». Следует полагать, что в нем представлено несколько искаженное при передаче на русский язык «Нарты æмбырд/Нарты æмбырдтæ». Как отмечал исследователь, по уверению самих осетин, созвездие состоит из замкнутого круга, представляющего пирующих нартов. Звезда в центре – бочонок с вином, несколько звезд внутри круга – разносчики вина [12, 730; 13, 325]. Не исключено, что данное собрание своеобразно зафиксировало древний образ ныхаса или большого дома нартов, в котором хранилась их волшебная чаша и происходили как пиры-куывды (моленья), так и ныхасы.

Ученые справедливо обратили внимание на два варианта нартовских сказаний о старости Уырызмага – его последний поход и попытка его умерщвления на пиру. Их анализ дал надежные основания утверждать о влиянии на образ дома Алæгатæ института «ныхаса», превратившего его в «мужской дом», куда вход женщинам был строго воспрещен [14, 253]. Присутствующий в сказаниях мотив отказа от умерщвления стариков отражает изменения в социальном укладе древних народов [15, 147]. Отмечалось, что

модель общества, которому мог быть характерен обычай умерщвления стариков, близка и в известном смысле параллельна как обществу амазонок, не терпевших мужчин и убивавших младенцев мужского пола, так типологически и раннеаланскому обществу. С другой стороны, здесь может проявляться мифологема, построенная на концепции известного ритуала [16, 137-143].

В данном случае следует обратиться и к другим материалам осетинского Нартовского эпоса. В нем представлен Нартовский большой дом – *Нарты стыр хæдзар* [10, 219; 11, 219], или *Стыр чъырын хæдзар* [17, 225]. Он же известен как иумæйаг *ныхасдон хæдзар* [17, 151] и одновременно *Нарты æмбырддон хæдзар* [17, 152]. Таким образом, общенартовский дом собраний, одновременно выполнял как функции места пиров-куывдов – молений, т. е. святилища, так и функции *ныхаса* [17, 471]. Укажем на упоминавшийся звездный «*Нарты æмбырд/Нарты æмбырдтæ*».

Отмеченное название общенартовского дома *Стыр чъырын хæдзар* прямо соответствует определению дома рода *Борæтæ* – «*дынджыр чъырын хæдзар*» [18, 68] – «большой дом на известковой кладке». Данный дом находится посреди *Нарты*, т. е. занимает сакральный центр, что свидетельствует о выполнении им в данном случае функции общенартовского дома. Интересно, что в другом сказании о попытке убийства *Уырызмага* дом *Борæтæ* называется *Ардамонгæ хæдзар* [11, 90], т. е. домом волшебной нартовской чаши *Ардамонгæ*. Отмечается, что *Æрдамонгæ* почему-то хранилась в подвале [11, 99] *Борæты Æрдамонгæ хæдзар* [11, 98]. Дом *Борæтæ* определяется и как «*Борæты (Борæдзæты) фæндгæнæн хæдзар*» [18, 395, 396] – «Дом советов *Борæтæ* (*Борæдзæтæ*), что может служить синонимом к определению дома как *ныхаса*».

В то же время во дворе дома горел священный огонь – «*стыр (иумæйаг) артдзæст*» [19, 363, 366], который обновлялся в специальные (праздничные) дни [20, 176], что придает месту сакральный смысл. В данном случае особое внимание привлекает к себе сопоставление нартовского дома и осетинского *ныхаса* с «мужскими», «гостевыми» домами *ягнобцев* *тæһтõхõнá* как *дериватами «мужского дома»* горных *таджиков* *Каратегина* и *Дарваза*, ча-

сти равнинных таджиков, в основном Ферганской долины, и таджиков Афганистана. Они тесно связаны с древним культом огня, реминисценцией чего полагают обычай поддержания «неугасимого огня» в зимнее время. В таких домах останавливались гости, происходили собрания мужчин селения, празднества, пиры [21, 23-25; 22, 315-316; 23, 113].

Но обычно волшебная чаша хранится в доме рода Алæгатæ, где и происходят пиры-куывды (моленья) нартов. Обращалось внимание на проведение нартами ежегодного собрания – *афæдзы æмбырд* [18, 376] или ежегодного собрания, почетного моления-куывда – *цыты куывд, афæдзы*

æмбырд [11, 216]. Конкретно событие происходило в доме Алæгатæ, где нартовская молодежь и пыталась составить заговор против Уырызмага [11, 566]. На пирах у Алæгатæ выносилась хранившаяся у них чаша Нартамонгæ [10, 734]. Данные материалы позволили привести скифскую параллель с ежегодными пирами у скифов, на которых давались почетные чаши тем, кто в течение года убил врага [24, 688–690], что указывает на древний характер сохранившегося нартовского сюжета.

Такое соответствие представлено и в другом варианте сказания, в котором Борæтæ собирают куывд в большом доме Алæгатæ – *Алæгаты дынджыр хæжар* [11, 90]. Алæгаты дынджыр хæдзар [10, 237] одновременно представлен и как *Алæгаты дынджыр тæрхондон хæдзар*, или *Алæгаты стыр тæрхондон хæдзар* [10, 238, 239], т. е. большой дом суда рода Алæгатæ. Обращалось внимание на сказание, в котором изготовленный деревянный олень демонстрируется на специально созываемом собрании родом Æлдаратæ [25, 43], что связывается с представлениями о верховной власти и сакральном начале. Исходя из анализа дополнительного материала, справедливо полагается, что *Алæгаты хæдзар* воспринимался как сакральный центр города правителя [26, 266], что соответствует и вышеприведенным наблюдениям о доме рода Борæтæ.

В пользу такого решения говорит и эпизод об исполнении нартами на крыше данного дома симда [25, 624], который раньше

сопровождался и хоровым пением. Данный танец носил особый ритуальный характер и, с космологической точки зрения, воспроизводил акт первотворения, упорядочения космоса, жертвоприношения. Особое значение в таком случае приобретает участие в данном нарттовском эпизоде дочери Солнца (вспомним и о «*стыр артдзæст/уумæйаг артдзæст*» дома рода Борæтæ). В этом же доме проходили гадания на лопаточной кости жертвенного животного [10, 188-189]. В некоторых осетинских и адыгских текстах дом предстает белым, что соотносится с белым цветом жречества, согласно цветовой символике индоиранцев [20, 176]. Возможно, цветовой реминисценцией такого положения являются и указанные выше названия «*Стыр чъырын хæдзар*» и «*дынджыр чъырын хæдзар*». В одном из сказаний в доме (хадзаре) Алагата был «каменный с известью сложенный столб», на который Арахцау, сын Бедзенаг-алдара, повесил свое тяжелейшее оружие [10, 744-745].

Таким образом, дом рода Алæгатæ, в котором хранится волшебная чаша и проводятся пиры-куывды (моления), служит местом суда, что подтверждает приведенное выше решение Ж. Дюмезиля о выполнении им одновременно функций святилища и суда. Как справедливо показал исследователь, прямая параллель осетинскому дому Алæгатæ представлена в черкесском доме Аледжевых, где также проходят пиры и свершаются судебные решения. Именно во втором контексте представлен и обычай умерщвления стариков, что может указывать на ту же процедуру, уже скрытую в осетинском эпосе [5, 180-182]. Показательно, что при таком решении приговоренному старику дают выпить спиртное, что имеет параллель и в осетинском эпосе, указывая на проведение определенного ритуала, вновь актуализируя представления о неких священнодействиях.

Таким образом, мы можем констатировать, что в образе общенарттовского дома, воплощенного в нескольких вариантах, просматриваются функции святилища, ныхаса и суда, которые взаимно сочетаются. Данное положение подтверждает результаты ранее приводившегося анализа генезиса аланских (нарттовских)

ныхасов. Причем, особое внимание привлекалось к изначальной связи объектов с образом женской богини, что, как представляется, сохранило определенные отголоски в осетинском Нартовском эпосе [7, 296-309; 27, 33-39; 28, 62-67].

Некоторые авторы формально разделяют между собой образы домов, в которых происходили общие собрания нартов, что сопровождается и разным отношением к женщинам. Так, для *Нарты амбырддон хадзар* указывается на возможность его посещения Сатаной [29, 218]. Одновременно такой дом сопоставляется со старым домом рода *Ахсæртæггатаæ* [29, 65], а также домами *Алæгатаæ* и *Борæтаæ* [29, 85]. В то же время *Борæты Аердамонгæ хæдзар* представляется отдельно, с допуском запрета его посещения женщинами [29, 70]. Такое формальное разделение допустимо только в условиях отсутствия сравнительного анализа нартовских материалов.

Как мы можем констатировать, образ дома общего собрания нартов проявляет взаимосвязь различных функций. Если Большой нартовский дом единовременно определяется как дом пиров-куывдов – молений, т.е. святилища, и ныхаса, то в варианте с домом *Алæгатаæ* – молений-куывдов, т.е. святилища, и суда. Такое положение может отражать реминисценцию древнего объединяющего состояния святилищ, общих собраний и судов. С таких позиций показательным является приводившееся выше наблюдение за устаревшим фольклорным кабардинским «хасэ» – «совет», совещание», заимствованным из осетинского, и производным от него старинным кабардинским названием судилища и места суда – хасапе (совр. хасапэ) [6, 71, 154-155].

Дом рода *Борæтаæ* также называется «*дынджыр астфисынон хæдзар*» – «дом с восемью (внешними) углами» [11, 491], что сопоставляется с фольклорным обозначением необычного жилища «*астфисынон цыппаркъуымон хæдзар*» – «дом с восемью (внешними) и четырьмя (внутренними) углами». Отдельными исследователями предлагались исторические объяснения такой формы [30, 18-21; 31, 29-30]. Но представляется необходимым воздер-

жаться от их привлечения в связи с отсутствием должных оснований в таких объяснениях.

То же касается описания дома нартов как «астфисынон, цыппаркѳуымон» [32, 252], что также привлекло к себе определенные трактовки [33, 201-202]. К тому же данное сказание представляет собой непаспортизированный, сводный текст, который не подтверждается современным академическим изданием. Представлены и иные наблюдения по поводу осетинского выражения «астфисынон цыппаркѳуымон хѳедзар». Его связывают с планировкой «аланских храмов огня» по схеме квадрат в квадрате, посреди которого расположен алтарь огня. Предполагается продолжение в таких храмах общеиранской традиции с непосредственным возведением к андроновской строительно-архитектурной традиции [34, 250-254]. Но вопросы с определением конкретных объектов как «аланских храмов» и древних генетических связей домостроительной традиции не представляются достаточно обоснованными. Конечно, они нуждаются в своем дальнейшем исследовании, как минимум, с точки зрения определения единичной характеристики дома Борѳетѳе «астфисынон хѳедзар» с позиции материального и сакрального начал.

Нам остается только еще раз обратиться к «женской теме». В сказаниях, с которыми связан мотив убийства стариков, спасение к Уырызмагу формально приходит за счет проявленной им смекалки и помощи со стороны молодых нартов. Однако за всеми этими действиями все же стоит образ главной героини Нартовского эпоса – Сатаны. Именно она в первом случае (последний поход Уырызмага) расшифровывает послание своего мужа, что и позволяет вмешаться в события нартам. Во втором случае (попытка убийства Уырызмага на пиру) именно Сатана изначально подсказывает мужу, как продержаться живым, а потом непосредственно организует ему спасение, призвав на помощь нартов.

Если мы обратимся к сказанию о строительстве общенартовского дома, то одним из замечаний Сырдона оказывается отсутствие в его восточном углу женщины, почему нарты срочно

приводят в строящийся дом женщину и одевают ее в свадебный наряд [17, 152], хотя никакая свадьба не играется. Таким образом, женский образ изначально представлен в общенартовском доме, возможно, служа уже не осознававшейся реминисценцией связи древних святилищ с общими собраниями и судами, в которых некогда особая роль отводилась образу женского божества. Показательно, что в справедливо привлекавшемся к сопоставлению [33, 346; 35, 200] сказании о том, как общий дом строили небожители (изæдтæ) ежом, образ которого может иметь древнеиранские корни [35, 197-209], указывается Майран [36, 237, 474], т. е. богиня, чье имя подверглось позднейшей христианизации. Если исходить из обоснованной при этом концепции воплощения в браке людей древнего брака богов, при котором невеста, обычно пользующаяся особым покровительством женского божества, выступает в ипостаси богини (у осетин именно Майран покровительствует невесте и брачному ритуалу), то такое совмещение образов представляется более чем показательным.

Образ строящегося общенартовского дома также прямо сопоставим с образом дома из песен осетин-дигорцев – «Басилтæ» и «Песни стурдигорских пастухов» [37, 49-50, 120-121; 36, 64-65, 220-221]. В них представлен и образ спускающейся с неба цепи, под которой разводится огонь из оленьих рогов. Соединяющая небо и землю цепь, несомненно, является вариантом *axis mundi*, охваченным силой сакрального огня. Остается только вспомнить упоминавшиеся выше образ оленя на собрании *Æлдаратæ* как символа верховной власти и сакрального начала, и образ горевшего во дворе нартовского дома священного огня – «*стыр (умæйаг) артдæст*».

В целом, олень издавна представлялся как солнечное животное, чьи рога непосредственно ассоциировались с огненно-солнечной стихией [38, 126-150]. Образ небесной цепи, спущенной на землю, в дигорских представлениях связан с небожителем-кузнецом Курдалæгон, который одновременно отождествляется с покровителем домашней цепи Сафа. Эту цепь он выковал в небесной кузне, расположенной в доме самого Бога. Она и разве-

денный под ней огонь объединили людей и служили проводником их молитв на небо [39, 396]. Таким образом, небесный и земной дома оказываются прочно соединены единым сакральным пространством.

1. Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. 422 с.
2. Нартхэр. Адыгэ эпос. Мыекъуапэ, 1970. Т. V. 336 с.
3. Нартхэр. Адыгэ эпос. Мыекъуапэ, 1971. Т. VII. 427 с.
4. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998. 312 с.
5. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 276 с.
6. Гаглойти Ю.С. Нарты и аланы. Цхинвал: Республика, 2017. 464 с.
7. Скаков А.Ю. «Нартовские ныхасы» на Кавказе // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. М., 2006. С. 282-312.
8. Инал-Ипа Ш.Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 215-225.
9. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
10. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2004. Ч. 2. 896 ф.
11. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2005. Ч. 3. 712 ф.
12. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического общества. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1883. Вып. IV. Материалы этнографические, с 26-ю таблицами рисунков. [XV]+1026 с.+XXVI таб.
13. Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие 1884–1886. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1893. Т. II. XII+437+XIV с.

14. Дзиццойты Ю.А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал: Республика, 2017. Т. I. 464 с.
15. Рахно К.Ю. Сюжет об убиении стариков в осетинском фольклоре: историческая подоплека и эпические параллели // «Нарты» и другие устные традиции. Сухум, 2020. С. 132-151.
16. Карпов Ю.Ю. Джигит волк. Мужские союзы в социокультурной традиции народов Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 309 с.
17. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфифон куыстуат, 2007. Ч. 4. 548 ф.
18. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2003. Ч. 1. 592 ф.
19. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2011. Ч. 6. 544 ф.
20. Дзиццойты Ю.А. Страна нартов [Нарт, Нарты бæстæ, Нарты зæхх, Нарты стыр зæхх] // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Владикавказ, 2023. Т. 3. С. 176-177.
21. Кондауров А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев // Труды института этнографии Академии наук СССР. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1940. Т. III. Вып. 1. Серия этнографическая. 80 с.
22. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Издание МГУ, 1948. 87 с.
23. Рахно К.Ю. Ардамонга [Ардамонгæ, Ёрдамонгæ, Ардамонгæ хæдзар, Ёрдамонгæ хæдзар] // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Владикавказ, 2022. Т. 1. С. 112-113.
24. Гаглойти Ю.С. Избранные труды. Цхинвал: Полиграфическое производственное объединение РЮО, 2010. 814 с.
25. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2010. Ч. 5. 766 ф.
26. Дзиццойты Ю.А. В поисках столицы Алании // NARTAMONGÆ. Владикавказ–Париж, 2022. Т. XVII. № 1, 2. С. 243-289.
27. Туаллагов А.А., Туаллагова О.А. Народное собрание осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Владикавказ, 2022. Вып. 30. С. 33-41.
28. Туаллагов А.А., Туаллагова О.А. Народное собрание осетин (II) // Kavkaz-Forum. Владикавказ, 2023. Вып. 14 (21). С. 62-72.

29. Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 753 с.
30. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин (традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). Цхинвали: Ирыстон, 1985. 288 с.
31. Чочиев А.Р., Наглер А.О. Нартиада – дописьменная история цивилизации (8-е тыс. до н. э. – 1-е тыс. н. э.). Цхинвал: Дом печати РЮО, 2017. 712 с.
32. Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 1995. 344 ф.
33. Газданова В.С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. 438 с.
34. Дзиццойты Ю.А. Опыт историко-культурологического анализа преданий о Хетаге // NARTAMONGÆ. Владикавказ–Париж, 2020. Т. XV. № 1, 2. С. 222–265.
35. Рахно К.Ю. Ёж в сказках и нартовском эпосе осетин: древнеиранские истоки образа // Археология, этнография и языки Кавказа. СПб., 2022. Вып. 3 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 22). С. 197-212.
36. Памятники народного творчества осетин: Сказки о животных. Владикавказ: Алания, 1998. 526 с.
37. Дигорские сказания по записям дигорцев И.Т. Собиева, К.С. Гарданова и С.А. Туккаева с переводом и примечаниями Всев. Миллера // Труды по Востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных Языков. М.: Типография Варвары Гацук, 1902. Вып. XI. V+145 с.
38. Туаллагов А.А. Зооморфный символ ясов // NARTAMONGÆ. Владикавказ–Париж, 2023. Т. XVIII. С. 126-170.
39. Гарданты М. Уадзимистæ. Дзæуæгигъæу, 2007. 415 ф.

С. Т. Мециев,
студент СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ОБЫЧАЙ УМЫКАНИЯ ДЕВИЦ В ОСЕТИНСКОМ ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Данная статья посвящена изучению практики умыкания невест как формы заключения брака у осетин как дореволюционных, так и современных. Рассмотрено негативное влияние исследуемой практики на традиционное осетинское общество и негативное отношение к ней в обществе. В результате исследования записок путешественников, этнографических материалов, повестей, очерков, научных трудов ученых-кавказоведов доказывается тезис о неканоничности практики умыкания девушек у осетин и несоответствии данной практики правилам осетинского обычного права и норм осетинского «æгъдау». Выявляются некоторые особенности традиционной осетинской свадьбы: сватовство, уплата калыма и пр.

Ключевые слова: æгъдау, обычное право, умыкание невест, традиционная свадьба, сватовство, калым, осетинские обычаи.

This article is devoted to the study of the practice of Bride Abduction as a form of marriage among Ossetians, both pre-revolutionary and modern. The negative impact of the practice under study on traditional Ossetian society and negative attitudes towards it in society are considered. The study of travellers' reports, ethnographic materials, novels, essays and scientific works of Caucasian scholars proves the thesis that the practice of abduction of girls by Ossetians is non-canonical and does not comply with the rules of Ossetian customary law and norms of Ossetian "æğdaw". Some features of a traditional Ossetian wedding are revealed: matchmaking, payment of Kalym, etc.

Keywords: æğdaw, customary law, Bride Abduction, traditional wedding, matchmaking, Kalym, Ossetian customs.

В дореволюционном осетинском обществе сложился мощный институт обычного права, посредством которого жизнь осетинского горца была строго регламентирована путем соблюдения общепринятых неписаных законов – адатов. Эти законы регули-

ровали все сферы жизни традиционного осетинского общества. Соблюдение обычных норм, прочно укоренившихся во внутреннем сознании осетин, имело огромное влияние на повседневное поведение горцев, способствовало формированию индивидуального для осетинского этноса кодекса осетинской чести и национальной идентичности.

Сам по себе *обычай* как социальная норма, т. е. *æгъдау*, играет в жизни осетин важную роль, является главным регулятором поведения. В словаре этнографии и мифологии осетин приводится следующее определение термина *обычай* («*æгъдау*») в осетиноведении: «Обычай, социальная норма – установленное традицией обязательное правило стереотипного поведения индивида или всего этноса в конкретной жизненной ситуации» [1, 22].

В монографии А.Х. Хадиковой представлено следующее определение этому понятию: ««*Æгъдау*» – это программы поведения, отточенные в столетиях. Они упорядочивают и гармонизируют общение между коммуникантами разного статуса (социального, родственного и т.д.) в семье и обществе, с другими этносами и даже с Высшими силами. Подобные программы выверены многовековой практикой и подтверждены ситуациями, характерными для традиционного жизнеустройства» [2, 28]. Следует отметить, что автор связывает понятие «*æгъдау*» с гораздо более широким и важным понятием «*ирондзинад*», которое можно трактовать «как своеобразный накопительный объект духовных ценностей народа, как стихийное отражение всех пройденных им дорог» [2, 26]. Таким образом «*æгъдау*», наравне с «*лæгдзинад*» является одной из важнейших институций «*ирондзинад*». Автором подчеркивается, что важно и то, что следование «*æгъдау*» осуществлялось как за счет страха перед различными директивными мерами (порицание со стороны окружающих, страх перед изгнанием из общины и др.), но и «представлениями о личной ответственности, о чести, достоинстве и стыде» [2, 29].

По этому же поводу авторы словаря по этнографии и мифологии осетин также утверждают, что соблюдение *æгъдау* «обеспечивается как внутренними убеждениями индивида, так еще более

принуждением со стороны всего общества (в противном случае индивид может быть подвергнут осуждению или даже бойкоту со стороны, например, сельской общины у осетин.)» [1, 22-23].

Несмотря на то, что отступление от норм обычного права порицалось и часто влекло за собой серьезные наказания и различные санкции со стороны общества, известно немало случаев нарушения законов обычного права. Причина этих отступлений – определенные обстоятельства, вынуждавшие человека идти против имевшихся социальных уложений.

Одним из наиболее распространенных в традиционном осетинском обществе нарушений было умыкание невест. Источниками по данной теме служат различные этнографические материалы, очерки, записки путешественников, посещавших Северный Кавказ, проживавших на его территории и оставивших полезные описания своих странствий, и пр.

Вопреки бытовавшему стереотипному мнению, умыкание не есть основная форма заключения брака у осетин, как дореволюционных, так и современных. Более того, умыкание является серьезным отступлением от обычного права и норм осетинского «æгъдау». Цель статьи – поиск и анализ этнографического материала, подтверждающего несоответствие данного тезиса нормам осетинской этики.

У осетин, в отличие от других народов, не были приняты добрачные ухаживания. Интересная мысль, подтверждающая данный тезис, сформулирована И. Д. Кануковым: «За европейками ухаживают мужчины, у персиян женщины ухаживают за мужчинами, у горцев же ни та, ни другая сторона не ухаживает за другою, ибо при малейшем поводе может разыгаться драма» [3, 292]. И действительно, любое ухаживание либо проявление чувств к девушке было чревато большими неприятностями, порой могло доходить до кровной вражды. Таким образом, единственным местом, где могли хоть как-то взаимодействовать юноши и девушки, присматриваться друг к другу, был «хъазт» (танцы). Причем девушек всегда сопровождали мужчины фамилии, чтобы в случае

возникновения конфликтной ситуации непременно постоять за честь семьи и фамилии. Более того, даже по прошествии свадьбы не было принято проявление каких-либо чувств ни со стороны мужчин, ни со стороны женщин. Это проявлялось даже в повседневном обращении супругов друг к другу, и в том, как они называли друг друга: «Жена не называет своего мужа по имени. Она говорит: «*наг лэгг*» (наш муж, наш человек)», также и муж, обращаясь к супруге говорит: «Наше семейство, поди сюда»».

Итак, ввиду строгого табу на какие-либо ухаживания, они заменялись непосредственно сватовством (*мингвар цэуын*). Это было первым посещением стороной жениха дома невесты. Во время этого посещения почтенные родственники жениха, которые выступали в роли посредников, изъявляли о желании породниться с этой семьей. Давать согласие на женитьбу с первого раза было непринято, поэтому количество визитов варьировалось в среднем от трех до пяти. Когда родственники жениха получали согласие от родственников девушки (в знак этого на стол ставили три пирога), «гости не соглашались на совместную трапезу до тех пор, пока не будет решен вопрос о калыме» [4, 45]. Калым (*иржэд*) считался платой за невесту ее родителям, и размер его варьировался в зависимости от сословия. Кроме того, в день, когда послы получали согласие на женитьбу, старший гость со стороны жениха оставлял в доме невесты своего рода залог – *мысайнаг* (сумму определенного размера). После сватовства, во время посещения женихом дома невесты – *сиахсы цыд*, жених, помимо калыма размер которого был обговорен заранее и не в счет него, дарил *фаты бэж / мады бэж* матери невесты [4, 47-48]. Безусловно, все это тяжелым материальным бременем ложилось на семью жениха.

В нашей работе выделены две основные причины умыкания девушек. Первая причина – материальная, связанная с тяжестью материальных расходов, непосильных для семьи жениха. Вторая – несогласие родственников невесты выдать девушку за молодого человека по различным причинам, как материальным, так и иным.

Материальная причина, т. е. неспособность семьи жениха выплатить *ирæд* и справиться с остальными расходами, связанными со сватовством, и являлась основным фактором, способствующим отходу от законов осетинского обычного права и норм *æгъдау*. Под материальными благами в данном контексте понимаются не только лишь деньги, но и скот, бытовые изделия из ценных материалов, оружие и пр. И. Кануков дает следующее определение этому понятию: «Калым – плата за жену, доходящая от 200 до 600 и даже больше рублей. Мерилом ценности калыма служат деньги, но калым уплачивается не чистыми деньгами, так как такие суммы у наших горцев не водятся, а скотом, лошадьми, баранами, даже посудой. ...» [3, 277]. Об этом же пишет В. Б. Пфаф: «Каждый из молодых людей, задумавши жениться, платит сам он или родители его отцу невесты калым, наличными деньгами или, вместо оных, оружием, разными ценными вещами и скотом» [7, 312]. На самом же деле размер калыма сильно варьировался в зависимости от ущелья и от сословий брачующихся.

Известны случаи, когда следствием уплаты калыма становилось практически полное разорение семьи жениха. Материал, описывающий тяжесть уплаты калыма, представлен И. Кануковым в очерке «Из осетинской жизни». В нем описывается разорение хозяйства осетина Гиссо Губиева, решившего женить своего сына на девушке из гораздо более знатной и богатой фамилии Бигуловых. Размер калыма составил 200 рублей, без учета угощений, свадебного пира и прочих расходов (лошадь была оценена в 25 рублей, корова в 15 рублей, медный котел в 15 рублей, винтовка в 10 рублей, и т. д.). Дошло до того, что спустя два года Гиссо едва хватило средств на осенние поминки для сына, после которых его хозяйство практически полностью разорилось [3, 87-95].

Именно с размерами калыма, а именно с его увеличением связывает распространение практики умыкания у осетин З. В. Канукова в статье «Семья». Автор обращает внимание на то, что «в отличие от соседних народов, умыкание никогда не было формой заключения брака, оно вызывало негодование общества и влекло за собой кровомщение. Приветствовался традиционный

тип брака»; но «распространившееся в пореформенное время похищение невест совершалось, зачастую, по согласию сторон» [9, 330]. Действительно, и в современном осетинском обществе имеет место быть подобная форма заключения брака, когда умыкание совершается с согласия сторон, заведомо обговаривается и планируется. Вероятнее всего, практика эта получила распространение среди современных осетин по причине стремления снизить количество расходов, связанных со сватовством.

Важные сведения об умыкании девиц содержатся и в работе Г. Ф. Чурсина «Осетины: Этнографический очерк». В ней он в качестве одной из основных причин умыкания называет как раз «невозможность уплатить огромный калым», он также обращает внимание на то, что похищение невесты «в прежние времена практиковалось довольно часто» (к вопросу о том, как часто умыкание у осетин имело место быть). Ученый описывает некоторые составляющие части этой практики: «Молодой человек собирал партию в 50-60 вооруженных всадников и с ними организовывал похищение». Кроме того, что умыкание являлось отступлением от норм осетинского *æгъдау*, оно могло зачастую приводить к крайне печальным последствиям, серьезным столкновениям с ранеными и даже убитыми. Подобные стычки происходили, как правило, между похитителями и отправленной за девушкой ее близкими погоней, либо же если у девушки имелся другой претендент, который мог организовать засаду [6, 215].

Подтверждение тезиса о неканоничности обычая умыкания у осетин, можно найти в VIII главе «Народного права осетин» В. Пфафа. В ней утверждается, что «по новоосетинскому обычному праву похищение девиц стоит наряду с прелюбодеянием и наказывается произвольным денежным штрафом (от 25-80 р.) в общинную кассу»; что «похищение девиц прежде встречалось очень часто, для избежания уплаты калыма. Затем на подобное похищение смотрели, как на воровство...» Все это только подтверждает тот факт, что умыкание девиц было обусловлено в основном неспособностью жениха справиться с тяжестью уплаты калыма, и, безусловно, умыкание не являлось традиционной нормой осетин-

ского общества, а наоборот, расценивалось как отклонение, а позже и как преступление с наложением ответственности и строго осуждалось членами общины [7, 276].

Еще одно подтверждение того же тезиса обнаружено в труде М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон», в котором автор, ссылаясь на труды Леонтовича, обращает внимание на то, что «в официальных сборниках осетинских адатов нередко можно встретить заявления о том, что кража невест или никогда не была известна, или совершенно вышла из употребления» [8, 248-249]. Конечно, к реальности эти сведения имеют далеко не самое прямое отношение, но тем не менее, очень важно то, что преподносится умыкание как обычай, чуждый осетинскому народу и его культуре. Сам М. Ковалевский по поводу не совсем полной достоверности этих данных пишет: «Насколько достоверны все эти показания, ..., можно судить из того, что к умычке осетины обращаются сплошь и рядом и в настоящее время, но лишь как к крайнему средству, в случае отказа родственников выполнить заключенный ими же самими брачный договор;...» [8, 249]. Из этого вытекает вторая распространенная причина обращения к практике умыкания невест у осетин: несогласие родителей на брак. Причины такого характера, наряду с материальными, подробно описывает Б. М. Каргиев в работе «Ирон æгъдæуттæ» «Осетинские обычаи и обряды». Всего причин автор выделяет четыре, следует рассмотреть каждую из них:

1. Ситуация, когда родственники невесты не выдавали девушку за молодого человека, ссылаясь на неравное происхождение и материальное состояние (*не 'мсæр нæ дæ, зæгъгæ*). Родственники не говорили прямо о причине отказа и ссылались на различные причины, если же молодой человек продолжал настаивать и просил сообщить истинную причину отказа, причина озвучивалась. Для молодого человека это считалось сильным оскорблением со стороны семьи невесты, и тогда он решался на похищение девушки.

2. Ситуация, когда молодые люди посватались к девушке, но семья девушки, несмотря на то, что понимала, что фамилия же-

ниха не хуже их фамилии, да и сам жених хороший, порядочный человек (*æгъдауджын*), все же не давала согласия на женитьбу, зная, что ввиду своей материальной бедности жених не сможет в скором времени выплатить *ирæд*. Понятно, что прямо причину не называли, это считалось верхом бестактности, но жених часто догадывался о причине отказа, и это, конечно, не могло не задеть его гордость. Тогда молодой человек затевал похищение девушки.

3. Еще одна ситуация, когда молодые люди симпатизировали друг другу, и знали об этом. Когда же предпринималась попытка сватовства, родственники по различным причинам не давали согласия. Тогда молодой человек тайно сговаривался с девушкой, и организовывалось похищение.

4. И, наконец, ситуация, когда два либо более молодых людей сватались к одной девушке. Переживания о том, что девушку могут отдать конкуренту, толкали одного или нескольких из них на похищение девушки.

Но бывают и такие умыкания, отмечает автор, когда молодой человек даже не отправлял сватов и толком не был знаком с девушкой. Он мог просто увидеть ее на *хъазте*, она ему нравилась, и он задумывал организовать похищение этой девушки [4, 85-86].

Еще одним подтверждением того, что умыкание не являлось господствующей формой заключения брака и вовсе не соответствовало нормам осетинского *æгъдау*, можно считать и то, что некоторые этнографические источники, подробно рассматривающие свадебную обрядность осетин, упоминают о практике умыкания как о серьезном преступлении, приравниваемом порой к прелюбодеянию. Так, например, подробно описавший свадьбу осетин в VIII главе своих «Заметок о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между черным и каспийскими морями» (Ч. 2. 78-132 с.) барон Август фон Гакстгаузен упоминает умыкание не как существовавшую, и тем более господствовавшую, форму заключения брака, а как серьезное преступление. Что важно, упоминание это происходит не в контексте рассмотрения свадебной обрядности осетин, а в контексте рас-

смотрения размеров кровной платы, подчеркивая этим преступность данного действия [10, 128-129].

В контексте изучения свадебной обрядности крайне интересна статья Джантемира Шанаева «Свадьба у северных осетин». По поводу несогласия родителей на брак Шанаев пишет: «Лет тридцать или двадцать тому назад (а статья написана 7 октября 1869 года), случались примеры, что родители девушки, после изъявленного ими согласия, решительно отказывались выдавать дочерей за настоящих женихов их». Происходило это у разных сословий по-разному, и последствия в зависимости от этого тоже были разными. Если такое происходило, скажем, с *кавдасардом* или *фарсагом*, то при учете возвращения калыма и 50 рублей штрафа жених отказывался от всяческих притязаний на руку девушки. Если же подобное происходило с представителем знатной фамилии, им не допускалось отказываться от невесты и брать выкуп обратно, так как это считалось для него крайне постыдным поступком, после которого его статус в обществе и авторитет были бы поправлены. Шанаев утверждает, что после такого постыдства молодого человека повсюду будут укорять: «Что ты за мужчина, если у тебя отняли невесту твою! Если бы ты оказался мужчиной, ты не позволил бы этого!». Поэтому, даже в случае получения отказа, жених всячески старался завладеть невестой, чаще всего, посредством похищения. При этом, пишет автор, он старался как можно скорее «обратить ее в жену, во избежание дурных, чаще всего кровавых результатов этого отказа». В случае же опережения жениха его соперником, он считался оскорбленным вдвойне: и со стороны родителей невесты, и со стороны опередившего его соперника. После такого оскорбления молодой человек считал своим долгом смыть с себя позор кровью, после чего сам становился кровником фамилий убитых [11, 12]. Таким образом, разворачивалась кровная вражда, которая могла длиться годами (к вопросу о том, что умыкание нередко становилось причиной кровной вражды).

Относительно современный взгляд на распространение практики умыкания среди современной осетинской молодежи дал К. И. Гостиев в своей работе «Семейно-бытовые обряды осетин

и пути их дальнейшего развития», в которой он отмечает сохранившиеся среди осетин и сегодня значительные материальные затраты на организацию традиционной свадьбы. Эту же причину он связывает с появлением большого количества неженатых мужчин возрастом около 40-50 лет, а также незамужних женщин. Гостиев связывает распространение практики умыкания в современном осетинском обществе с той же материальной причиной, отмеченной нами выше, а именно с неспособностью выполнить *кусæрттаг* (жертвенное животное передаваемой семьей жениха в дом невесты), преподнести необходимые подарки как родственникам невесты, так и родственникам жениха и многое другое, порой для этого семья влезает в серьезные долги. Автор считает все эти огромные затраты нецелесообразными и изжившими себя, но тем не менее отмечает важность сохранения исконной формы заключения брака у осетин с сохранением традиционных обычаев, с внесением в них разумных новаторств, отвечающих запросам нового времени [12, 8]. В своей другой работе «Народные традиции и обычаи осетин. Пути их совершенствования» автор ссылается на слова ветерана войны Ахполата Карсанова, сказанные на научно-практической конференции в 1986 году: «Браки, заключаемые при соблюдении лучших народных обычаев и с участием авторитетных и заслуженных родственников, друзей, соседей, как правило, более прочны, стабильны, без разводов. Браки же, заключаемые путем инсценировки похищения, как правило, заканчиваются разводом» [13, 64].

Таким образом, собрав и изучив различный этнографический материал, важные мнения, изложенные в трудах ученых-осетинистов и других материалов, мы рассмотрели основные причины распространения практики умыкания и пришли к подтверждению сформулированного в начале работы тезиса о том, что умыкание девиц в традиционном осетинском обществе, как до-революционном, так и современном, хотя и имело место быть, но вовсе не являлось не только господствующей, но и в принципе традиционной для осетинского этноса формой заключения брака. Выявлено как негативное отношение к умыканию, так и нега-

тивное влияние этой практики как на дореволюционное, так и на современное осетинское общество.

1. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х. В., Караев С, М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. – 284 с.
2. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 441 с.
3. Кануков И.Д. В осетинском ауле: Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир, 1985. 475 с.
4. Каргиев Б.М. Ирон æгъдæуттæ. Осетинские обычаи и обряды. Владикавказ, 1991. 161 с.
5. Газданова В.С. Традиционная осетинская свадьба: миф, ритуалы, и символы. Владикавказ: Иристон, 2003. –152 с., ил.
6. Чурсин Г.Ф. Осетины: Этнографический очерк / Труды ЗНА. Тифлис, 1925. 132-227 с.
7. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т. 2, 258-325 с.
8. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. Т. 1, 341 с.
9. Канукова З.В. Семья // Осетины /отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л. А. Чибиров; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; СОИГСИ им. В.И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО – Алания. М.: Наука, 2012. 323-332 с.
10. Гакстгаузен Б. А. фон. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями: в 2-х ч. СПб., 1857. Ч. 2. 215 с.
11. Шанаев Дж.Т. Свадьба у северных осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. Тифлис, 1870. 1-30 с.
12. Гостиев К.И. Семейно-бытовые обряды осетин и пути их дальнейшего развития. Владикавказ, 2003. 41 с.
13. Гостиев К.И. Народные традиции и обычаи осетин. Пути их совершенствования. 2-е изд., доп. и перераб. Владикавказ: Издательство ФГОУ ВПО «Горский госагроуниверситет», 2010. 160 с.

III. ФИЛОЛОГИЯ

С.-Х. С.-Э. Ирезиев,

кандидат филологических наук, доцент,
ЧГУ им. А.А. Кадырова
(г. Грозный)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СПРЯЖЕНИЙ ГЛАГОЛОВ В ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ И ДИСКУССИИ

В статье рассматриваются проблемы определения спряжений глаголов в чеченском языке, анализируются существующие подходы и мнения авторитетных исследователей, таких, как Н. Ф. Яковлев, З. Д. Джамалханов, М. Ю. Мачигов и И. Г. Арсаханов. Автор отмечает значительные расхождения в классификации спряжений, что приводит к путанице в учебных материалах.

Основное внимание уделяется системе Н.Ф. Яковлева, который выделяет пять спряжений на основе чередования гласных в корне; анализируются также классификации других ученых, включая семи спряженческий подход И. Г. Арсаханова и двухспраженческий – А. Д. Тимаева, который упрощает понимание и обучение спряжениям. Рассматриваются недостатки существующих систем и необходимость их адаптации в образовательных ресурсах.

Статья нацелена на углубление научного понимания системы спряжений в чеченском языке и разработку более эффективных методов преподавания, что имеет важное значение как для студентов, так и для преподавателей.

Ключевые слова: чеченский язык, глагол, спряжение, форма, инфинитив, гласный, аффикс.

The article discusses the problems of determining verb conjugations in the Chechen language, analyzes existing approaches and opinions of authoritative researchers such as N. F. Yakovlev, Z. D. Dzhamalkhanov, M. Yu. Machigov and I.G. Arsakhanov.

The author notes significant discrepancies in the classification of conjugations, which leads to confusion in educational materials. The main

attention is paid to Yakovlev's system, which identifies five conjugations based on the alternation of vowels in the root.

The classifications of other scientists are also analyzed, including seven-I.G. Arsakhanov and the double conjugation approach of A. D. Timaev, which simplifies the understanding and learning of conjugations. The shortcomings of existing systems and the need for their adaptation in educational resources are considered.

In conclusion, the author emphasizes the importance of further research in this area, which is aimed at improving the teaching of the Chechen language and increasing its accessibility for students of all levels. The article aims at deepening the scientific understanding of the conjugation system in the Chechen language and developing more effective teaching methods, which is important for both students and teachers.

Keywords: Chechen language, verb, conjugation, form, infinitive, vowel, affix.

Определение спряжений глаголов в чеченском языке является важной и актуальной темой, обсуждаемой в работах многих ученых, таких, как Н. Ф. Яковлев, З. Д. Джамалханов, М. Ю. Мачигов, И. Г. Арсаханов и А. Д. Тимаев. Несмотря на значительные достижения в этой области, мнения исследователей по вопросам классификации и определения спряжений существенно различаются. Это многообразие подходов порождает путаницу и в научных исследованиях, и в образовательных материалах, что затрудняет процесс обучения чеченскому глаголу.

В данной статье мы стремимся рассмотреть существующие подходы к определению спряжений глаголов, выделяя ключевые проблемы и недостатки в существующих системах. Основное внимание будет уделено классификации, предложенной Н.Ф. Яковлевым, который выделяет пять спряжений, основанных на чередовании гласных в корне [1]. Также будут рассмотрены альтернативные подходы других исследователей, в частности А. Д. Тимаева [2], предлагающего упрощенную классификацию, что может быть более удобно при изучении глаголов чеченского языка.

Критически оценивая существующие системы, мы подчеркиваем необходимость адаптации учебных материалов, что позво-

лит улучшить качество преподавания чеченского спряжения и сделать его более доступным для учащихся разных уровней. В заключение акцентируем внимание на важности дальнейших исследований в данной области, чтобы обеспечить более глубокое понимание системы спряжений и разработать эффективные методы обучения.

Основными источниками для изысканий являются работы вышеупомянутых ученых, которые систематизируют и классифицируют глагольные спряжения. Исследования включают примеры глаголов для каждой категории спряжений, что позволяет наглядно проиллюстрировать проблемы и различия в классификациях.

Методологический подход включает сравнительный анализ различных систем классификации спряжений, что позволяет выявить основные расхождения и недостатки существующих подходов.

Вопросы, связанные с определением спряжений глаголов в чеченском языке, более углублённо рассматриваются столь известными исследователями, как Н. Ф. Яковлев, И. Г. Арсаханов, А. Д. Тимаев и др. Однако при изучении данной проблемы их мнения существенно расходятся, что связано с различиями в подходах к классификации спряжений глаголов. В связи с этим целью нашей работы является не только анализ существующих научных взглядов на проблему спряжений в чеченском языке, но и представление нашего собственного подхода к этому вопросу.

Н. Ф. Яковлев классифицирует глаголы на пять спряжений, опираясь на различные типы чередования корневого гласного в их формах. Он пишет: «В соответствии с различными типами чередования корневого гласного в глаголе, в чеченском языке устанавливаются пять спряжений, по которым изменяются все правильные глаголы» [1, 167].

Н. Ф. Яковлев к первому спряжению относит те глаголы чеченского языка, которые в основной форме – в повелительном наклонении или в неопределённой форме – имеют в корне гласный звук «а», долгий или краткий. Например, сюда относится глагол

āra^h «молотить», в корне которого находится долгий гласный «ā», и глагол *таса*^h «бросать», где корневой гласный «а» краткий [1].

Н. Ф. Яковлев также отмечает, что ко второму спряжению относятся чеченские глаголы, которые в основной форме имеют в корне дифтонг «иэ». Независимо от того, является ли этот дифтонг долгим в открытом слоге или кратким в закрытом, они относятся к этой категории. Например, глагол *хьйэкъа*^h «уродиться» имеет долгий дифтонг «йэ» в открытом слоге, а глагол *верза*^h «возвратиться, выздороветь» – краткий дифтонг в корне, находящийся в закрытом слоге [1, 165].

Третье спряжение, по классификации Яковлева, включает глаголы, у которых в основной форме корневой гласный – «и», долгий или краткий. Примером могут служить глаголы *дйца*^h «рассказать» и *дига*^h «вести», где в корне присутствует краткий или долгий звук «и» [1, 167-169].

К четвёртому спряжению, по классификации Н. Ф. Яковлева, относятся глаголы, у которых в корне основной формы присутствует дифтонг «уо». Примерами таких глаголов являются *туоха*^h «ударить» и *дуохка*^h «сыпать» [1, 167-169].

Пятое спряжение включает глаголы, у которых в основной форме корня находится долгий или краткий звук «у». Например, глаголы *дўла*^h «натягивать» и *дуза*^h «наполнить» относятся к этой категории [1, 167-169].

Кроме того, Н. Ф. Яковлев включил в категорию неправильно-го спряжения глаголы, у которых в процессе образования форм настоящего времени происходит либо палатализация гласных, либо сохранение их неизменной формы. В качестве примера ученый приводит следующие глаголы: *дāха*^h – *дēха*, *лāла*^h – *лēла*, *дата*^h – *дета*, *цййза*^h – *цййза* и др. [1, 170].

Таким образом, Н. Ф. Яковлев выделяет пять спряжений глаголов на основе чередования гласных звуков в корне.

З. Д. Джамалханов и М. Ю. Мачигов, опираясь на подходы Н. Ф. Яковлева, также выделяют в чеченском языке пять типов спряжений глаголов. Данная классификация опирается на изменениях гласных в форме настоящего времени.

Типы спряжений, по принципу З.Д. Дамалханова, М.Ю. Мачигова:

Первое спряжение:

инфинитив	настоящее время
<i>хьаста^н</i> «приласкать»	<i>хьост-у</i>
<i>хьажа^н</i> «посмотреть»	<i>хьожу</i>
<i>lala^н</i> «накопиться»	<i>laɣla</i>
<i>тарса^н</i> «заржать»	<i>терса</i> [3, 216].

Второе спряжение:

инфинитив	настоящее время
<i>диѣша^н</i> «читать»	<i>дѣшу</i>
<i>виерза^н</i> «повернуться»	<i>воьрзу</i>
<i>диелла^н</i> «раскрыть»	<i>дуоьлл-у</i> [3, 217].

Третье спряжение:

инфинитив	настоящее время
<i>дйца^н</i> «рассказать»	<i>дйцу</i>
<i>тилла^н</i> «надеть»	<i>туьллу</i>
<i>1илла^н</i> «полежать»	<i>1уьллу</i> [3, 217].

Четвертое спряжение:

инфинитив	настоящее время
<i>туѣха^н</i> «ударить»	<i>тѣху</i>
<i>дуохка^н</i> «продать»	<i>духку</i>
<i>дуожа^н</i> «упасть»	<i>дуж-у</i> [3, 217].

Пятое спряжение

инфинитив	настоящее время
<i>дуста^н</i> «измерить»	<i>дусту</i>
<i>туса^н</i> «отбить»	<i>тусу</i>
<i>дукъа^н</i> «заткнуть»	<i>дукъу</i> [3, 218].

Как мы видим, Н. Ф. Яковлев, а также З. Д. Джамалханов и М. Ю. Мачигов, следуя принципам Н.Ф. Яковлева, определяют спряжения на основе изменений гласных в корне инфинитива при образовании формы настоящего времени глагола.

З. Д. Джамалханов и М. Ю. Мачигов также выделяют в чеченском языке смешанное спряжение глаголов. Это спряжение

включает производные глаголы, образованные с помощью суффикса *-ийта*:

инфинитив настоящее время

хъй̄йта^h «дать возможность узнать» *хъ̄й̄ьту*

хъ̄аж̄йта^h «дать возможность взглянуть» *хъ̄ож̄й̄ьту* [3, 219].

Помимо этого, исследователи выделяют в чеченском языке категорию неправильного спряжения. В эту группу входят односложные глаголы, а также производные глаголы, которые формируются путем присоединения к непроизводным глаголам и качественным прилагательным вспомогательных глаголов *да^h* и *дала^h*:

инфинитив

настоящее время

да^h «делать»

дуо

ла̄^h «терпеть»

лоу

хъ̄иē^h «месить»

хъ̄уō̄ь

дар-да^h «рассердить»

дар-дуо

дар-дала^h «разгневаться»

дар-луо

сатта-дала^h «смочь согнуть» *сатта-луо* [3, 220].

И.Г. Арсаханов, следуя методологическим принципам, предложенными Н.Ф. Яковлевым, выделяет 7 типов спряжений глаголов в чеченском языке [4].

Таким образом, И.Г. Арсаханов, опираясь на первое и третье спряжения, выделенные Н.Ф. Яковлевым, предлагает два новых, самостоятельных типа спряжений.

Типы спряжений, по принципу И.Г. Арсахаова:

«1. спряжение: *a*→*o*, окончание *y*: *ъ̄āла^h* «сказать» – *ъ̄ōлу*, *д̄āла* «вырасти» – *д̄ōлу*

2. спряжение: *a*→*e* (*ab*), окончание *a*: *сатта^h* «согнуться» – *сетта*, *ла̄тта^h* «стоять» – *ла̄ьтта*

3. спряжение: *iē*→*ō̄ь*, окончание *y*: *диēха^h* «попросить» – *д̄ō̄ьху*, *диелха^h* «плакать» – *д̄о̄ьлху*

4. спряжение: *u*→*ūь*, окончание *y*: *дига^h* «вести» – *д̄ӯьгу*, *литта^h* «цедить» – *лӯьтту*

5. спряжение: *ū*→*ū̄ь*, окончание *y*: *дийца^h* «рассказать» – *д̄ӯьйцу*, *лӣча^h* «купаться» – *лӯььчу*

6. спряжение: $yo \rightarrow u$, окончание y : т̣уолла^h «повесить» – т̣улла , т̣уḡха^h «ударить» – т̣ḡху

7. спряжение: корневая «у» остается как есть, в окончании y . дуза^h «наполнить» – дузу , д̣ḡха^h «одеться» – д̣ḡху [4, 123-129].

Очевидно, что Н. Ф. Яковлев, а позже З. Д. Джамалханов, М. Ю. Мачигов и И. Г. Арсаханов разработали классификацию спряжений глаголов чеченского языка, основываясь на изменениях гласных форме настоящего времени.

Учитывая недостатки предложенных ранее классификаций спряжений, разработанных указанными учёными, А. Д. Тимаев подчёркивает необходимость пересмотра и доработки ключевых её положений. Он высказывает мнение, что этот принцип всё же не является окончательно завершённым и требует дальнейшего уточнения и корректировки [2].

Если принять за основу принципы, выделенные Н. Ф. Яковлевым, З. Д. Джамалхановым и И. Г. Арсахановым, то можно прийти к выводу, что в современном чеченском языке существует 21 тип спряжения глаголов. Сравните:

гласные	основы инфинитив	настоящее время
1. $a \rightarrow e$	такха^h «вползти»	текха
2. $\bar{a} \rightarrow \bar{e}$	л̄ала^h «расплавиться»	л̄ела
3. $\hat{a} \rightarrow ab$	л̄атта^h «стоять»	лаьтта
4. $a \rightarrow o$	датта^h «испечь, печь»	дотту
5. $\bar{a} \rightarrow \bar{o}$	д̄аза^h «зависеть»	д̄о́зу
6. $\hat{a} \rightarrow oa$	д̄а́ста^h «развязать»	доасту
7. $u \rightarrow uy$	дитта^h «стирать»	дуйтту
8. $\bar{u} \rightarrow \bar{y}$	кх̄ила^h «вести, водить»	кь̄уьлу
9. $\bar{u} \rightarrow \bar{i}$	с̄иса^h «подойти»	с̄иса
10. $ie \rightarrow uoy$	диерза^h «повернуться»	дуоьрзу
11. $ie \rightarrow u\bar{o}$	лӣеца^h «ловить»	луо̄ьцу
12. $ie-ie$	кхиерста^h «шататься»	кхиерста
13. $ie-i\bar{e}$	лӣела^h «ходить»	лӣела
14. $yo \rightarrow y$	дуосса^h «спуститься»	дуссу
15. $y\bar{o} \rightarrow \bar{y}$	дуо́ла^h «наступить»	д̄у́лу
16. $yo \rightarrow uoy$	туо́ъа^h «хватать»	туо́ъу

17. у-у	дукъа ^н «заткнуть»	дукъу
18. ү-ү	дўла ^н «зарядить»	дўлу
19. ай→ой	кхайкха ^н «вызвать»	кхойкху
20. ов-ов	довда ^н «побежать»	довду
21. ов→овв	товжа ^н «опереться на кого-что-л»	товвжа

При этом, если добавить смешанные и неправильные спряжения, такие, как *диёлита^н* «дать возможность смеяться» – *дубльубту*, *лиё^н* «говорить» – *лубь* и другие, в чеченском языке можно получить уже 23 спряжения глаголов.

Одной из наиболее привлекательных и признанных систем в научно-описательной и учебной грамматик является система классификации глагольных спряжений чеченского языка, разработанной А. Д. Тимаевым. Этот принцип позволяет устранить существующие пробелы и внести важные уточнения в теорию чеченского глагольного спряжения. А. Д. Тимаев критически оценивает выводы Н. Ф. Яковлева, З. Д. Джамалханова, М. Ю. Мачигова и И. Г. Арсаханова, считая их неполными, и выделяет два типа спряжений [2, 375-384].

Необходимо отметить, что Д. С. Имнайшвили [5], А. Д. Тимаев [2, 8], А. Г. Магомедов [6], а также автор данной статьи [7, 5] подчёркивают, что при образовании форм настоящего времени в чеченском языке ключевую роль играют аффиксы -у и -е.

Согласно классификационному подходу А. Д. Тимаева, глаголы, форма настоящего времени которых образуется с использованием суффикса -у, относятся к первому спряжению. В этом случае гласные лабиализуются следующим образом: (*a→o*, *ā→ō*, *â→oa*, *u→uy*, *ū→ūy*, *ie→uoy*, *iē→uōy*). Дифтонги *uo* и *uō* сужаются (*uo→u*, *uō→ū*), а гласные *u* и *ū* остаются неизменными [2, 380-381]:

Примеры первого спряжения, по принципу А. Д. Тимаева:

инфинитив	настоящее время
<i>датта^н</i> «испечь, печь»	<i>дотту←длтт-у</i>
<i>дāза^н</i> «зависеть»	<i>дōзу←дāз-у</i>
<i>дāста^н</i> «развязать»	<i>доасту←дāст-у</i>
<i>дитта^н</i> «стирать»	<i>дуйтту←дитт-у</i>

<i>кхїла</i> ^н «вести, водить»	<i>кхўьлу</i> ← <i>кхїл-у</i>
<i>диерза</i> ^н «повернуться»	<i>дуоьрзу</i> ← <i>диерз-у</i>
<i>лиѣца</i> ^н «ловить»	<i>луоьцу</i> ← <i>лиѣц-у</i>
<i>дуосса</i> ^н «спуститься»	<i>дуссу</i> ← <i>дуосс-у</i>
<i>дуо́ла</i> ^н «привыкнуть»	<i>дўлу</i> ← <i>дуо́л-у</i>
<i>дукъа</i> ^н «заткнуть»	<i>дукъу</i> ← <i>дукъ-у</i>
<i>дўла</i> ^н «зарядить»	<i>дўлу</i> ← <i>дўл-у</i>

Кроме того, в соответствии с принципами, предложенными А. Д. Тимаевым, односложные глаголы, а также производные формы, образованы с помощью вспомогательных глаголов *да*^н и *дала*^н (которые, согласно классификации З. Д. Джамалханова и И. Г. Арсаханова, относятся к неправильному спряжению). Глаголы с суффиксом *-ийта*, которые З. Д. Джамалханов относит к смешанным, также целесообразно включить в первое спряжение. Это связано с тем, что их форма настоящего времени образуется посредством аффикса *-у*. Например:

инфинитив	настоящее время
<i>диеллада́ла</i> ^н «открыться»	<i>диеллалуо</i> ← <i>диеллала-у</i>
<i>дуохда</i> ^н «нагреть»	<i>дуохдуо</i> ← <i>дуохда-у</i>
<i>та̄</i> ^н «помириться»	<i>тоу</i> ← <i>та̄-у</i>
<i>диѣлїта</i> ^н «дать возможность улыбаться»	<i>дуоьлўьту</i> ← <i>диѣлїт-у</i>
<i>тиѣшїта</i> ^н «дать возможность верить»	<i>туоьшўьту</i> ← <i>тиѣшїт-у</i>
<i>да́ллїта</i> ^н «дать возможность находиться»	<i>доалўьту</i> ← <i>да́ллїт-у</i>
<i>ла́нїта</i> ^н «дать возможность вылиться»	<i>ло́нўьту</i> ← <i>ла́нїт-у</i>
<i>диеллїта</i> ^н «дать возможность открыть»	<i>дуоьллўьту</i> ← <i>диеллїт-у</i>

Как следует из приведённых примеров, согласно подходу А. Д. Тимаева, все глаголы, формирующие настоящее время с помощью аффикса *-у*, относятся к первому спряжению. В то же время в классификациях Н. Ф. Яковлева, З. Д. Джамалханова, М. Ю. Мачигова и И. Г. Арсаханова эти глаголы отнесены к различным группам спряжений.

В случае использования аффикса *-е* для формирования формы настоящего времени глаголов в чеченском языке, по классификационному подходу А. Д. Тимаева [2, 3], такие глаголы следует

отнести ко второму спряжению. В структуре этих глаголов при образовании формы настоящего времени наблюдаются следующие изменения: гласные \bar{a} , \hat{a} и a основы инфинитива палатализируются ($\bar{a} \rightarrow \bar{e}$, $\hat{a} \rightarrow a\bar{y}$, $a \rightarrow e$), а гласные \bar{u} , ue и $u\bar{e}$ остаются неизменными. Например:

инфинитив	настоящее время
<i>lāla^h</i> «расплавиться»	<i>lēla</i>
<i>lātta^h</i> «стоять»	<i>laētta</i>
<i>sīsa^h</i> «подойти»	<i>sīsa</i>
<i>khiesta^h</i> «шататься»	<i>khiesta</i>
<i>liēla^h</i> «ходить»	<i>liēla</i>

Стоит подчеркнуть, что при исследовании спряжений глаголов чеченского языка необходимо обратить внимание на глаголы, содержащие дифтонги в основе инфинитива, такие, как «ow» и «ай». Если при образовании формы настоящего времени дифтонг «ай» переходит в «ой» или дифтонг «ow» остается неизменным, такие глаголы образуют форму настоящего времени с помощью суффикса -у и относятся к первому спряжению. Например:

инфинитив	настоящее время
<i>doɯda^h</i> «побежать»	<i>doɯdu←doɯd-u</i>
<i>lowza^h</i> «играть»	<i>lowzu←lowz-u</i>
<i>lowda^h</i> «выжать»	<i>lowdu←lowd-u</i>

Если же дифтонг ow в форме настоящего времени подвергается палатализации, аффикс в этом случае будет -е, что указывает на то, что эти глаголы относятся ко второму спряжению. Например:

инфинитив	настоящее время
<i>xʷowza^h</i> «повернуться»	<i>xʷowza←xʷowz-e</i>
<i>ɕlowza^h</i> «пискнуть»	<i>ɕlowza←ɕlowz-e</i>
<i>kxowda^h</i> «дотронуться до чего-л.»	<i>kxowda←kxowd-e</i>

Важно отметить, что данный принцип может вызвать трудности у учащихся средней и даже высшей школы, поскольку процессы изменения гласных на таком уровне не всегда изучаются.

На наш взгляд, более простым и менее затруднительным для изучения и преподавания является следующий метод: если в

исходе настоящего времени глагола выступает губной гласный, то такой глагол классифицируется как относящийся к первому спряжению, поскольку в чеченском языке его форма образуется с использованием аффикса -у. В случае же, когда форма настоящего времени оканчивается на гласный «а», глагол попадает во второе спряжение, так как в этом случае его форма формируется с помощью аффикса -е. Этот подход упрощает классификацию и делает процесс изучения более последовательным и понятным.

В данной статье были рассмотрены проблемы и подходы к определению спряжений глаголов в чеченском языке, а также проведен анализ существующих научных взглядов на эту тему. Несмотря на многообразие мнений таких исследователей, как Н. Ф. Яковлев, З. Д. Джамалханов, М. Ю. Мачигов и И. Г. Арсаханов, наблюдается значительное расхождение в подходах к классификации спряжений, что приводит к неясности в определениях и методах их преподавания. Системы, основанные на изменениях гласных в корне при образовании временных форм, продемонстрировали свою значимость, но их недостатки, особенно в учебных материалах, требуют внимания. А. Д. Тимаев предлагает более упрощенный подход, который выделяет два спряжения, что позволяет более точно отразить особенности спряжений чеченских глаголов [8].

Таким образом, для более полного и корректного понимания системы спряжений глаголов в чеченском языке необходимо адаптировать учебные материалы с учетом современных научных достижений. Это позволит повысить качество преподавания и обучения чеченскому языку, делая его более доступным для учащихся различных уровней.

1. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. 237 с.

2. Тимаев А.Д. Хинцалера нохчийн мотт. Лексикологи, фонетика, морфологи. Соьлжа-Г'ала: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2007. 416 с.; Тимаев А. Д. Чеченский язык. Фонетика. Грозный: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2011. 207 с.

3. Джамалханов З.Д., Мачигов М.Ю. Нохчийн мотт. I-ра дакъа. Лексикологи, фонетика, морфологи. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 267 с.

4. Арсаханов И.Г. Хинцалера нохчийн мотт. Лексикологи, фонетика, морфологи. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1965. 216 с.

5. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси: Издательство «Мецниереба», 1977. 299 с.

6. Магомедов А.Г. Система гласных чечено-ингушского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974. 284 с.

7. Ирезиев, С.-Х.С.-Э. Фонетические процессы при образовании временных форм в чеченском и ингушском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Грозный, 2014. 23 с. EDN ZPFYNH;

Его же. Особенности лабиализации гласных при образовании временных форм в чеченском и ингушском языках // Актуальные проблемы чеченской и общей филологии («Дешериевские чтения-2016»): Материалы международной научной конференции, Грозный, 20 апреля 2016 года. Грозный: Чеченский государственный университет, 2016. С. 120–125. EDN XQMUBR.

8. Халидов А.И., Тимаев, А.Д., Овхадов, М.Р. Грамматика чеченского языка: в 3 т. Т. 1. Грозный: ФГУП «ИПК «Грозненский рабочий», 2013. 848 с. ISBN 978-5-4314-0080-3. EDN YGLBED.

З. И. Майрамукова,

библиотекарь Научной библиотеки СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЗНАКОВЫЕ ФУНКЦИИ ДОМАШНЕЙ УТВАРИ ОСЕТИН

Домашняя утварь является составным элементом повседневной культуры быта и одним из важных составляющих в жизнедеятельности человека как орудия труда. Утварь уходит в глубокие исторические пласты. Со временем она усложняется и видоизменяется, фактически (наряду с актами охоты) это один из первых родов занятий человека. Элементы утвари были общеупотребимы у народов мира, имея свои особенности. Первоначально (у осетин) предметы утвари были из камня, металлической руды, а также из продуктов скотоводства и охотничества. Затем следовала более глубокая обработка предметов из окружающего мира, например, резьба по дереву. Здесь чувствуются отголоски прежних стилией далеких эпох: кобанская культура позднего бронзового и раннего железного веков, скифо-сарматская, аланская культура средних веков и затем, уже много позднее, традиционная осетинская культура. Шаг за шагом, осмысливая прошлое методами «реконструкции», традиционная культура осетинского народа движется и сегодня.

Материальная культура и повседневность – это два неразделимых явления. Вещи оказывают на человека культууроформирующее влияние, в них концентрируется эстетическое содержание, психологические установки, определенные ценности.

Ключевые слова: осетинский язык, традиционная культура; знаковая функция, домашняя утварь, посуда, керамика, ремесло.

Утварь домашняя различается по функционально-бытовому назначению. Прежде всего, утварь для ведения хозяйства: *общебытовая*, в том числе утварь производительная (технологический материал в технике изделия); посуда столовая и кухонная (для выпечки хлеба, молочного хозяйства, жидких блюд, варки мяса, пива и т.д.). Это могут быть необходимые в хозяйстве аксессуары: ножи, пряслица, оселки, туалетные ложки, весовые предметы, емкости для жидкости и сыпучих продуктов и т.д.

У алан именно кард становится одним из первых предметов искусства, орудием и столовым прибором становится *кард*. По В.И. Абаеву, *kard* – `нож`, `сабля`; (в эпосе) `меч`; *xsargard* – `шашка`, *xæskard* – `ножницы`. Иранское слово включает общеиндоевропейскую глагольную основу «*koert*» `резать`, иран. «*kart*», перс. *kard*, наличествует в осет. *kærdyn/kærdun* глагол `резать`, `косить`, `закалывать`. Отсюда производное для слова *xæskard* `ножницы` – *kærdæn*, существительное, образованное при помощи резки, об-резки – `платок женский головной`, `отрез` и т.д. [1, 1, 571, 584].

Уидыг – *widyg \ wedug, iedug* `ложка`. К индоевроп. *wei* – `вить`, `гнуть`. Ср. ст. слав. *vetвь*, русск. `ветвь`, др. прусск. *witwan* и т.д. В.И. Абаев считает, что для осетинского языка следует исходить из значения – `ива`, т.е. предмет назван по материалу `изделие из ивы` [2, 4, 106].

Трудно сказать, какой род утвари древней – *фынг* `стол` или `котел` – *аг*. В сознании осетин трехногий *фынг* (большей частью деревянный) ассоциируется не только с пищей. Как точно подмечено В.А. Кузнецовым у этнографа Саввы Кокиева: «Акт еды у осетин считался чрезвычайно важным и даже торжественным, сопровождаясь молитвой, а сам *фынг* занимал второе место в доме после очажной цепи – *рахыс*, т.е. очень высокое положение в иерархии осетинских ценностей. Все общение за столом: разговоры, прямая речь, диалоги, героическое пение – предварялось молитвенным освящением застолья. Итак, «осетинский этнографический *фынг* – предмет глубоко архаичный, восходящий функционально к жертвенникам» [3, 156]. Этот предмет характерен и для других кавказских народов. Считается, что *фынг* – это еще и *блюда на ножках, угощение*. В более позднем понимании слово *фынг* предполагает его заставленным тремя пирогами, мясом, напитками и другими яствами. «Важно понять, что изготовление вещи было идентично ее пониманию, ее значимости...» [3, 113]. Процесс создания находился в неразрывном единстве с идеями мифологического сознания человека.

По В.И.Абаеву, *fyng/fingæ* `круглый треногий столик` являлся инвентарем староосетинской сакли; например, груз. *p`inaki*

‘блюдо’. Есть предположение, что это старое осетинское (иранское) слово, родственное ст.слав. *льнь*, русск. ‘пень’ и даже приведенным выше древнеиндийскому и греческому словам – второй вариант, что это заимствование из греческого языка еще в скифскую эпоху [1, 1, 497-498]. Из материалов раскопок исходит, что для *фынга* использовали ясень, дуб, и т.д. Это – предмет из разряда жертвы, посвящаемой покойному, «*нывондаг*».

По мнению В.А. Кузнецова, «наиболее древний фынг происходит с территории Северного Кавказа, найден в скифском кургане 4-5 вв. до н.э. у с. Нартан близ Нальчика. Это – единственный фынг, изготовленный из бронзы» [3, 158].

Знаковая функция. *Фынг* – собирательное понятие... Стол без пищи осетины называют заимствованным из русского языка словом «стол». Если на тот же стол, который использовался, к примеру, для работы, ставят пищу, то называют уже не стол, а фынг, и приглашают, соответственно, не к столу, а к фыngu как коллективной трапезе с произнесением молитвы, где поднимают чашу пива (ритуальное жертвоприношение или жертвенник).

Следующий предмет утвари – *аг* – ‘котел’; авар. *hag* как заимствование. Известно, что котельное производство имеет в Дагестане большую давность и пользуется известностью за его пределами. Это обстоятельство дает основание предполагать, что этот термин проник в чеченский и осетинский. Первоисточником является, по мнению В.И. Абаева, тюрк. *ajaq* – ‘чашка’, ‘горшок’ [1, 1, 34].

Разновидности: *æрхуаг* / *æрхуаг* – ‘медный котел’, распространенный в обиходе предмет. Большого мастерства требовало изготовление медного пивоваренного котла; *цъуппбын аг* (Кударское ущелье); *дугъогъос* (Дигорское ущелье). Последний был эллиптической, вытянутой формы. По утверждениям знатоков, процесс плавки был окутан тайной, было неведомо, сколько там было от технологии и ритуала. Определенные металлы были доступны; медь и ее сплавы имели богатую историю; литейное и кузнечное дело было очень престижно.

Котлы были наследуемы как фамильная ценность, отношение к ним было бережным. По археологическим данным, есть ссыл-

ки на древнеиранский стиль, например, в изготовлении медных котлов. Преемственность скифских котлов прослеживается на средневековых «кубачинских» котлах на 3-х ножках из Дагестана [4, 163-165]. Встречаются еще так называемые «гуннские» котлы, найденные в КБР.

Знаковая функция. Аг 'котел' обладал большой общественной ценностью. Им могли расплачиваться с кровниками, причем «одним котлом нередко уплачивалась кровь..., калым часто ими же уплачивался» [4, 84-86]. Они ценились также по своей вместительности – от очень крупных – 60-100 ведер до 20-30 ведер и менее.

Цæджджинаг 'большой медный пивной котел'; *sægginaг* букв. "котел, снабженный кольцами (ушками)". < *sæг-гун-аг*, где *sæг-* 'кольцо' и *-аг-* 'котел', а *гун-* 'суффикс, выражающий надёжность чем-либо'. Древность самого предмета бесспорна. «Из металлической посуды местного производства характерными являются большие бронзовые литые котлы с двумя ручками на высоком поддоне. Они встречаются как в курганах скифского времени, так и в более поздних – сарматского периода» [5, 63]. Были ещё походные котлы. К сожалению, сейчас изделия из меди в домашней утвари почти не используются, их заменяют чугун, алюминий, котлы с элементами эмали. В обиходе домоводства, по меньшей мере, на протяжении столетия используются еще кастрюли, имеющие схожее название в осетинском языке – *аг* или *чысыл аг*.

Медь была обиходна и практична в качестве материала домашней утвари и других целей. За красной медью у разных народов закреплена ценностная, сакральная функция. *Æрху* – с иранским *-xru-* 'кровь' (металл кровавого цвета). Один из предметов первой необходимости. В повседневном быту осетин и их предков бытовал другой тип котлов плоскодонных и преимущественно надочажных. В таких емкостях приготавливалось мясо, жидкая и полужидкая калорийная пища.

Нельзя еще не вспомнить средневековое гончарное искусство алан – *æлуг мигæнæнтæ*. Безусловно, гончарное ремесло кочев-

ников имело свои особенности. Распространению глиняной и металлической посуды присуща определенная зональность. Например, археолог Б. В. Техов писал о том, что «в известном Кобанском могильнике в Северной Осетии встречено всего несколько металлических сосудов, в то время как глиняные изделия из этого памятника составляют многочисленные серии» [6, 46]. Наличие глины для изготовления посуды и простота технологии сделали свое дело, но исходя из того, что «они не знали гончарного круга, сделанные ими сосуды поражают своей симметрией. Ложили и наносили орнамент на сосуды при помощи специального костяного орудия» [7, 17]. Их бренд – ярко-черная лощеная керамика – используется и сегодня, уже в осовремененном виде. Сегодня это не только кувшины, чаши, блюда, но и чайники, чашки, пиалы, вазоны и другие предметы в ассортименте. «В качестве примесей почти вся керамика содержит большое количество дробленого кварца и кварцевого песка. Эти примеси характерны для керамики других памятников центрального варианта Кобанской культуры» [8, 70]. Украшены они зооморфами, резьбой снаружи, внутри имеют темно-красное покрытие. Это то, что касается погребальной культуры (скифов, кобанцев и алан). <...> Культ барана, существовавший у предков осетин, в какой-то мере отразился в изготовлении сосудов в виде этого животного, причем сосуды изображали не только баранов, но и лосей, оленей, птиц, что также является отголоском тотемистических представлений» [9, 46]. Далее повествуется об осетинском орнаменте, который «хранит в себе традиции древней скотоводческой культуры алан: господствующий мотив в нем – спираль или полуспиральный завиток – стилизация бараньего рога. Но есть и геометризованные растительные мотивы, частью чисто местные, частью отражающие связи с Византией, Ираном, Россией» [10, 268]. Другое дело – как совместить было гончарное дело при кочевье. Но, как свидетельствуют описатели, гончарство присутствовало как у мобильных (25%), так и у частично оседлых (75%) социумов [11]. Помимо этого, технологии заимствовались, а технические навыки керамиче-

ского производства совершенствовались еще по причине мены товарами между производителями.

Знаковая функция зооморфизма. Зооморфная знаковая система в предметах домашней утвари была распространена на изделиях из глины, металлов (медь, бронза, железо, серебро, золото), дерева и пр. Встречается также бронзовая посуда из тонких листов металла, которой предшествовала медная.

Зооморфизм – существенная черта скифского стиля. Как считает художник-культуролог В.А. Цагараев «Зооморфный код «скифо-сарматского времени» оказал огромное влияние на средневековый bestiary, геральдику, орнамент и, соответственно, на всё евразийское изобразительное искусство и систему символов. В европейской архитектурной традиции наиболее чётко зооморфный «скифо-сарматский» стиль прослеживается в орнаментике романских соборов и белокаменной резьбе владими́ро-суздальской школы. Вообще же следы «звериного стиля» в евразийской культуре, пусть и в десакрализованном виде, можно встретить практически повсеместно» [12]. Изделия утвари с зооморфными аксессуарами просуществовали на протяжении нескольких веков.

Общепризнанный факт, что в эпоху позднего средневековья активно происходило формирование традиционной осетинской культуры (XIII–XVIII вв.). Одним из ведущих археологов на Северном Кавказе В.Х. Тменовым зафиксировано на примере склепов «города мертвых», что керамика имеет исключительно важное значение в погребальном инвентаре (более 200 сосудов, сделанных на гончарном круге) [13, 249–408]. Это сосуды – чайники, кувшины «амфоровидные», с «бомбовидным» сливом и т.д. Ярко иллюстрированные орнаментальными мотивами (в т.ч. лощение, волны, контрастные цвета) или отштампованные до обжига; имеются также изображения людей. Аналоги ей встречаются в памятниках Дагестана и средневекового Азербайджана. Одно из распространенных изделий керамики – это кувшины разного назначения: *дурын*, *хъуырау*, *быркуы* или *гъосин* (диг.); десятки лет кувшины успешно замещают бутылки и банки из стекла, а се-

годня кувшины скорее декор. Необходимый атрибут, используемый женщиной в хозяйстве. Изделия красноглиняные, хорошо обожженные, отмученные – т.е. здесь специалисты заявляют о профессиональном производстве, возможно из Дагестана, Грузии и т.д.

Итак, *быркуы / byrky* – большой `кувшин для вина`, зарываемый в землю; *гъосин / gosin* – диг. 1. `кувшин`, 2. `черепица`. Со звуком русскому *кувшин*; *дурын / dyryn* – ирон. `глиняный горшок`; `кувшин`. Производное от слова *dur* `камень`. Обожженная глина отождествляется с камнем. Для сравнения тот же кувшин из металла, имеет название *гогон\gogon* – `высокий металлический кувшин для воды`. Из тюрк. *gugut* `медный сосуд для воды`.

Знаковая функция. Кувшин – сосуд для жидкостей, их сохранения и доставки; их делали из дерева, глины, металла и т.д.; с помощью этих предметов шло освоение среды жизни человеком в вещном мире. «Венчики, ручки и днища деревянных сосудов могли дополнительно оформляться накладками различных геометрических форм, произведенными из серебра, железа, меди и бронзы и закрепленными металлическими гвоздиками» [14, 152]. Сегодня перечисленное – уже сувенирные символы Осетии.

Столовые принадлежности, они являлись еще и знаками-мерами. Дерево повсеместно использовалось для утвари в разные исторические эпохи. Мелкий домашний инвентарь (в том числе кухонную посуду) изготавливали из `грушевого дерева` (*кæрдæ бæлас*), `черешни` (*балхъæд*), `кизила` (*цымлæдзæг*). Чтобы не трескались чашки и ложки, их варили в воде с золой, а затем пропитывали маслом, жиром. Так, еще Савва Кокиев писал о том, что «искусство точить и резать дерево в Осетии весьма древне и сильно развито. Пивные чаши, чашки, бокалы и иная утварь часто отличались большим изяществом отделки. Работа производилась согласно существовавшим канонам и особенностям мастерства, требовала усидчивости и следованию технологии, поэтому являлась еще дополнительным ремеслом. Имеются также плетенные из тонких прутьев корзинки. Пастухами производится на досуге масса разнообразной деревянной посуды: ведра,

кадушки, чаны, чашки, ложки, блюда, столики и пр.» [5, 81]. Дерево обладает большой доступностью и производительной силой. Ассортимент *хъадын миганæнтæ* весьма богат, составляет целую отрасль кустарного производства – «названия деревянных предметов домашнего обихода»; дают представление о традиционном осетинском укладе жизни, передают информацию о вековом опыте этноса» [15, 162-169]. Выявлен и классифицирован исследователями лексико-семантический аппарат, делящийся на 3 подгруппы по принципу использования в быту человека домашней утвари.

Например, *къус`миска`, `чашка`*; *къолп`* деревянная чаша`, `коробка`. Чашки изготовлялись из древесных наплывов, где форма посуды напрямую зависела от формы напыла и изобретательности мастера.

Упомянем имеющую *сакральное* значение ритуальную `почётную чашу` *«кады нуазæн»*, напоминающую обрядовую чашу скифов, без неё не обходится ни одно торжественное событие у осетин. В старину имела несколько перекликающихся приставок: *Уац-амонгæ, Ац-амонгæ, Нарт-амонгæ, Ард-амонгæ*. Известный французский исследователь осетинского эпоса Ж. Дюмезиль заключает, что «название волшебной чаши означает «выявительница», или «выявительница Нартов», предполагая при этом, что в древности глагол «амонуп» носил религиозную специализацию, потому что одна из его архаических форм означала «счастье, удачу» [16, 174]. В то же время могла играть роль в качестве «*чаши побратимства*» и «*чаши кровника*». «Ант аякъ – чаша-клятва. Этой чашей с напитком закрепляли обряд побратимства у караево-балкарцев. На стенках сосуда вырезали кресты (*къачла*). Тепшек – большая деревянная чаша с сорока ручками, о которой упоминается в нартском эпосе. Эту чашу с хмельным напитком преподносили почетным нартам» [17]. Кроме того, чаша могла быть сделана и обработана (инкрустирована) из рогов копытных – *«сыкъатæ»*. К оформлению большой чаши имелся особый (ритуальный) подход.

Есть ремесленные термины, обусловленные месторасположением, входящим в деятельность домашнего хозяйства. К примеру, большое распространение имели каменные и керамические *пряслица* – это утяжелители для ручного веретена или пряжи. Женское рукоделие получило большое распространение у осетин и их предков, потому что обработка шерсти является одним из древнейших занятий.

Например, ручное орудие для прядения пряжи, небольшая деревянная палочка острой формы с одного конца и утолщенная с другого; также – стержень веретена, на который наматывается нить – это *æлхуй* / *æлхуйнæ* ‘веретено’; *уæдæртт* ‘массивное деревянное кольцо, надеваемое на веретено для придания ему тяжести и вращательной инерции’, – ‘пряслицо’, или ‘веретённое кольцо’. Возводится к иран. *wartavra* ‘вертушка’ < *wart* ‘вертеть’.

Б.А. Калоев замечает: «Как указывают дореволюционные авторы, осетинские сукна отличались высоким качеством и славились по всему Кавказу, издавна находя широкий спрос у соседних народов, в частности у грузин и терских казаков» [18,19]. И это благодаря также предметам и различным аксессуарам для шитья: *тынуафæн* ‘ткацкий станок’ < *тун* – ‘сукно домотканое’; *уафæн* – ‘ткать’, а также ‘ткацкий станок’. Сукно ткали на простом ткацком станке; *æндах* ‘нитка’ < иранск. **ham-tāka*; *таг* – ‘нить’. Не раз писали, что у осетин «искусство изготовления сукон достигло такого совершенства, что, по словам наших информаторов, из сукна шили нижнее белье, делали простыни» [18, 19].

Здесь на помощь приходит и местный токарный станок по дереву особого устройства – *зырн* / *зырна*. Образовано от *зырын* / *зырыд* ‘кружить(ся)’, ‘вертеть(ся)’. Абаев В.И. возводит к иранской базе **zur*, **zwar* ‘ходить не прямо’, ‘ходить с поворотами’ [2, 4, 324].

Выражение «домашняя утварь» означает еще *хæдзары дзауматæ* «домашние вещи», где *дзаума* означает ‘вещь’, ‘предмет’, ‘утварь’. К домашней утвари относятся также:

1) *царвцаггъдæн* – ‘маслобойка’, ‘предмет, обозначающий действие, – масло-сбиватель’. Приготовление масла и сыра сви-

детельствуется у осетин с глубокой древности. Употреблялось масло исключительно в топленном виде, т.е. предварительно подвергалось тепловой обработке;

2) *кӕрӕби* – `деревянная качалка, на которую установлена кадушка с молоком для сбивания масла`. В мегр. *k`arabi* `ягненок, рассматривается как перенос названия животного на предмет;

3) *гуымбылахсӕн кӕус* или *цыхтахсӕн* – `ёмкость для сбора творога или сыра`.

4) *мигӕнӕн* – `посуда`, `инструмент`, `сосуд`, `бочок для соления`;

5) *агуывзӕ* – `стакан`, заимствование из кабар. *hagwe – bze* `бокал`, где *hagwe* – `ладонь`, *bze* – `чаша`: `чаша, помещающаяся на ладони` [1, 1, 37];

б) *алгӕац* `сковородка с ручкой`; сопостав. с балк. *jalgauc* `сковородка с ручкой`; образовано от глагола *jalga, yalga* – `скреплять`, `прикреплять`. Синоним слова: *тебӕ, табӕ* – `сковородка`, варианты в иронских говорах *таба, тӕана*.

В. И. Абаев подмечает также персидскую основу – *taba*. Слово имеет распространение в разных языковых группах, наблюдается звуковое и смысловое созвучие с осетинским словом *тӕбӕгъ* `тарелка`, `блюдо`. Из арабского, персидского *tabaq* – `деревянный или металлический диск` [19, 243]; вошло в осетинский язык как заимствование во 2-й половине XIX века. Есть схожее слово в различных кавказских языках;

7) *амӕнтӕн* (диг.) – `корыто для теста`; по значению соответствует ирон. *арынг*; восходит к авест. **a-tanθ*; старое сращение преверба *a-* с основой *tanθ* – `мешать`, `размешивать`, `болтать` [1, 1, 50];

8) *арынг* (ирон.) `корыто, в котором месят муку`. По В.И.Абаеву, слово образовано, по-видимому, от иранского глагола **ar-* `молоть`, `мука` с помощью суффикса (непродуктивного) *-yng*. Основное значение – `мучница`, `корыто для муки`. Самостоятельно основа *ar-* в значении `мука`, `молоть` в осетинском языке не сохранилась [1, 1, 74-75].

Знаковая функция предметов первой необходимости

Первый и главный предмет – *арт* 'огонь', который «требовал для себя доли яств, для чего осетины бросали в него ломтик хлеба, кусочек мяса при заклинании жертвенного животного, выливали остаток от водки из рога и т.д. ... Молитвы и жертвоприношения происходили также на очаге. Жертвенное животное – «*ны-вонд стур*» – перед заклинанием подводили к очагу, брали горящее полено и опаляли ему шерсть крестообразно в знак посвящения божеству» [4].

Следующие предметы – *ахсон*, *ысхон* /*артдор* (диг.) 'кремень', 'кресало'; *цырагъ/цирагъ* 'лучина', 'свеча', 'лампа'. Общее переднеазиатское слово; засвидетельствовано в тюркских и кавказских языках. Для осетинского допускается возможность усвоения из согдийского языка. Происхождение слова не выяснено. Исходное значение возможное 'светлячок'; ср. др.инд. *ciraka*, *cirika* 'сверчок' [1, 1, 323].

В прошлом у осетин, как и у других народов Кавказа, единственным предметом для освещения жилища служила 'лучина на подлучинике' – *цырагъдарæн*, или *назы цырагъ*, *цырагъдараен* – то же, что и 'светильник';

судзæн, *судзæн хъуыр* 'горелка' от глагола *судзын* 'жечь', 'зажигать', 'сжигать', 'обжигать'; *судзæн хъуыр* – это еще и 'газовая печь', и 'горелка';

сæрдыгон хæринаггæнæн пец – 'печь для приготовления пищи летом';

æфсæйнаг пец – 'железная печь'; *турно* – 'печь для хлеба' (земляная).

Появление керосиновой лампы в Осетии относится только к 80-м годам XIX века. Но известно, что многие жители в Южной Осетии использовали для освещения нефть, затем *фæтæгæн* 'керосин'; со временем наступила эра электрического света – *электрон рухс*.

Знаковая функция. Освещение в доме необходимо для жизнедеятельности его обитателей. Вначале эту функцию как-то исполнял огонь в очаге и проемы естественного (дневного) света в

помещении. Здесь шло совмещение тепловой и световой функций. Затем уже начали появляться для освещения: свечи, лучины, светильники; для обогрева: русские печи и печи-буржуйки и др. Как замечает В. Уарзиати: «Сложный домашний культ, связанный с огнем и очажным комплексом, начал вытесняться еще в начале века XX в., когда на смену открытому очагу пришли пристенный камин и печь с плитой» [4, 75].

Цзылын`веник`. Конечный *-ун/ин* представляет формант, указывающий на материал, из которого сделан предмет. В этом случае в *с`ул/с`ил* следует видеть название какого-то растения, из которого делались веники; ср. груз. *с`или* – название широколистного растения (Чубинов), которое упомянуто под словом *сил* ‘папоротник’.

Знаковая функция домашней утвари является и системой отсчета, и системой упорядочения бытовой повседневности осетин.

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 571 с.

2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 4. Наука. Л.: Наука, 1989. 325 с.

3. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993. 183 с.

4. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. 233 с.

5. Кокиев С.В. Сборник материалов по этнографии. Вып. 1. Записки о быте осетин. М., 1885. С 66-112.

6. Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ. М.: Наука. 1980. 92 с.

7. Анфимов Н. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953. 77 с.

8. Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ. М.: Наука. 1980. 92 с.

9. Мошинский А.П. Древние бронзы Кавказа. М.: Государственный исторический музей, 2010. –199с.

10. Мошинский А.П. Древности горной Дигории 7- 4 вв. до н. э. М.: Труды государственного исторического музея, 2006. 206 с.

11. Дзаттиаты Р.Г. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ, 2006. 174 с.

12. Цагараев В.А. Искусство и время. Владикавказ: Ир, 2003. 463с.
13. Тменов В.Х. Формирование традиционной осетинской культуры // Археология Северной Осетии. Ч. 2. Эпоха позднего средневековья. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2007. 430 с.
14. Alanica. Сборник избранных статей доктора исторических наук А. А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 562 с.
15. Абаева Ф.О. Лексико-семантическая группа “Хъæдын ми-гæнæнтæ (деревянная посуда)” в осетинском языке //Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Вып. 20. Владикавказ, 2018. С. 162-169.
16. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 229 с.
17. <https://a-salpagarov.blogspot.com/2019/07/karachaevo-balkarskaya-posuda.html>.
18. Калоев Б.А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М.: Наука, 1973. 146 с.
19. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. Л.: Наука, 1979. 358 с.

IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

Д. В. Хапсаева,

мнс СОИГСИ им. В.И. Абаева

(г. Владикавказ)

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ СКФО

В статье рассмотрены молодежные инициативы, связанные с сохранением и возрождением нематериального культурного наследия, в частности фольклора, в котором зафиксированы духовные ценности народов Северного Кавказа. Обзор заявок, поданных на конкурсы грантов Президентского фонда культурных инициатив (ПФКИ), позволил выявить значимость духовной традиции и варианты ее креативного использования современной молодежью региона.

Ключевые слова. *Северный Кавказ, нематериальное культурное наследие, фольклор, медиапродукты.*

The article discusses youth initiatives related to the preservation and revival of intangible cultural heritage, in particular folklore, in which the spiritual values of the peoples of the North Caucasus are recorded. A review of applications submitted for grant competitions of the Presidential Fund for Cultural Initiatives (PFCI) made it possible to identify the importance of spiritual tradition and options for its creative use by modern youth in the region.

Keywords. *The North Caucasus, Intangible Cultural Heritage, Folklore, Media Products*

Борьба за умы молодежи никогда не перестанет быть актуальной, особенно в условиях обострения идеологического противостояния «Запад-Россия». Герои эпосов народов Европы давно стали персонажами мультиков, комиксов, фильмов, рекламы и, в

действительности, вытеснили из сознания российской молодежи образы русских богатырей, тюркских багатуров, кавказских нартов. Получается, что многомиллионный народ России, имеющий богатейший эпический пласт почти 200 составляющих этносов, терпит поражение в идеологическом противостоянии. Чтобы этого не произошло, необходимо помнить самим и доносить до мировой аудитории жемчужины нашего славного прошлого, актуализировать популяризацию и приумножение богатых смыслами традиционных культур, обмен идеями по их сохранению и развитию.

Обращение современной молодежи к историческим корням многие исследователи объясняют сложными трансформационными процессами, катаклизмами и социальным дискомфортом, которые побуждают людей искать опору в различных объединениях – родственных, этнических, конфессиональных и прочих [1; 2], что повышает значимость идентичности в ее разных проявлениях и активизирует практики сохранения национальной самобытности. Другое объяснение актуализации этничности связывается с активным сетевым дискурсом о возможном «растворении» этнических групп и их ассимиляции, который мобилизует молодежь к сохранению своей самобытности [3]. Этнокультурный «ренессанс», мобилизация этничности, актуализация традиции в современном обществе многими исследователями интерпретируются как «последствия глобализации, которые со всей очевидностью показывают необходимость осмысления традиционной культуры в контексте ее востребованности современным обществом» [4]. Среди инициативной молодежи бытует мнение о том, что интерес к своей культуре проявился благодаря «пресыщению низкочастотной поп-культурой западных стран, рекламируемой с начала 90-х годов на всем постсоветском пространстве» [5]. Эти толкования не исключают друг друга, напротив, они вполне сочетаемы.

В СКФО в последние годы наблюдается повышенный интерес к нематериальному культурному наследию. В Ставропольском крае отмечены практики проведения фольклорных экспедиций в том числе и детских. По наблюдениям участников фольклорных

экспедиций внуки информантов – бабушек и дедушек, никогда не интересовались своим наследием. По проведенным социологическим опросам в Ставрополе народную музыку слушают около 1% молодого населения города [6].

В Ставропольском крае 150 фольклорных коллективов, из них аутентичных не более 15, и с каждым годом становится все меньше.

Поэтому инициативные молодые люди поставили перед собой задачу: через современные интерактивные модели общения успеть зафиксировать культурное наследие, заинтересовать детей и подростков в изучении и собирании фольклора, популяризации заложенных в нем высоких духовно-нравственных ценностей. Исходя из представления о необходимости применения свежих, современных форм для работы с подрастающим поколением, активная педагогическая общественность пытается разработать их на стыке традиционной духовной культуры и передовых креативных индустрий. Знакомство с фольклором в его локальной специфике, в непосредственном контакте с его носителями в ходе экспедиций предусматривает сотворчество детей и взрослых в условиях «проживания» фольклора.

Разнообразные формы совместной деятельности взрослых и детей-подростков могут включать образовательный интенсив, познавательно-исследовательскую деятельность, фолк-пленер, экскурсии в музеи и по туристическим маршрутам на территории округа. Через работу с образцами народной культуры (песнями, припевками, байками, потешками, закличками, сказками, пословицами, поговорками и т. п.) участники могут учиться раскрывать социальную сущность явлений и событий, происходящих в жизни народа; у них будет формироваться устойчивый интерес к народной культуре, воспитание любви к Родине, чувство патриотизма.

Другой проект Центр казачьей культуры «Казачьему роду нет переводу» предусматривает создание единого культурно-образовательного пространства, способствующего развитию самостоятельного народного творчества, воплощению творческих инициатив в организации досуга для различных возрастных катего-

рий на основе духовно-нравственных, культурно-исторических и этнографических ценностей казачества.

Сбор и популяризация нематериально-культурного наследия казачества, сохранение его традиционной культуры, популяризация историко-культурного наследия казаков должны работать на решение проблемы бездуховности у подрастающего поколения и потери интереса к культуре. Это в большой мере связано с тем, что в настоящее время стремительно теряется бережно сохраняемое предшествующими поколениями культурное наследие своего народа.

Задачи передачи традиций, формирования духовности и патриотизма стоят особенно остро. Реализация проекта Центра казачьей культуры «Казачьему роду нет переводу» предполагает качественные изменения в системе воспитания в сфере культуры, направленные на создание условий для воспитания у детей и молодежи духовности на основе традиционных культурных и нравственных ценностей [7]. Проект направлен на повышение интереса детей и молодежи к истории своего народа, на развитие интереса молодежи к истории казачества, на приобщение детей к истокам народной казачьей культуры: фольклору, песням, танцам: на воспитание чувства гордости за свой народ и уважения к традициям патриотизма и любви к родному краю.

В других субъектах СКФО также проявляется интерес молодежи к нематериальному наследию, в частности, к Нартовскому эпосу, которому посвящено немало проектов, разработанных для грантов ПФКИ. В Северной Осетии эта тематика была актуализирована объявлением 2023 года Годом осетинской Нартиады.

Среди поданных на грант ПФКИ проектов – «Театрально-хореографическая постановка «Земля Нартов». Проект нацелен на сохранение осетинских культурных и народных ценностей посредством театрально-хореографической постановки по мотивам Нартовского эпоса. Особое место в эпосе занимает танец, являющийся важнейшим элементом культуры нартовского общества и древнеосетинской культуры. В рамках настоящего проекта каждый танец передает образ какого-либо из героев [8].

Другой проект – этнокультурный мультиформатный марафон «В поисках яблони нартов». Его реализация, по мнению инициаторов, будет способствовать популяризации эпического наследия осетин. Одна из задач проекта заключается в выявлении и поддержке талантливых исполнителей и коллективов в области эпической культуры, работающих в современных авторских форматах. Этнокультурный марафон может стать катализатором формирования инновационных культурных продуктов, создаваемых на основе эпического наследия. Синтез эпического материала и современных форматов мультимедиа создаст почву для формирования устойчивого интереса у детей и молодежи к увлечению эпосом. В рамках проекта планируется – изготовление арт-объекта «Генеалогическое древо нартов»; организация съемок, эфира и размещения в медиа-пространстве уличных лекций «В поисках нартов», а также роликов «Нарты в лицах», создание анимированных графических артефактов Нартиады [9].

Принципиально новый подход к тексту эпоса позволит привлечь к нему внимание молодежной аудитории и создать свою планету героев. Важно привлекать через СМИ и интернет общественное внимание к культуре эпоса, к проблемам сохранения и популяризации ценностей этнических традиций. Создатели проекта считают, что эпос может стать эпическим трансформатором в развитии духовных представлений современной молодежи, являясь источником народной морали, народного мироощущения.

Создатели проекта «Осетинский нартовский эпос – культурная тропа из прошлого в настоящее» озабочены тем, что любимыми героями современных детей все больше становятся персонажи скандинавского, древнегреческого, египетского эпосов. Западная индустрия развлечений ежегодно выпускает фильмы, комиксы, мультфильмы, игры и игрушки со своими героями, в то время как нартовские сказания – сокровищница мировой культуры – мало известны потомкам их создателей. Проект предлагает привлечь внимание подростков к колоритным героям осетинского нартовского эпоса и показать им новый мир приключений.

«Нартовские сказания», имеющие примерно те же временные характеристики, что и эпосы европейских народов, не уступают последним ни содержательно, ни в художественном смысле.

Поэтому в рамках проекта предложено создание на базе осетинского нартовского эпоса интерактивного учебного пособия для изучения осетинского/русского/английского языков. Программа рассчитана на то, чтобы донести до целевых групп содержание эпоса, а также его внутренние смыслы.

Молодому поколению проект интересен как источник увлекательных и захватывающих историй о новых, а на самом деле – давно придуманных и детально продуманных героях со страниц эпоса. Для молодежи Северной и Южной Осетии оно станет и инструментом для изучения родного (осетинского) языка, расширения словарного запаса, возвращения в оборот утерянных слов и выражений. Предложено продвижение проекта посредством создания сайта с программным компонентом и приложения на смартфон [10].

Проект «Город нартов» предлагает создание арт-объектов на фасадах высотных зданий с легендарными образами Нартовского эпоса. Эффект от уличного искусства бесспорный, каждый арт-объект в городской среде становится ярким, резонансным, активно-обсуждаемым инфоповодом. Анализируя комментарии и положительные отзывы горожан, можно с уверенностью говорить, что уличный арт – это мощный источник вдохновения для творцов и публики [11].

В Осетии ключевым объектом аккумуляции внимания осетинской молодежи стал героический Нартовский эпос как источник, наиболее этнически-ёмкий и богатый уникальными образами национальной культуры. Разработано в последние годы множество проектов, связанных с Нартиадой: «Яблоко Нартов: возрождение и развитие осетинского театра тростевой куклы», «Золотая свирель. Конно-драматический этноспектакль по мотивам Нартовского эпоса осетин», «Телевизионная интеллектуально-познавательная программа «Лабиринт Сырдона», Фестиваль уличного искусства «Нартон» и целый ряд других.

У других народов Северного Кавказа также есть свои национальные версии нартовского эпоса. Данный эпос присутствует у осетин, адыгов (черкесов, кабардинцев, адыгейцев), абхазов, абазин, карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев, сванов, некоторых других народов Дагестана. Современных молодежных инициатив не так много, как в Осетии, но они есть. Создатели проекта «Художественный веб-сериал «Нарт» в стиле киберпанк» провели опрос в инстаграм на странице проекта и среди студенческой молодежи в вузах Карачаево-Черкесской Республики. 60% аудитории ответили «Нет» на вопрос: «Знаете ли вы что-либо о легендах нартов?» Знания либо отрывочны, либо отсутствуют вовсе. Поэтому создатели проекта из Карачаево-Черкессии озаботились возрождением интереса к историко-культурному наследию, привлечению внимания молодежи к нартовскому эпосу, через производство художественного киносериала «Нарт» в современном изложении (в жанре киберпанк). Кроме того, одной из задач проекта является содействие развитию кинематографического искусства на Северном Кавказе [12].

В контексте особенностей восприятия информации современного потребителя медиапродукта остро стоит вопрос о создании адаптированного контента, который учитывает фрагментарность восприятия окружающего мира и способность перерабатывать огромное количество информации. Сохранение и возрождение духовных ценностей, зафиксированных в фольклоре, современному потребителю видится не в книгах, научных и популярных публикациях, а в виде образов, роликов, клипов, комиксов и пр. С одной стороны, для целей просвещения или продвижения этнокультурный контент должен быть исторически достоверным. С другой стороны, этот объемный контент должен быть подан кратко и емко, но при этом удерживать внимание зрителя и формировать у него яркое и целостное представление, отвечая критериям краткости, образности и емкости.

Рассмотренные и другие подобные инициативы способны заполнить отсутствие качественного, увлекательного и доступного

для разных категорий зрителей видеоконтента для «мышления нового типа». Традиционная духовная культура, нематериальное наследие народов Северного Кавказа, востребована современным обществом: в среде молодежи растут национальное самосознание и интерес к национальной культуре; очевидна также заинтересованность целевой аудитории в современных медиа-форматах подачи фольклорного материала.

1. Донежук М.Ю. Гражданская, этническая, региональная идентичность адыгов (по материалам пилотного исследования в Адыгее: 17 июля – 17 августа 2020 г.)//Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 4 (32). С. 152-156.

2. Донежук М.Ю. Этническая идентичность адыгов (по материалам исследования 2021 года)//Известия СОИГСИ. 2022. № 43 (82). С. 70-81.

3. Машуков Х. В. Репрезентация молодежной субкультуры народов Кабардино-Балкарии в Интернете: формы и особенности//Манускрипт. 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 109-114 |

4. Канукова З.В. Традиционная культура народов Северного Кавказа в современном обществе // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 3. С. 599- 606.

5. Город нартов//Президентский фонд культурных инициатив <https://гранты.пфки.рф/public/application/cards?SearchString=&Statutes%5B0%5D.Name=победитель+конкурса&Statutes%5B1%5D>.

6. Президентский фонд культурных инициатив <https://гранты.пфки.рф/public/application/cards?SearchString=&Statutes%5B0%5D.Name=победитель+конкурса&Statutes%5B1%5D>.

7. Детская фольклорная экспедиция в Ставропольском крае // Президентский фонд культурных инициатив <https://гранты.пфки.рф/public/application/item?id=50878bb9-27a3-4d3a-b013-2b8f9481a824>

8. Центр казачьей культуры «Казачьему роду нет переводу». Президентский фонд культурных инициатив // <https://гранты.пфки.рф/public/application/item?id=6b079999-0089-4e91-9d81-c5fad673b3f5>

9. Театрально-хореографическая постановка «Земля нартов»// Президентский фонд культурных инициатив <https://гранты.пфки.рф/public/application/item?id=075c1de2-031e-4061-8552-2a903996e755>

10. В поисках яблони нартов// Президентский фонд культурных инициатив <https://гранты.пфки.рф/public/application/item?id=41c80292-ca2c-4b66-a279-ea80c6d6ba05>

11. Осетинский нартовский эпос – культурная тропа из прошлого в настоящее// Президентский фонд культурных инициатив <https://гранты.пфки.рф/public/application/item?id=2c2f0f7b-e31b-4d5b-b618-bc43d9f63481>

12. Художественный веб-сериал «Нарт» в стиле киберпанк// Президентский фонд культурных инициатив <https://гранты.пфки.рф/public/application/item?id=585de6cf-eab8-4c43-9546-f5ea694c916d>

С. С. Тускаева,
студентка СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ 20–30 ГГ. XX В.

Обращение к истории политических руководителей Северной Осетии 1920-1930-х годов связано с объективными причинами, продиктованными исторической наукой, а также возрастающим общественным интересом к биографиям лидеров Северо-Осетинской автономии.

Именно представители различных уровней властных структур оказывали непосредственное влияние на развитие тенденций, происходящих как в социально-экономической, так и в общественно-политической жизни общества. В связи с этим, актуальность тематики имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Во-первых, без изучения персоналий партийно-советской номенклатуры, характерного для каждого из них стиля управления, грамотности принимаемых ими решений невозможно полноценное освещение истории Северной Осетии этого периода. Во-вторых, благодаря обращению к историческому аспекту возможно создание системы отбора кадров, способных эффективно выполнять властно-управленческие функции.

В обозначенной работе цель сформулирована следующим образом: на основе комплексного подхода проанализировать степень изученности феномена политических элит в современной североосетинской историографии.

Новизна работы определяется тем, что в ней впервые предпринимается попытка историографического обзора исследований по указанной тематике. Проведенный анализ трудов позволил выявить наиболее репрезентативную научную литературу, а также определить круг тематических сюжетов, которые на сегодняшний день остаются за рамками исследовательского поля.

Ключевые слова: *современная региональная историография, элита, репрессии, повседневные практики, профессиональный портрет, социокультурный облик.*

The appeal to the history of political leaders of North Ossetia in the 1920s-1930s relates to objective reasons dictated by historical science, as well as the growing public interest in the biographies of the leaders of the North Ossetian autonomy.

It was the representatives of various levels of power structures who had a direct impact on the development of trends occurring both in socio-

economic and socio-political life of society. In this regard, the relevance of the topic has both theoretical and practical significance. Firstly, it is worth saying that without studying the personalities of the Party and Soviet nomenclature, the style of management characteristic of each of them, and the literacy of their decisions, it is impossible to fully cover the history of North Ossetia in the 1920s-1930s. Secondly, by referring to the historical aspect, it is possible to create a system for selecting personnel capable of effectively performing power and administrative functions.

In this context, the aim of the paper will be formulated as follows: to analyze the degree of study of the phenomenon of political elites in modern North Ossetian historiography since a comprehensive approach.

The novelty of the work is determined by the fact that it is the first attempt at a historiographical review of studies on this topic. The analysis of the works allowed us to identify the most representative scientific literature, as well as to determine the range of thematic subjects that remain outside the research field to date.

Keywords: *modern regional historiography, elite, repressions, everyday practices, professional portrait, socio-cultural image.*

Постсоветская региональная историография характеризуется повышенным исследовательским интересом к таким важным событиям, явлениям и процессам как: гражданская война, Февральская и Октябрьская революции, новая экономическая политика. Авторы все чаще обращаются к проблемам «большого террора», различным аспектам Великой Отечественной войны, послевоенному развитию общества. В числе нетипичных сюжетов, активно разрабатываемых за последние 20 лет, находятся повседневные практики «маленького человека» в условиях социально-экономических и политических трансформаций. В этом большом списке весьма скромное место отводится изучению политических лидеров Северной Осетии 1920-1930-х гг. Впервые объектом исследований этот феномен в региональной историографии стал относительно недавно. Как правило, историки, которые занимались этой проблематикой, обращали свое внимание на основные социальные характеристики партийных и государственных управленцев, систему их профессиональной подготовки и т.д. Таким образом, на наш взгляд, назрела необходимость в

обобщении знаний о рассматриваемой области, что позволило бы очертить круг уже разрабатываемых аспектов, а также определить перечень тех вопросов, которые еще не подвергались критическому и всестороннему анализу со стороны региональных историков.

Элитология как одно из направлений исторической науки достаточно молодое. В североосетинской историографии дискуссионное пространство феномена элит находится на стадии развития и нуждается в дальнейшем развитии.

Первой в серии работ, посвященных руководящим кадрам, Северной Осетии стал опубликованный в 2011 году историками А. Т. Царикаевым и Г. Б. Тускаевой биографический справочник «Политическая элита Северной Осетии. 1924-1941 гг.» [1]. Издание включает в себя сведения о 131 руководящем работнике, находящихся на различных звеньях в иерархии партийно-советского аппарата, как регионального, так и субрегионального уровней. Используя информационный потенциал материалов делопроизводственной документации и периодической печати, авторы сообщают своему читателю ценные сведения из биографий представителей североосетинской номенклатуры первых двух десятилетий Советской власти. Значимым биографический справочник делают и публикуемые в нем протоколы заседаний президиума, обкома, райкомов, горсовета. Материалы из местной прессы тех времен, а также характеристики номенклатурных кадров.

Включение в содержание сборника подобного рода документов в значительной степени облегчает работу над дальнейшим развитием темы и проливает свет на многие аспекты из истории лидеров Северной Осетии. Так, например, в справочнике публикуется протокол о назначении на должность секретаря Владикавказского горкома Лордкипанидзе [1, 93]. Высокой степенью научного потенциала обладают и опубликованные сведения об окладах содержания ответственных работников [1, 90].

В дальнейшем список был пополнен и увидел свет с выходом нового биографического справочника «Руководители Северной

Осетии (1924-1953 гг.): партия, советы, комсомол» под авторством А. Т. Царикаева. В новое издание вошли сведения о 52 руководящих кадрах, занимавших в 20-30 годы XX века различные ответственные должности. В первую очередь был значительно расширен список номенклатуры субрегионального уровня, прежде всего это первые и вторые секретари райкомов, председатели сельсоветов и окрисполкомов, а также заместители председателя Северо-Осетинского облисполкома. Публикуется информация и об ответственном секретаре Северо-Осетинского областного комитета – Белоцком (Черном) Морисе Львовиче [2, 18].

Общеизвестно, что ключевой фигурой в иерархии руководящих должностей являлся первый (ответственный) секретарь Северо-Осетинской партийной организации. Региональными историками установлены имена людей, последовательно занимавших эту должность, их профессиональные характеристики (образовательный уровень, партийный стаж), социальная и национальная принадлежность, сменяемость кадров, особенности назначения на эту должность.

Так, например, в работе А. Т. Царикаева и А. Р. Царикаевой четко определяется перечень первых секретарей, занимавших эту должность в 1930-е годы [3]. Констатируется, что все они принадлежали к одному поколению работников. Согласно архивным данным и материалам местной периодики историки сообщают, что «все они, за исключением К. С. Бутаева и Ф. Г. Кокова, не только не были уроженцами Северной Осетии, но и никогда до этого не работали в регионе» [3, 33]. По своему социальному происхождению принадлежали к крестьянским семьям и имели довольно низкий образовательный уровень.

За последние десять лет исторической науке стали известны факты, касающиеся профессиональных характеристик руководителей Владикавказа. В общей сложности удалось установить имена 13-ти председателей Орджоникидзевого горисполкома [3] и 11-ти ответственных секретарей Владикавказского окружного комитета [4].

В работах А. Т. Царикаева, посвященных кадрам, занимавших вышеупомянутые должности, приводятся штрихи к их профессиональным портретам. Говорится о степени сменяемости функционеров, их причинах. Выявляются ключевые особенности и различия в составе председателей горисполкома 1933–1941 годов по сравнению с другим периодом – 1924–1933 гг. Анализируя национальную принадлежность корпуса председателей горисполкома, автор пишет, что в его составе во второй период преобладали лица, принадлежащие к титульной осетинской нации. Это, как считает А. Т. Царикаев, является итогом проводимой политики «коренизации» государственного аппарата [3, 194]. Следующий важный вывод, к которому приходит автор во время исследования, связан с вопросом о причинах сменяемости кадров: «Анализ причин ротаций свидетельствует, что если в 1924–1933 гг. они были вызваны переводом управленцев на равнозначные или более высокие должности в другие регионы Северо-Кавказского края, а также направлением на учебу («положительные и нейтральные ротации»), то в 1933–1941 гг. треть председателей освобождены от своей должности с отрицательными формулировками («негативные ротации»)» [3, 194].

Ключевым в системе общих критериев ответственных работников является их уровень образования. Примером работ на региональном уровне, посвященных профессиональной подготовке кадров, может стать статья А. Т. Царикаева. Привлекая широкий круг архивных документов и материалы периодической печати, автор анализирует место КУТВ им И. В. Сталина среди других образовательных учреждений 1920–1930-х гг. Согласно статистическим данным, отложившихся в фондах ЦГА РСО-Алания делается вывод о том, что «с момента своего открытия КУТВ стал одним из самых востребованных учебных заведений» [5]. Особого внимания заслуживает часть работы, где говорится о об основных спецификах учебного процесса. В частности, это ярко выраженная марксистская направленность, проявляющаяся в том, что «максимальное количество часов отводилось на препо-

давание общественно-политических дисциплин (ленинизм, политэкономия, истмат и др.)» [5]. Среди наиболее известных выпускников университета автор называет двух: Г. Гостиев (секретарь второй секретарь областного комитета партии в 1933–1935 гг.) и Ф.Г. Коков (первый секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) в июле-ноябре 1937 г.).

Изучение истории политических элит было бы невозможным без обращения к одной из трагических страниц их судеб – «Большому террору». В исследовании этого вопроса особое место принадлежит вышеупомянутому историку А. Т. Царикаеву. В его работах сообщаются имена руководителей, оказавшихся в так называемых «Сталинских расстрельных списках» [6]. Так, например, из представителей партийно-государственного аппарата были включены: Гацоев Иван Тимофеевич – 1-й секретарь Алагиро-Ардонского райкома ВКП(б); Дзбоев Гавриил Муссаевич – 1-й секретарь Орджоникидзевского райкома ВКП(б); Загалов Виссарион Виссарионович – прокурор Северо-Осетинской АССР; Кучиев Сергей Тимофеевич – народный комиссар земледелия Северо-Осетинской АССР; Макеев Ислам Хусинович – 1-й секретарь Правобережного райкома ВКП(б); Мильдзихов Пела Тебоевич – 1-й секретарь Правобережного райкома ВКП(б); Рамонов Заурбек Кириллович – 1-й секретарь Дигорского райкома ВКП(б); Таболов Петр Иосифович – секретарь Правобережного райкома ВКП(б); Цаллагов Коста Кириллович – начальник Северо-Осетинского областного земельного управления и зам. председателя облисполкома [6, 197-198]. Исследователь дает периодизацию репрессий против североосетинской номенклатуры. Первый этап А. Т. Царикаев определяет как подготовительный и связывает «с обсуждением письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» от 29 июля 1936 г. [7, 122]. Далее упоминается и о публикации статьи «Гнездо буржуазных националистов» [7, 123], ставшие своеобразным катализатором событий Большого террора в Северной Осетии.

Определенный набор знаний в «вооружении» североосетинских историков имеется о культурном уровне, идеологических

установках, а также о некоторых социальных аномалиях, происходящих в среде коммунистов 1920 гг. Все перечисленные аспекты в соответствии с историческим контекстом при использовании солидной научной литературы и богатого архивного материала реконструируются в диссертационном исследовании Т. Т. Бичегкуева «Социокультурный облик коммунистов Северной Осетии в 1920-е гг.: историко-политический аспект [8].

Главными тематическими сюжетами работы выступают: демографические характеристики, культурный и образовательный уровень, социальная мобильность, а также модели девиантного поведения. Рассматривая образовательный уровень коммунистов, автор приходит к неутешительному выводу: «Итак, культурно-образовательный уровень коммунистов Северной Осетии в рассматриваемый период был невысок. В массе своей коммунисты являлись грамотными, но, как правило, имели образование не выше начального» [8, 115]. Конечно, наличие малообразованных кадров в государственно-партийном аппарате не мог в полной мере обеспечить его эффективную работу. Как отмечает сам автор: «Дефицит в партии высокообразованных людей, специалистов своего дела, являлся для неё серьёзной проблемой и создавал трудности в решении текущих социально-экономических и политических проблем» [8, 156]. Четвертый параграф второй главы связан с исследованием моделей девиантного поведения коммунистов. Справедливо будет отметить, что именно в этой работе была предпринята первая попытка анализа социальных аномалий в среде представителей североосетинского чиновничьего аппарата. Привлекая материалы из фондов Владикавказской окружной контрольной комиссии и периодической печати, Бичегкуев выявляет наиболее ярко выраженные «пороки», характерные для коммунистов 20-х годов XX века. К таким автор относит взяточничество, «сращивание с частником», а также пьянство. Причина последней видится автором «во «вхождении» в нэповскую действительность, при которой либерализация частной собственности разъедающе влияла на психологию определённой части партийной номенклатуры» [8, 155].

Современная историография, посвященная партийно-советской номенклатуре Северной Осетии, получила определенное развитие и на уровне Северокавказского региона. В этом ключе стоит сказать о работах Е. В. Туфанова. Особое значение имеет его диссертационное исследование «Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа) [9]. Работа написана на достаточно высоком теоретическом уровне, с использованием внушительного списка научной литературы. Ценность изысканий заключается в том, что автором прослеживается эволюция и дальнейшее развитие партийно-государственного аппарата в контексте социально-экономических, культурных и политических трансформаций. Большая часть работы посвящена сравнительному анализу моральных принципов номенклатурных кадров ленинского и сталинского периодов [9, 270]. Весьма интересной делает работу и 5 глава, посвященная исследованию повседневной жизни северокавказской элиты [9, 323]

Несмотря на ряд положительных сторон, диссертация не лишена своих недостатков. К таким, прежде всего, относится выстраиваемая автором концепция, в рамках которой между социально-экономическим и политическим развитием республик Северного Кавказа ставится знак равенства. Если говорит о Северной Осетии, то она, в отличие от других республик, не была так сильно обременена религиозными и сословными отношениями, благодаря чему процесс развития в ней шел значительно быстрее.

Вторым недостатком работы является недостаточно широкая источниковая база. Если в ходе работы автор привлёк архивные материалы из фондов РГАСПИ, ГАРФ, Ростовской области, Ставропольского края и т.д., то работы с местными архивами, на наш взгляд, недостаточно. Это, безусловно, придает диссертации оттенки субъективизма и препятствует воссозданию целостной картины рассматриваемой в ней проблематики.

Несмотря на значительные сдвиги в изучении североосетинской элиты, все же есть пробелы, ликвидации которых требует историческая наука. при рассмотрении социокультурных, социально-профессиональных аспектов, подготовку кадров и т. д., за

рамками исследовательского поля остаются проблемы, связанные с материальными и пространственными возможностями номенклатуры. В региональном историческом сообществе нет четкого ответа на ряд ключевых вопросов о том, как происходило формирование системы льгот и привилегий в отношении руководителей североосетинской области и их семей? Насколько болезненным было складывание «нового быта» для партийных и государственных функционеров? Какова была степень их соответствия критериям партийной этики, особенно в условиях социально-экономических трансформаций, продиктованных новой экономической политикой? Не хватает нам знаний о демографических, культурно-образовательных параметрах руководителей субрегионального уровня, их взаимодействии с высшим руководством Северной Осетии, особенностями их ротаций.

Все вышеперечисленное в совокупности составляет исследовательские задачи. На сегодняшний день, благодаря процессу «рассекречивания» документов фондов региональных архивов, назрела необходимость в решении этих задач.

Таким образом, подводя итоги, констатируем, что региональная историография по изучению партийно-советской номенклатуры представлена в основной своей массе в виде статей, двух биографических справочников, а также двух диссертационных исследований, в той или иной степени затрагивающих интересующую нас проблематику. Благодаря этим научно-исследовательским работам произошли существенные сдвиги в реконструировании социокультурного и социально-профессионального облика ответственных работников Северной Осетии. Между тем, как отмечалось выше, выделяется ряд тематических сюжетов, без комплексного изучения которых невозможно написание полноценной и объективной истории политической элиты Северной Осетии 20–30 гг. XX в.

1. Политическая элита Северной Осетии. 1924–1941 гг: Биографический справочник // А.Т. Царикаев, Г.Б. Тускаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 135 с.

2. Руководители Северной Осетии (1924–1953 гг.): партия, советы, комсомол: Биографический справочник // А.Т. Царикаев. Владикавказ: ГБУ «Институт истории и археологии РСО-Алания»: ИПЦ ИП Цопанова А.Ю, 2015. 215 с.

3. Царикаев А.Т. Председатели Орджоникидзевского горисполкома в 1933–1941 гг.: социально-профессиональный портрет // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. Вып. 12-3 (74). С. 193-195 [электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27472153>.

4. Царикаев А.Т., Царикаева А.Р. Партийные руководители Северной Осетии 1930-х гг. // Перспективы науки. 2013. Вып. 7(46). С. 33-36 [электронные ресурсы]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20271924>.

5. Царикаев А.Т. КУТВ им. И.В. Сталина в системе профессиональной партийной подготовки политической элиты Северной Осетии в 1920 – 1930-е гг // НАУКА-RASTUDENT.RU. 2015. Вып.11. С. 15 [электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24984556>.

6. Царикаев А.Т. Представители Северной Осетии в «сталинских расстрельных списках» 1937-1938 гг // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. Вып.1-1 (27). С. 196-200 [электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20517844>.

7. Царикаев А.Т. Некоторые аспекты репрессий против партийно-советской номенклатуры Северо-Осетинской АССР в 1937-1938 гг // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2013. Вып.4. С.122-125 [электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21591386>.

8. Бичегкуев Т.Т. Социокультурный облик коммунистов Северной Осетии в 1920-е гг.: историко-политический аспект. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 182 с.

9. Туфанов Е.В. Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг. (на материалах Северного Кавказа): дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2018. 482 с.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

С 28 по 30 июня 2024 года в СОИГСИ им. В.И. Абаева состоялась XVIII Международная школа-конференция молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки».

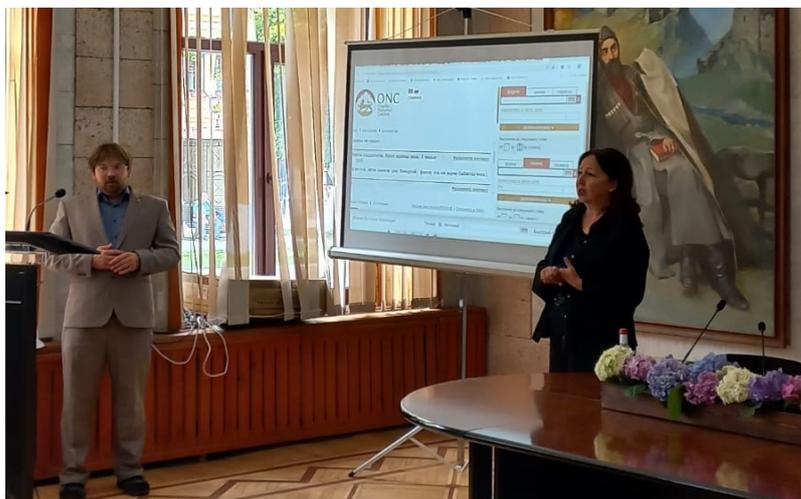
МШКМУ была основана СОИГСИ в 2006 году в целях содействия молодым ученым в освоении современной методологии гуманитарных исследований, обеспечения преемственности поколений ученых, интеграции академической и вузовской науки, укрепления межкультурных связей.

Программа МШКМУ включает лекции, мастер-классы, семинары, круглые столы и секционные заседания. Для чтения лекций и проведения мастер-классов приглашаются ведущие ученые-гуманитарии. Участники МШКМУ – молодые ученые-специалисты в области истории, этнологии, культурологии, археологии, языкознания, фольклористики, литературоведения, социологии и других гуманитарных дисциплин, студенты и аспиранты.

Основные научные направления МШКМУ: этногенетические и этнокультурные процессы на территории Центрального Кавказа в эпоху древности и средневековья; сохранение и изучение археологического, историко-культурного и документального наследия; социально-экономическое, политическое и этнокультурное развитие Кавказа в периоды российских общественных модернизаций; фундаментальные и прикладные исследования теории, структуры и исторического развития осетинского и других языков, языковой ситуации и языковой политики; духовные и эстетические ценности фольклора; историко-сопоставительные исследования языка, мифологии и фольклора осетин, кавказских и иранских народов; литература народов Кавказа в контекстном пространстве региональной и общероссийской художественной культуры; анализ, мониторинг и прогнозирование модернизационных социальных, политических и этнокультурных процессов на Северном Кавказе.

«Мы достигли совершеннолетия», – такими словами директор СОИГСИ им. В.И. Абаева, доктор исторических наук, профессор Залина Владимировна Канукова дала старт XVIII Международной школе-конференции молодых ученых «Современные проблемы гуманитарной науки».

«Мы очень рады, что наш проект, который задумывался в 2006 году как региональная площадка для научной коммуникации молодых ученых Северного Кавказа, сегодня является узнаваемым гуманитарным форумом с международным участием. География наших участников каждый раз приятно удивляет: в этом году, помимо постоянных делегаций из братских республик Северо-Кавказского федерального округа, за что мы им безмерно благодарны, заявки на участие в форуме направили представители вузов и научных организаций Закавказья, Казахстана, Турции, Ирана, Колумбии, Испании, Египта, Иордании, Марокко», – подчеркнула З. В. Канукова.

С приветственными словами к организаторам и участникам обратились также приглашенные эксперты: доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН Руслан Ибрагимович Сефербеков; доктор исторических наук, руководитель Научно-образовательного центра Кабардино-Балкарского научного центра РАН Алексей Хасанович Абазов, кандидат исторических наук, доцент, руководитель научного кружка «КЛИЧ» исторического факультета Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова Бирлант Борз-Алиевна Абдулвахабова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН Арсений Павлович Выдрин, декан исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова Залина Тимуровна Плиева.

В рамках пленарного заседания состоялись мастер-классы: «Осетинский язык и корпусная лингвистика» А.П. Выдрина и «Мифологические персонажи народов Северного Кавказа» Р.И. Сефербекова с последующей дискуссией.

Работу МШКМУ-2024 продолжили заседания научных сессий по направлениям: История. Историография. Археология; Этнология. Этнография. Антропология; Языкознание; Фольклор и литература; Политология и социология. С тематикой научных сообщений участников можно ознакомиться в Программе МШКМУ-2024.

Доклады участников, прошедшие экспертный отбор, будут опубликованы в специальном выпуске научного журнала «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых», входящего в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

В этом году в программу МШКМУ впервые была введена дополнительная Научно-методическая сессия для учителей родного языка «Проблемы сохранения и развития осетинского языка», в которой приняли участие педагоги среднеобразовательных школ республики и преподаватели факультета осетинской филологии СОГУ им. К.Л. Хетагурова. По словам директора СОИГСИ З.В. Кануковой, сессия положит начало новому формату научной коммуникации академического сообщества и педагогического корпуса с целью совершенствования методики преподавания осетинского языка.

На сессии участники смогли обменяться мнениями о состоянии и перспективах развития осетинского языка, роли семьи, школы и общественных организаций в популяризации осетинского языка среди подрастающего поколения, а также познакомиться с деятельностью отдела осетинского языкознания СОИГСИ в рамках мультимедийной лекции старшего научного сотрудника, кандидата филологических наук Фатимы Олеговны Абаевой.

Также впервые в истории МШКМУ специально для учителей-осетиноведов была представлена аудиозапись лекции Василия Ивановича Абаева «Об идеологических задачах гуманитарного языкознания» 1969 года из фондов Научного архива СОИГСИ.

Программу МШКМУ-2024 по традиции завершила экскурсия по историческому центру города Владикавказ.

В СОИГСИ им. В.И. Абаева состоялась дискуссия молодых ученых на тему «Молодёжь российского Кавказа: традиционные ценности в контексте реализации молодежной политики».

Проект реализуется под патронажем полномочного представителя Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе в рамках программы развития кадров «Будущее Кавказа». Целью проекта является изучение восприятия молодежью базовых традиционных российских ценностей, а также оценка влияния этих ценностей на жизнь и поведение молодых людей на Кавказе.

Авторы исследования – Аскер Тумов, кандидат исторических наук, доцент КБГУ им. Х.М. Бербекова, и Мурат Шогенов, кандидат психологических наук, доцент КБГУ им. Х.М. Бербекова.

Исследование проводится в формате фокус-групп, участниками которых уже стали молодые ученые Дагестана, Кабардино-Балкарии, Чеченской Республики. В Республике Северная Осетия-Алания в фокус-группу вошли аспиранты и молодые ученые институтов-филиалов Владикавказского научного центра РАН. СОИГСИ им. В.И. Абаева представили младшие научные сотрудники Сослан Секинаев, Георгий Засеев, Зарина Тургиева, Тамерлан Бабаев, Симон Бигулов.

По словам М.Шогенова, «у молодежи Северо-Кавказских республик в целом одинаковые переживания: проблема сохранения национального языка, религии, традиционных ценностей. Теперь на первый план выходят еще и взаимоотношения с туристами. Нам может казаться, что мы на Кавказе как-то отличаемся друг от друга, но где бы ты ни был – в Дагестане, в Осетии, в Кабардино-Балкарии – ты чувствуешь себя в каком-то одном большом кавказском культурном пространстве».

А. Тумов отметил высокий уровень дискуссии с молодыми учеными Владикавказского научного центра РАН: «Мы сегодня работали с людьми, обладающими соответствующим образованием и жизненным опытом, прошедшими множество ступеней профессионального роста, что, безусловно, добавляло ценности их рассуждениям. Наличие таких участников с одной стороны облегчало нашу работу, так как они были готовы к конструктивному диалогу и обмену мнениями, с другой – усложняло, так как людям с такими ярко выраженными аналитическими способностями бывает трудно поместить себя в позицию объекта исследования. Тем не менее, информация, которую они нам предоставили, оказалась невероятно полезной, особенно учитывая их разнообразный бэкграунд, потому что аналитический взгляд на то, что происходит вокруг тебя, умение проанализировать и изложить свои мысли доступным языком – это то, что умеют далеко не все. Ребята из ВНЦ РАН смогли это сделать, что, конечно, повышает

ценность информации, которую мы от них получили. Они видят проблемы, которые есть в обществе, они готовы их обсуждать, они не стесняются, они говорят прямо обо всем, что видят. И это выгодно выделяет их на фоне сверстников в соседних регионах».

На основе собранной информации будут сформированы рекомендации для государственных структур и общественных организаций, занимающихся молодежной политикой.

10–11 сентября 2024 г. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева ВНЦ РАН совместно с журналом «Россия в глобальной политике» провели серию мероприятий в рамках проекта Школа авторов «Учи учёного». Курс «Фронты и фронтиры новой холодной войны: коридор напряжённости с Севера на Юг» состоял из лекций и мастер-классов для молодых ученых Республики Северная Осетия – Алания.

Партнёрами выступили Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова и Совет по внешней и оборонной политике.

С приветственным словом выступили главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Фёдор Лукьянов и руководитель проектов Фонда Горчакова Константин Пилипилиади.

Было отмечено, что проект «Учи учёного» – это прежде всего взаимообогащение. В условиях стремительно меняющегося мира каждый в силу своей профессиональной деятельности, подготовки, живости ума видит какой-то отдельный элемент большой картины, которая сегодня рисуется, а вместе мы можем попытаться составить общий горизонт.

Состоялась вводная лекция Фёдора Лукьянова о роли аналитической работы специалистов-международников в контексте глобального политического переустройства. Было сказано о проблемах и вызовах нынешнего периода, спровоцированных изменениями в системе мирового устройства. Лукьянов отметил, что в 1990-е гг. ощущение перемен было больше, чем реальные перемены. Сейчас же – наоборот: перемены идут исторические, а осознать их пока сложно. Именно поэтому аналитическая работа регионоведов, политологов и специалистов-международников особенно востребована и важна.

Состоялся мастер-класс Прохора Тебина, директора Центра военно-экономических исследований Института мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ. В своём докладе он акцентировал внимание слушателей на том, как писать качественную аналитику в жанре публицистической статьи, как выстроить структуру работы, на что авторам необходимо обращать свой взгляд при выборе источников информации и какие ошибки распространены среди молодых специалистов.

Далее проведено практическое занятие, на котором подробно разобрали и обсудили аналитические статьи участников Школы.

11 сентября состоялась лекция Николая Силаева, директора Лаборатории интеллектуального анализа данных, в.н.с. Института международных исследований МГИМО МИД России. Тема его выступления – «Американская зарубежная помощь на постсоветском пространстве в 2014–2023 годах».

Силаев представил результаты анализа направлений американской зарубежной помощи в постсоветском регионе. Обсудили тенденции в изменениях американских приоритетов в регио-

нах, а также их причины. Лидерами среди получателей американского финансирования последних десяти лет являются Украина и Грузия. До 2014 года крупнейшим получателем американской помощи была Россия.

В завершение серии мероприятий Школы «Учи учёного» прошёл круглый стол на тему: «Трансформация постсоветского пространства в контексте международных изменений» с участием регионального экспертного сообщества.

Эксперты обсудили последствия военных действий кавказского региона последних десятилетий, а также отметили роль российского регулирования в прекращении и предотвращении отдельного ряда региональных конфликтов. Участники говорили о важной роли России в жизни Осетии (как Северной, так и Южной).

Все участники получили дипломы от Школы авторов «Учи учёного».

24–28 сентября 2024 года в г. Владикавказе на базе Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова прошла VIII Международная историческая школа.

Организаторами школы выступили: Российское историческое общество, Фонд «История Отечества», Министерство образования и науки РФ.

Международные исторические школы регулярно проводятся с 2020 года по поручению Президента Российской Федерации Владимира Путина.

В этом году участие в Школе приняли 150 студентов из 40 государств – Индии, Мадагаскара, Вьетнама, Индонезии, Бангладеш, Кот-д’Ивуара, Афганистана, Монголии, Латвии, Сербии, Словакии, Болгарии, стран СНГ, Южной Осетии и Абхазии. Благодаря поддержке Россотрудничества впервые на школу приехали и иностранные победители Диктанта Победы.

Ученые СОИГСИ приняли участие в международном кавказоведческом форуме в Махачкале

17–19 октября 2024 г. в Махачкале состоялась Международная научная конференция «Современное историческое и филологическое кавказоведение: состояние, проблемы, перспективы», посвященная 100-летию Института истории, археологии и этнографии и Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

Конференция проводилась при финансовой поддержке фонда «История Отечества». Цель форума – обсуждение актуальных проблем и перспектив развития современного кавказоведения; популяризация академической науки России; установление контактов и взаимодействия между ведущими отечественными и зарубежными кавказоведческими центрами.

Форум проходил в смешанном формате, в его работе приняли участие более 200 ученых из России, Узбекистана, Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, Италии, Испании, Японии.

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева на форуме представили с докладами: Бесолова Елена Бутусовна, главный научный сотрудник отдела осетинского языкознания, доктор филологических наук, профессор («О результатах и предпосылках языковых контактов ареала»); Абаева Фатима Олеговна, старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания, кандидат филологических наук («О проблемах отраслевой лексики осетинского языка: исконные и заимствованные соматические термины»); Дарчиева Мадина Владимировна, зав.отделом осетинского языкознания, кандидат филологических наук («Архетипические черты соматизма зæрдæ 'сердце' в фольклорных эпических текстах осетин»); Бритаева Анжела Борисовна, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы, кандидат филологических наук («Осетинская детская поэзия XXI века: основные тенденции развития»); Мамиева Изета Владимировна, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы, кандидат филологических наук («Современное осетинское литературоведение: исследовательские стратегии, проблемы и перспективы»); Дзапарова Елизавета Борисовна, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы, кандидат филологических наук («Место и роль художественного перевода в современном осетинском литературном процессе»); Гутиева Эльвира Шамилъевна, старший научный сотрудник отдела истории, кандидат

исторических наук («Елена Баракова – жизнь и судьба первой женщины-прокурора Северной Осетии»); Бабаев Тамерлан Заурбекович, младший научный сотрудник отдела истории («Развитие сельского хозяйства Северо-Осетинской АССР в 1951–1958 годы»); Кануков Заурбек Тимофеевич, младший научный сотрудник отдела археологии («Из алаано-персидских этнокультурных параллелей»).

Старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ, кандидат филологических наук Фатима Абаева стала лауреатом стипендии имени Васо Абаева.

В конце сентября в зале заседаний Министерства образования и науки РСО-Алания состоялась комиссия по назначению Государственных республиканских стипендий имени В.И. Абаева и Г.Д. Плиева на 2024/2025 учебный год.

Именные стипендии традиционно назначаются студентам, которые обучаются в имеющих государственную аккредитацию образовательных организациях высшего образования, за достижения в научно-исследовательской деятельности в области осетиноведения, осетинской литературы и фольклористики, а также для студентов, активно проявивших себя в популяризации творчества осетинских писателей и осетинского языка, аспирантам и молодым (до 40 лет) ученым.

2–4 декабря в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН состоялась ежегодная научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии».

Для участия в Научно-практической конференции было подано свыше 200 заявок от молодых ученых и специалистов в области этнологии, социокультурной антропологии, биологической антропологии, истории, социологии, политологии.

Со словами приветствия к молодым ученым обратились и.о. директора ИЭА РАН **Алексей Загребин** и заместитель директора по научной работе ИЭА РАН **Роман Старченко**.

В программу Научно-практической конференции вошли: заседания **15 секций** (Антрополог в большом и малом городе; Антропология религии; Антропология образования: история и современность; Инфраструктура советского образа жизни; Кавказ как «поле»: этнография, антропология, фольклористика; Антропо-

логия исполнительского искусства: социокультурные функции танца, музыки, театра и игры; Невербальные сигналы: роль биологии, культуры и технологий; Антропология научного сообщества: голоса женщин-ученых; Физическая антропология сегодня; Как (не) работают теории: полевые исследования наследия и памяти; Этнополитические и этноконфессиональные процессы в России и мире; Полевые исследо-

вания в социально-культурной антропологии: эмпирические и теоретические аспекты; Миф и ритуал в культуре народов Урало-Поволжья; Языковые ситуации и языковое планирование: региональный, общероссийский и мировой опыт; Медицинская антропология в XXI веке: практики здоровьесбережения), **круглый стол**, посвященный опыту совместной полевой работы сотрудников ЦИМО ИЭА РАН и студентов РГГУ, **лекции** и показ и обсуждение **документального фильма** «Разговоры с предками. Часть 2. Соседство с духами» (режиссеры – А. Жердева, Е. Ларкина, 2020 год).

В работе Научно-практической конференции «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» приняли участие молодые ученые СОИГСИ: **Бабаев Тамерлан Заурбекович** («Образовательный процесс среди рабочих в Северо-Осетинской АССР в V и VI пятилетках») и **Тургиева Зарина Арсеновна** («Владикавказ: культура в повседневности»).

Старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований СОИГСИ, кандидат политических наук Б.М. Бирагова приняла участие в X Всероссийском конгрессе политологов в Москве.

5-7 декабря на базе МГИМО и Финансового университета при Правительстве РФ состоялся юбилейный X Всероссийский конгресс политологов с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития».

Форум организован Российской ассоциацией политической науки (РАПН) и приурочен к 35-летию с момента становления отечественной политологии в качестве самостоятельного научного направления.

Российская ассоциация политической науки – старейшая и единственная международно признанная профессиональная организация отечественных политологов, созданная в 1955 году и

включающая ныне в свой состав около 70 региональных отделений и более 1000 профильных специалистов. Президент РАПН – заместитель председателя Общественного совета при Минобрнауки РФ, член Общественной палаты РФ и Общественной палаты Москвы, заведующая кафедрой МГИМО, член-корреспондент РАН О.В.Гаман-Голутвина.

На пленарной сессии конгресса в МГИМО выступили: ректор МГИМО, заместитель председателя Общественного совета при Минобрнауки РФ, председатель Общественной палаты Московской области академик А. В.Торкунов; почетный президент Института Африки РАН академик РАН А. М. Васильев; руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН академик А. Г. Арбатов, член Дирекции ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН академик Н. И. Иванова, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН академик В. В. Михеев; директор Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р ист. наук профессор А. А. Маслов, президент Балтийского федерального университета им. И. Канта, первый вице-президент Российской ассоциации политической науки, д-р полит. наук профессор А. П. Клемешев, проректор по научной работе МГИМО, канд. полит. наук доцент А. А. Байков, декан Факультета управления и политики МГИМО д-р политических наук, профессор Г. Т. Сардарян; декан Факультета международных отношений МГИМО, канд. полит. наук, доцент А. А. Сушенцов, научный руководитель Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, вице-президент Российской ассоциации политической науки, Заслуженный деятель науки РФ, д-р философ. наук профессор А. Ю. Мельвиль; заместитель министра науки и высшего образования Д. С. Секиринский, заместитель председателя Совета Федерации ФС РФ К. И. Косачев, сенатор, Председатель комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со СМИ, кандидат исторических наук А. К. Пушков; председатель Московской городской думы А. В. Шапошников.

Несмотря на растущее внешнеполитическое давление на Российскую Федерацию, конгресс сохраняет статус авторитетной

дискуссионной площадки и непрерывного диалога с международными профессиональными сообществами. На пленарном заседании конгресса выступили известные зарубежные ученые из 46 стран мира, среди которых – Австрия, Азербайджан, Алжир, Ангола, Армения, Аргентина, Беларусь, Бельгия, Великобритания, Германия, Грузия, Египет, Израиль, Индия, Ирак, Иран, Италия, Казахстан, Китай, Лаос, Латвия, Мексика, Молдова, Нигерия, ОАЭ, Сенегал, Сербия, Румыния, Таджикистан, Таиланд, Турция, Танзания, Кения, Украина, Узбекистан, Франция, Черногория, Чехия, Швеция, Швейцария и другие.

Старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований СОИГСИ, кандидат политических наук **Б.М. Бирагова** приняла участие в X Всероссийском конгрессе политологов с докладом «Символическая политика» России на Северном Кавказе» в рамках секции «Многообразие как резервуар политического развития: культура, ценности, религия».

«Российская ассоциация политической науки – это, безусловно, наш российский think tank – «мозговой центр», который концентрирует все авторитетные политологические интеллектуальные силы и ресурсы для выработки стратегий внутривнутриполитического и внешнеполитического развития России. Конгресс РАПН –

это своего рода «сверка часов» для политологического сообщества, поэтому участие в таком масштабном форуме является априори знаковым. Ключевой темой конгресса, на мой взгляд, стало обеспечение справедливого полицентричного мироустройства. Россия претендует на роль локомотива нового полицентричного миропорядка как государство-цивилизация, опирающееся на приоритет культурного многообразия и традиционных ценностей. Неслучайно наша секция «Многообразие как резервуар политического развития: культура, ценности, религия» была одной из самых востребованных по количеству заявок», – отметила **Б.М. Бирагова**.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 34, 2024

Научный журнал

Технический редактор — *А.А. Караев*
Компьютерная верстка — *А.Ю. Цопанова*
Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 16.12.2024.
Формат бумаги 70×108 ¹/₁₆. Бум. 80 гр.
Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»
Усл.п.л. 15,05. Тираж 100 экз. Заказ 112.

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК»

362040, PCO-A, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, PCO-A, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
e-mail: rio-soigsi@mail.ru